

УДК 32
ББК 66.0
П58

Координаторы проекта и составители:
Клаудиа Кроуфорд, Евгения Лёкен
(Фонд Конрада Аденауэра в России),
Николай Петров, Евгений Гонтмахер
(экспертная группа «Европейский диалог»)

Рецензент Андрей Мельвиль

Перевод на английский язык:
Анастасия Репко, Дэниел Репко,
Эндрю Ромео

Перевод с немецкого языка Валерия Кузавлёва

П58 **Популизм как общий вызов** / [отв. ред. К. Кроуфорд, Б. И. Макаренко, Н. В. Петров]. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 127 с.

ISBN 978-5-8243-2210-1

Сборник представляет собой результат работы над проектом «Популизм в России и в мире», осуществленном в 2017 г. Фондом Конрада Аденауэра совместно с экспертной группой «Европейский диалог». Проект был международным и междисциплинарным, и предлагаемая книга претендует не столько на исчерпывающее освещение предмета, сколько на его оконтуривание с разных позиций и приглашение других исследователей к серьезному диалогу.

Книга предназначена для студентов, преподавателей, экспертного и научного сообщества, а также всех читателей, интересующихся политическими партиями и движениями.

Ответственность за содержание статей несут авторы сборника.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-8243-2210-1

© Фонд Конрада Аденауэра, 2018

© Политическая энциклопедия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	4
Предисловие.....	6
Борис Макаренко, Николай Петров. Введение: Популизм в России и Европе	8
Вернер Й. Патцельт. Популизм – и что с ним делать.....	16
Борис Макаренко. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива	27
Андрей Рябов. Причины подъема популизма в развитых странах и его отсутствия на постсоветском пространстве	37
Андрей Медушевский. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе	47
Карстен Грабов. Правый и национальный популизм в Западной Европе.....	58
Алексей Берелович. Три популиста – Путин, Берлускони, Саркози	67
Лев Гудков. Популизм и российское общество: корни, особенности, перспективы.....	80
Николай Петров. Эволюция популизма в российской политике	90
Александр Кынев. Электоральный популизм на российских выборах	102
Георгий Чижов. Украина в объятиях популизма.....	114
Сведения об авторах	124

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Как противодействовать растущему отдалению России от Евросоюза? Как прийти к взаимопониманию, если недоверие неуклонно усиливается? Как нам кажется, главным образом через сотрудничество представителей науки, культуры, экономики и гражданского общества. Так, чтобы они говорили не столько друг о друге, сколько друг с другом. А для этого лучше всего подходит такой круг вопросов, который представляет интерес для обеих сторон.

Для московского офиса Фонда Конрада Аденауэра одним из партнеров по диалогу является экспертная группа «Европейский диалог» – объединение российских ученых из различных областей науки, которые с разных сторон изучают процессы в Евросоюзе и поддерживают диалог с коллегами из стран-участниц ЕС. Год назад они обратились к нам с предложением совместного проекта по изучению феномена популизма.

В последние годы почти во всех странах ЕС популисты укрепили свои позиции. Не прекращаются дебаты о том, каковы причины популизма и как с ним бороться. Однако и в странах Восточной Европы, и не в последнюю очередь в России популизм ярко выражен в политической жизни. Поэтому будет интересно разобраться, схожи ли корни и черты популизма в Восточной Европе и Евросоюзе и универсальны ли способы борьбы с ним.

Эти и многие другие вопросы обсуждались экспертами из разных стран в рамках трех семинаров в Москве и Берлине. Чтобы сделать результаты их работы доступными для широкой аудитории, мы поддержали инициативу по подготовке публикации. Вашему вниманию представлен сборник статей, раскрывающих феномен популизма с самых разных сторон.

Здесь же стоит упомянуть, что популизм – явление не новое и вряд ли когда-либо исчезнет навсегда. Хотя бы потому, что он всегда является индикатором нерешенных вопросов. Чем больше проблем ощущается в обществе, тем больший эффект производят популистские лозунги. Поэтому лучший способ противостоять популизму – решить сами проблемы.

Я выражаю глубокую благодарность всем авторам, которые приняли участие в публикации, и желаю книге широкого круга читателей. А им, в свою очередь, – новых поводов для размышлений.

Клаудиа Кроуфорд
Руководитель Фонда Конрада Аденауэра в России
Москва, ноябрь 2017 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Активное сотрудничество созданной в 2016 г. экспертной группы «Европейский диалог» с немецким Фондом Конрада Аденауэра началось фактически с первых месяцев существования группы. Именно тогда, на пике успеха популистских партий и движений в Европе, возникла идея осуществить совместный исследовательский проект по сравнительно-географическому и сравнительно-историческому анализу феномена популизма в современной политике. Фонд Конрада Аденауэра в лице руководителя его московского офиса Клаудии Кроуфорд всецело поддержал идею, и уже в декабре 2016 г. состоялось серьезное экспертное обсуждение проекта, сформировался костяк команды с российской стороны, в который вошли под руководством профессора Высшей школы экономики Николая Петрова такие исследователи, как Лев Гудков (Левада-центр), Борис Макаренко и Георгий Чижов (Центр политических технологий), Александр Кынев и Андрей Медушевский (Высшая школа экономики), Андрей Рябов (ИМЭМО РАН).

Дальнейшие обсуждения шли в течение полугода в формате рабочих семинаров, в марте на семинаре в московском офисе Фонда Конрада Аденауэра к обсуждению присоединились немецкие участники Вернер Патцельт и Карстен Грабов. В мае 2017 г. в Берлине прошла итоговая конференция по проекту, в которой, кроме сформированной российско-немецкой группы, приняли участие Алексей Берелович, Магали Балан (Франция), Эугениуш Смоляр, Петр Бурас (Польша), Максим Трудолюбов (Россия), Сабина Фишер (Германия) и ряд других экспертов.

Настоящая публикация, которая была бы невозможна без поддержки московского офиса Фонда Конрада Аденауэра и его руководителя Клаудии Кроуфорд, представляет результаты этого проекта.

Экспертная группа «Европейский диалог» ставит своей целью организацию совместных российско-европейских дискуссий и исследований о наиболее актуальных проблемах общеевропейских общественно-политического, экономического и социального пространств, частью которых, несомненно, является и Россия. Фонд Конрада Аденауэра – один из наиболее важных партнеров «Европейского диа-

лога», что, как мы надеемся, получит продолжение в новых проектах в 2018 г. и в дальнейшем.

*Проф., д-р экономических наук Евгений Гонтмахер,
член Координационного совета
экспертной группы «Европейский диалог»*

Борис Макаренко, Николай Петров

ВВЕДЕНИЕ: ПОПУЛИЗМ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Предлагаемый вниманию читателя монографический сборник является первым подходом к живой и чрезвычайно сложной проблеме, предпринятым многонациональной и многодисциплинарной командой. В известном смысле это напоминает притчу о слоне и семи мудрецах, только в нашем случае мудрецы не слепые – просто их зрение сфокусировано на отдельных частях слона.

Казалось бы, все знают, что такое популизм, но дать ему четкое определение – будь то политическое или научное – оказывается не так просто. Популист – это демагог? Но греческое слово «демагогия» означает всего лишь «руководство народом», т. е. профессию любого политического лидера, для которого умение убеждать словом, вести за собой, внушать веру в себя и свои действия – естественное и необходимое профессиональное качество. Популизм – это несбыточные обещания народу? Но мало у кого из политиков – по самым разным причинам – получается в полной мере выполнить то, что обещается перед выборами, и не так просто замерить коэффициент исполнения обещаний. Популизм – это стремление представить себя «близким к народу»? Но и этот прием применяется самыми разными политиками в самых разных контекстах. Лидер вигов Уильям Гладстон любил позировать перед камерой с топором лесоруба в руках, показывая, что он не чужд тяжелого физического труда.

Популизм – как показывают примеры, приводимые авторами сборника, – может быть и «правым», и «левым», может смыкаться с национализмом и ксенофобией, может проявляться как в стабильных демократиях, так и в недемократических режимах. Им могут заниматься политики во власти и в оппозиции, «верхи» и «низы». Есть ли у этого феномена «общий знаменатель»? Если вычленив из статей сборника главные аргументы всех авторов, то, пожалуй, у этого «слона» они «нащупали» некоторые общие места.

Первое и главное в популизме – антиэлитизм, противопоставление, зачастую манихейское, «народа», «массы» и «элиты». Популист предстает в виде разоблачителя, защитника, спасителя простого че-

ловека от злоумышляющей против него элиты, будь то политической или финансовой, своей или глобальной.

Второе – напрямую следующее из первого – плебисцитарность популистских политиков. Они апеллируют ко всему обществу напрямую, поверх партий и институтов, стремятся заключить виртуальный общественный договор. Соответственно появляется риск, что институты в демократическом обществе окажутся на обочине политики или встанут в оппозицию плебисцитарному популистскому вождю, а в менее демократических режимах не получат должного развития или будут усечены в полномочиях. Только последние месяцы текущего года приносят многочисленные примеры подобных явлений в столь разных странах, как США и Венесуэла, Польша и Турция.

Третья общая черта популизма – проблема с ответственностью власти и контроля над нею. Во-первых, плебисцитарный мандат не подразумевает контроля между выборами, тем более что институциональные сдержки и противовесы ослаблены. А главная форма контроля над любым избранным политиком – возможность отстранения от власти на следующих выборах – работает далеко не в любой политической среде. Да и смена власти, как показано в книге, не всегда решает проблему ответственности, ни в стабильных демократиях, где у кормила чередуются истеблишментные силы, ни, например, на Украине (см. материал Георгия Чижова в этом сборнике), отличающейся крайней хаотичностью и волатильностью политических партий.

Однако, пожалуй, главная черта, которая бросается в глаза всем наблюдателям, – это особая стилистика популистов. Очевидно, четких критериев, позволяющих замерить «градус популизма» в публичных выступлениях и деяниях политика, найти не удастся (хотя такие попытки иногда и делаются путем подсчета частотности употребления слов-«маркеров»¹). Однако почти все авторы настоящего сборника уделяют внимание описанию и анализу такого стиля, подчеркивая, что популист в первую очередь стремится воздействовать на эмоции, а не рациональные воззрения своей аудитории и умеет подыскивать правильные слова и приемы, чтобы завоевать доверие. Видимо, придется признать, что «успешный» популист – это своеобразный талант.

Эти общие черты столь разных «популизмов» позволяют компенсировать отсутствие единого «лекала» для изучения популизма властного или оппозиционного, действующего в демократии, авто-

---

¹ Hawkins K., Dudley R., Wen Jie Tan. Made in US: Populism beyond Europe // Populism on the Rise: Democracies under Challenge? / ed. A. Martinelli. Milano: Edizioni Epoché, 2016. P. 113.

кратии или гибридном режиме, в «старой» Европе или переходных странах. Подчеркнем: такой анализ возможен лишь с применением всего инструментария политологии и социологии, и все равно разница в «углах зрения» и подходах неизбежно останется весьма заметной – о чем свидетельствуют материалы, вошедшие в настоящий сборник.

Состоявшаяся в Берлине дискуссия специалистов из Германии, России и многих европейских стран внесла свой вклад в изучение проблемы популизма, которой в последние годы занимаются все больше исследователей. О причинах столь пристального внимания мы позволим себе порассуждать ниже, но прежде попытаемся обобщить итоги нашего берлинского семинара и представленных на нем докладов, которые легли в основу вошедших в этот сборник статей.

Авторские главы книги объединены достаточно тонкой концептуальной рамкой – по сути, мы описали ее выше, когда выделили общие черты и характеристики популизма как явления политики и общественной жизни. Более жесткие концептуальные ограничения вряд ли были бы оправданы: когда рассматриваемый политический феномен находится в «горячей фазе», события развиваются быстро и непредсказуемо, особенно важно зафиксировать первые впечатления, представить максимально широкий спектр оценок. Впоследствии на этой базе можно и нужно будет выходить на новые обобщения.

С определенной долей условности все авторские статьи можно разделить по двум основаниям: первое из них – «география охвата» изучаемого предмета. Жестких географических рамок исследовательский проект не предполагал, но понималось, что объектом внимания станет, с одной стороны, «Запад», с другой – посткоммунистическое пространство. Интересно, что даже в этой классификации западная часть «посткомов» – Центральная и Восточная Европа – в разных контекстах рассматривалась то как часть единого европейского пространства со специфической моделью популизма (см. работу Бориса Макаренко), то как переходное от коммунистического строя общество, политическая культура и стилистика общественных настроений в котором несет многие следы недавнего прошлого. Значительная часть работ (Патцельт, Макаренко, Петров) носит компаративистский характер, другие (Гудков, Кынев, Чижов) посвящены проявлениям популизма в отдельно взятых странах, будь то Россия или Украина. Два автора – А. Медушевский и А. Рябов – совмещают эти два подхода, сравнивая между собой группы стран и соответственно разные типы «популистской среды». К. Грабов сравнивает «популизмы» в нескольких странах Западной Европы, вводя провоцирующее на серьезные размышления понятие «инклюзивного» (преимущественно – левого) и «эксклюзивного» (правого, националистического) популизма.

Второе деление статей сборника – по методологическому подходу и примененному исследовательскому инструментарию. Работы Б. Макаренко, А. Медушевского и Н. Петрова представляют собой анализ, выполненный в традициях неоинституциональной школы сравнительной политологии, стремящийся продемонстрировать комплексный подход к рассмотрению популизма. Позиции авторов не идентичны, но концептуально близки, а различия обусловлены фокусом исследования: первый из них разбирает общий феномен популизма, второй – сходства и различия между популизмом на Западе и в России, третий – эволюцию широко понимаемого российского популизма, но имея в виду более общий контекст «разных популизмов».

Другие авторы применяют, скорее, социологический подход к исследованию популизма. И если работа Л. Гудкова построена преимущественно на количественной социологии – интерпретации солидного массива данных общероссийских опросов общественного мнения, – то такие авторы, как А. Берелович, А. Кынев и, отчасти, Г. Чижев, рассматривают главным образом стилистический популизм, описывают конкретный событийный ряд, определенные фигуры партий и политиков популистского толка. Интересна с этой точки зрения работа А. Рябова. В первой ее части – анализе западноевропейского популизма – он близок к другим политологам-компаративистам, хотя привносит свои акценты, рассматривая популизм как заполнитель «вакуума идей» у традиционных партий, особенно в левой части политического спектра. Однако, переходя к постсоветскому пространству, он утверждает, что популизм не получил там широкого развития. Казалось бы, это прямо противоречит тому, что пишут о популизме в страновых кейсах другие авторы, в первую очередь А. Кынев и Г. Чижев, описавшие популистскую политику соответственно в России и на Украине. Однако на самом деле это неизбежное следствие множественности интерпретаций популизма: А. Рябов говорит об отсутствии в России и других странах постсоветского пространства «низового» популизма, который требует повышенной активности и коллективных действий ущемленных «низов», а то, что у других авторов интерпретируется как популизм несменяемых элит, остается вне фокуса его внимания. Реальная практика постсоветского популизма, разумеется, шире и многообразнее: например, Г. Чижев в своей работе, посвященной Украине, делает отсылку и к опыту других постсоветских государств (А. Лукашенко в Белоруссии и М. Саакашвили в Грузии), где новые лидеры сместили своих предшественников именно потому, что смогли оседлать популистскую волну, но после победы приложили все усилия (тоже популистские в трактовке ряда наших авторов), чтобы сделать эту власть *де-факто* несменяемой.

Очевидно, это не единственное несогласие между авторами сборника, и вряд ли имеет смысл выносить суждения о том, какой подход более правомерен. Популистская волна продолжается, даже если ближайшее будущее подтвердит, что ее пик уже пройден. Нашей задачей было внести свою лепту в изучение и обсуждение современного популизма, показать его многоликость и неоднозначность, а для этого множественность подходов и мнений – безусловное достоинство. Будем надеяться, что предлагаемый читателю сборник пополнит знание о популизме, о котором в последние годы говорят и пишут гораздо больше, обычно – с нескрываемой тревогой.

Дело не только в том, что популистские партии и политики на выборах стали получать большую долю голосов. Главное – как свидетельствуют примеры очень разных стран, приводимые авторами сборника, – во всех случаях подъем популизма являлся симптомом, по выражению одного из авторов сборника Л. Гудкова, *дисфункции или недееспособности государственных и политических институтов*. Признаками таковых может быть неспособность правящих элит справиться с последствиями затяжного социально-экономического кризиса, придать новое дыхание процессу европейской интеграции, выработать адекватную замену провалившейся политике мультикультурализма, особенно в то время, когда в Европу хлынули потоки мигрантов из Африки и с Ближнего Востока. За пределами демократического Запада – на постсоветском пространстве – свой набор неудач и несовершенств в строительстве современных обществ: коррупция, пробуксовка в социально-экономическом развитии, вопиющее социальное расслоение, а порой – безальтернативность и несменяемость власти.

Все это означает, что у населения рассматриваемых стран есть вполне законные и резонные претензии к политическому классу, и, что немаловажно, такие претензии обладают сильным эмоциональным зарядом. А это создает благодатную почву для популистских настроений, привлекательности антиэлитных лозунгов. В. Патцельт подробно анализирует данный феномен, видя его корень в «представительском разрыве» – утрате ведущими партиями способности учитывать значимые протестные настроения, что может случиться и на правом, и на левом, и на обоих флангах политической системы одновременно.

Добавим – обратная сторона подобного «антиэлитизма» – слишком часто прорывающееся и у политической элиты, и, шире, у многих представителей раздражение, а то и презрение в адрес людей, идущих за популистами. «Корзина для безнадёжных» (*basket of deplorables*) – эпитет, брошенный Хиллари Клинтон в адрес «доброй половины» избирателей своего популистского оппонента, – только наиболее

откровенный пример, стоивший ей, очевидно, немало числа голосов поддержки. Иначе говоря, эмоционально окрашенные претензии элит и недовольных граждан носят обоюдный характер, что позволяет говорить о серьезных кризисных явлениях в системе представительства политических интересов, грозящих негативными последствиями и для государств, и для обществ, – этот момент акцентируют Б. Макаренко, Н. Петров и А. Медушевский. Так что подъем популизма и на Западе, и в постсоветских странах – явление, имеющее под собой серьезные причины и основания.

Что считать апофеозом нынешней популистской волны в странах Запада? Приход к власти левопопулистской СИРИЗА в Греции? Успех Брекзита: сначала популистский натиск вынудил respectable истеблишментную партию вынести на плебисцитарное голосование проблему с далеко идущими последствиями, а потом популистские аргументы принесли победу в этом голосовании решению, которое будет очень сложно исполнить? Или победу откровенного популиста Дональда Трампа в США, после которой он вступил в конфликт почти со всеми институтами и политическим истеблишментом, включая свою собственную партию, которая не смогла не выдвинуть его кандидатом в президенты? А мы предложим еще одну – парадоксальную – версию апофеоза популизма: президентские выборы во Франции. Многие комментаторы сочли их главным итогом поражение популизма Марин Ле Пен. Но напомним, что в первом туре выборов откровенно популистские – соответственно левый и правый – кандидаты в президенты Ле Пен и Жан-Люк Меланшон набрали в сумме более 40 % голосов, да и победитель выборов, Эммануэль Макрон, своим успехом во многом обязан выигрышному имиджу «нового человека», отличного от набившего французам оскомину истеблишмента – как лево-, так и правоцентристского.

В то же время победа Э. Макрона может служить и неким ориентиром в поисках ответа на вопрос, как не допустить деструктивных последствий популистского натиска. Очевидно, что таким ответом не является: все попытки истеблишментных партий сделать уступку популистской повестке оказывались контрпродуктивными. Консервативная партия Великобритании вынуждена исполнять решение о Брекзите, Республиканская партия в США – искать способы реализации своей повестки дня с президентом-популистом. В каких-то случаях популизм и сам не выдерживает бремени власти – популярность нескольких популистских партий заметно понизилась после их вхождения в правительственные коалиции. А вот такой асимметричный ответ, как выдвижение новых лиц, овладение стилем публичной политики, соответствующим запросам современного общества, поиск новых подходов при сохранении принципиальных по-

зиций, – это перспективный путь, о чем говорили многие участники берлинского семинара. Помимо Э. Макрона в качестве таких «новых политиков» назывались премьер-министр Канады Джастин Трюдо, министр иностранных дел Австрии Себастьян Курц.

В определенном смысле всплеск популизма можно трактовать как «болевого сигнал» о неблагополучии в обществе, требующий серьезных усилий со стороны политического класса. По своему смыслу ответом на это должно быть то, что в настоящем сборнике Андрей Медушевский называет «ответственной политикой». Ни у него, ни у других авторов нет иллюзий, они понимают, насколько сложна окажется эта задача в реальной жизни. Андрей Рябов пишет о кризисе «предложения», т. е. идей относительно вектора будущего развития европейской политики, особенно на левом ее фланге. Многие авторы – Лев Гудков, Александр Кынев, Николай Петров, Борис Макаренко – сходятся в том, что в условиях недемократических режимов «властный популизм» имеет много предпосылок, чтобы оказаться устойчивым и долговременным явлением, а по мнению последнего из них, даже в случае крайне неудачной модели развития, навязанной популизмом, на смену ему, вероятно, придет другая вариация властного популизма, а не демократизация.

Оба немецких автора сборника – К. Грабов и В. Патцельт – предлагают наборы конкретных рекомендаций по противодействию популизму, различные по формулировкам, но схожие по общей логике: сохранять приверженность демократическим ценностям, «в том числе – неудобным и сложным», выработать конкретные политические предложения, совершенствовать каналы коммуникации с обществом, не уставая заниматься политическим просвещением.

На середину 2017 г. «парад популизмов», с одной стороны, кажется прошедшим свою кульминационную точку. И в Голландии, и во Франции популистские партии потерпели относительную неудачу на выборах и не приблизились к власти. Есть все основания прогнозировать аналогичный сценарий и для приближающихся выборов в Германии. Популистская СИРИЗА, возглавляющая правительственную коалицию в Греции, ведет достаточно конструктивную линию по выводу страны из глубокого социально-экономического кризиса. В США система сдержек и противовесов и сильные институты создают серьезные ограничения для популистского посыла администрации Д. Трампа. Однако новый популизм в Западной Европе пошел на спад не потому, что демократия нашла долгосрочные решения породивших его проблем, а потому, что она, кажется, научилась бороться с наиболее явными его симптомами. Как резонно замечает В. Патцельт, уклоняться от борьбы и полемики с популистами – «политическая трусость», поскольку их повестка дня, какой бы бессмыс-

ленной и «неприличной» она ни представлялась, «все равно активно обсуждается в пивных по всей стране и в чатах Интернета».

Итак, о преодолении опасностей, которые несет с собой популизм, говорить преждевременно. Во Франции, как указывалось выше, популистские политики получили поддержку немалой части общества, а результат М. Ле Пен во втором туре – рекордный для Национального фронта. В Великобритании на досрочных выборах Партия независимости потерпела сокрушительное поражение, набрав всего лишь 1,8 % голосов, но лишь потому, что ее главное программное требование – выход из Евросоюза – реализуется правящей Консервативной партией. В Польше и Венгрии правопопулистские партии прочно закрепились у власти и продолжают линию на ослабление институтов судебной власти и гражданского общества. На постсоветском пространстве отливная волна не наблюдается вовсе.

Осуществленный нами в режиме пилотного проект по популизму позволил не только получить весьма интересные результаты, в первую очередь на стыке политологии, социологии и электоральных исследований, анализа отечественного и европейского опыта и др., но и наметить точки роста. Завершая обзор предлагаемого вниманию читателя сборника, подчеркнем еще раз, что феномен популизма, его зарождения и развития, фазовых переходов заслуживает тщательного изучения и мы приглашаем исследователей к серьезному диалогу. Это может быть исследование проблемы вширь, в том числе с учетом текущего политического развития, выборов и т. д., и вглубь: с детальным анализом кейсов на единой методологической базе, углубленным анализом эволюции политики и общества, особенно молодежи, под воздействием популизма, изучением роли медиа и социальных сетей в трансформации социально-политического пространства. Важно понимать, что популизм – не просто аномалия, это отчасти и новая норма, а отчасти некоторая болезнь роста и, как в случае всякой болезни, здесь важен анализ как ее самой, так и способов лечения, и состояния организма в целом, проявляющегося по ходу болезни.

ПОПУЛИЗМ – И ЧТО С НИМ ДЕЛАТЬ

I. Зачем изучать популизм?

Термин «популизм» стал сегодня ругательным словом. Представители медийно-политического истеблишмента охотно именуют «популистами» граждан, которые им не нравятся – то ли из-за высказываемых мнений, то ли из-за стиля высказываний. Зачастую они представляют ситуацию так, что существует только «правый популизм» или что для разумной дискуссии неприемлем именно только «правый», но никак не «левый» популизм. В то же время мы наблюдаем, что популистские приемы в ходу у многих представителей политического класса, в том числе у политиков, которые, несомненно, являются сторонниками демократии – причем не только во время выборных кампаний.

В столь сумбурной дискуссионной ситуации лучше все-таки использовать не полемический, а сугубо аналитический термин «популизм», пригодный для классификации многообразных вариантов популизма, существующих в мире. Такой термин должен также дать нам возможность анализировать сложные случаи сочетания демократии и популизма. Кроме того, такой термин должен быть достаточно четким и ясным, чтобы с его помощью можно было понятно объяснять различные взаимосвязи. Ниже будет показано, как этого достичь. При этом феномен популизма раскладывается на пять элементов. Каждый из этих элементов располагается на шкале между «совершенно нормальной демократией» и «явным популизмом», причем все пять элементов могут встречаться в самых разных сочетаниях и вариантах. Таким образом, с помощью всего пяти характеристик можно будет отразить все многообразие проявлений популизма.

II. Что такое популизм?

1. Причудливые ответы

По сути дела, популизм – это всего лишь уродливый брат прекрасной девушки по имени «демократия». Совершенно очевидно, что

брат и сестра происходят из одной семьи. Оба они тесно связаны с народом: одна линия обозначена греческим словом «демос», а другая – латинским словом «популюс», которые переводятся одинаково: «народ». Если этот народ ведет себя как толпа плебеев или превращается в плебс, мы имеем дело с популизмом. То же самое можно сказать о ситуации, когда политические лидеры народа ведут себя поплебейски или реально мобилизуют плебс. То есть для определенных целей можно различать «популизм снизу» и «популизм сверху».

Кроме того, существуют очень плавные переходы между приличным и вульгарным поведением как со стороны народа, так и со стороны политических деятелей. Поэтому политика в условиях демократии практически не бывает ни «полностью свободной от популизма», ни «чисто популистской». Лидеры-популисты, кстати, легко становятся авторитарными демагогами – зачастую они являются таковыми изначально. Популистская демократия, таким образом, может плавно перейти в диктатуру, основанную на популистском соблазне. А это, в свою очередь, может подвести нас к тому, что мы будем проводить черту между «хорошим популизмом» демократий и «плохим популизмом» авторитарных режимов. Но в аналитическом плане такой подход непродуктивен. Ведь на неудачу обречена любая попытка на чисто терминологической основе проводить четкие границы там, где их нет в той реальности, которую мы подвергаем анализу.

2. Пять элементов популизма

а) Практика демагогического упрощения

Элементом популизма, который сразу же бросается в глаза, является упрощенная интерпретация сложных взаимосвязей, причем именно тогда, когда такое упрощение делается не в педагогических, а в демагогических целях. Этим грешат даже «безупречные демократы» – по крайней мере, во время выборных кампаний или в ходе ток-шоу. От популистов их отличает (в идеальном случае) то, что их мастерство не ограничивается ловким составлением фраз, что они также умеют переключать разговор с режима дискурса на режим полемики и обратно.

б) Себялюбивое политическое предпринимательство

У популистов должен быть также лидер, политический кондотьер, которого в гражданском обиходе иногда называют «политическим дельцом». Такие люди обладают политическим чутьем, находят сенсационные, волнующие людей темы, собирают вокруг этих тем сторонников, привязывают их к себе и обещают надежное руководство на пути к лучшему будущему. Эта роль характерна и для многих

политиков-демократов – особенно для тех, кто знает, что обладает определенной харизмой. От популистов их, однако, отличает то, что они стремятся занять высокий пост не только ради самореализации, но и ради общественного блага. В президентских системах управления, где нет четкого разделения властных полномочий, высокий пост президента привлекает властолюбивого политика именно тем, что он может «от имени народа» выступать в роли «абсолютного лидера».

в) Противопоставление «популизма снизу» и «популизма сверху»

В действительности популизм – это стиль в политике, тесно связанный с противопоставлением «мы здесь внизу» – «они там наверху». Именно такое противопоставление лежит в основе утверждений политических кондотьеров, что они представляют «народ» по отношению к «тем наверху». Некоторые политики по-прежнему придерживаются этой линии и тогда, когда сами оказываются у руля государства.

В представительной демократии линия разграничения между «народом» и «политическим руководством», разумеется, тоже присутствует, поскольку в демократическом государстве избранные представители не просто отличны от тех, кого они представляют, но и занимают все руководящие политические посты. Граждане, конечно, избирают или не избирают своих руководителей, так что народ по своему положению выше, чем политические деятели. Но пока представители занимают свои посты, власти и влияния у них намного больше, чем у тех, кого они представляют. Таким образом, даже в хорошо работающей представительной демократии существует определенный разрыв между теми, кто «наверху», и теми, кто «внизу».

Правильное отношение к этому разрыву описывает так называемая «теория агентских отношений». Согласно данной теории, избиратели являются политическими «принципалами», а представители – их «агентами». То есть осуществление политической власти – это *услуга* для заказчика. И наоборот – наделение политической властью – это *поручение* оказать услугу равному партнеру. Но, к сожалению, представители, с одной стороны, не всегда ведут себя адекватно своей роли, проявляя высокомерие по отношению к гражданам. С другой стороны, граждане тоже нередко ведут себя неподобающе. Как раз такой дурной стиль обращения граждан со своими политическими представителями составляет суть третьего элемента популизма.

Этот *неправильный* стиль может быть как вульгарно-демократичным, так и авторитарным. В обеих формах он опасен для либерального строя. Поборники *вульгарно-демократического популизма* не только критикуют политический класс за заносчивость или невеже-

ство, оторванность от реалий жизни и себялюбие, то есть выдвигают претензии, которые очень часто даже вполне справедливы. Такие популисты вообще оспаривают легитимность свободно избранных политиков: они якобы просто «предатели», для которых мнение народа ничего не значит и которые злоупотребляют «свободным мандатом» ради своих идеологических экспериментов. Но подобные претензии затрагивают саму суть демократического представительства, ядром которого является право политиков самостоятельно принимать решения, даже если они при этом рискуют потерять свой мандат на следующих выборах.

Еще большая угроза политической свободе возникает там, где лидеры популистов выступают в роли главных защитников «простых людей», убеждая избирателей в том, что «в интересах народа» допустимо попрание «политического истеблишмента» и его правил. Соответствующие заявления зачастую сопровождаются требованиями о проведении референдумов, причем референдумов сомнительного свойства – таких, при которых избранные представители могут отказаться от исполнения своих обязанностей по разрешению спорных политических вопросов, предоставляя народу право решать неприятные конкретные проблемы и снимая с себя, таким образом, всякую личную ответственность. Если подобные плебисциты по конкретным вопросам вводятся в политический обиход, возникает возможность их использования для решения кадровых вопросов и даже для манипуляций в целях легитимации личных властных амбиций. Такую политику называют «плебисцитарным цезаризмом», она опирается на согласие народных масс, т. е. в конечном счете на якобы доказанное плебисцитом *тождество воли народа и воли вождя*. Стремление к такому – по большей части абсолютно иллюзорному – тождеству всегда ведет к авторитарным девиациям. И тождественно-демократический, и описанный выше вульгарно-демократический популизм неверно интерпретирует разрыв между народом и его представителями, всегда возникающий в рамках политического представительства. Тем самым они подвергают демократию реальной угрозе.

г) Утверждения о наличии ясной, единой воли народа

Ключевым элементом популизма является утверждение, что существует некая ясная, единая воля народа. Эта воля якобы известна тем, кто на демонстрациях скандирует: «Мы – народ!» Она якобы известна и тем политическим кондотьерам, которые берут на себя роль лидеров «простых людей». Будучи демагогами в буквальном смысле слова, они умело убеждают людей в том, что лучше, чем сами эти люди, знают, что им нужно, и именно поэтому являются «истинно

демократическими и легитимными» предводителями народа. В зависимости от того, какие темы подхватывают и на какие политические традиции опираются популисты, складываются очень разные – и в разной степени оформленные – популистские идеологии.

Но плюралистической демократии абсолютно чужда вера в существование какой-то единой, ясной и тем самым идейно однозначной народной воли. Плюрализм как раз исключает существование однородных интересов у народа и возможность выявления его «общей воли». Сторонники плюралистической демократии не утверждают, что за необходимым для принятия решений большинством стоит нечто большее, чем просто временный альянс разных общественных групп, зачастую имеющих совершенно разные, противоречивые интересы. Опасность, исходящая от популистов, состоит в том, что именно компромиссный характер любого демократического большинства они считают недостатком, не желая при этом признавать, что политическая свобода вообще возникает лишь тогда, когда «большинство» и «истина» отделены друг от друга. Как и при ложном вульгарно-демократическом или тождественно-демократическом толковании отношений представительства, изъяны в работе реальной демократии также представляют собой серьезную угрозу.

д) Популизм как сигнал об изъянах в системе представительной демократии

Возникновение популизма, кстати, всегда указывает на изъяны в системе представительной демократии. Краткая формула такова: популизм возникает в лакунах системы представительства и может в них закрепиться. Здесь кроется ключевой момент, позволяющий правильно понять суть популизма. Чтобы до него добраться, надо сначала понять, как работала бы совершенная представительная демократия.

Мнения граждан распределяются по определенному спектру – к примеру, от «крайне левых» до «крайне правых». Спектр мнений, конечно, находится в постоянной динамике, поскольку меняются политические моды или конкретные вызовы. Через работающую многопартийную систему спектр мнений населения находит свое отражение в составе парламента. Для периодически необходимой ресинхронизации позиций, характерных для большинства населения и/или политического класса, государство обеспечивает регулярное проведение свободных выборов. Но на выборах партии стремятся, как правило, к победе, а не к поражению, поэтому они вынуждены ориентироваться на мнения важнейших для них групп избирателей. При этом «эмпирически выявленная народная воля», многообразная и противоречивая, находит свое отражение в решениях народных

представителей не просто в «зеркальной» форме. Мнения и желания населения подвергаются улучшениям, которые представители проводят на свое усмотрение, проанализировав соответствующие конкретные вопросы. Эрнст Френкель, один из отцов-основателей западногерманской политологии, в свое время назвал этот процесс «облагораживанием эмпирически выявленной воли народа». В результате складывается та «гипотетическая воля народа», которую граждане имели бы, если бы могли заниматься насущными проблемами столь же основательно и внимательно, как это могут и должны делать профессиональные политики.

Если такое отражение и облагораживание эмпирически выявленной воли народа не обеспечивается, в процессе политического представительства появляются нарушения. Обусловлены они, как правило, двумя причинами: политикой, которая с течением времени отклоняется от реальных интересов населения, а также недостаточным разъяснением населению конкретных политических решений. Именно при таких условиях в системе представительства возникает разрыв. С одной стороны, он возможен между частью населения и частью политического класса, которую прежние сторонники больше не считают реальным представителем своих интересов. С другой стороны, разрыв может возникнуть, если представляемый политическим классом спектр мнений и предпочтений сильно отличается от того, что население действительно думает и считает.

Подобные разрывы в представительстве интересов случаются, в частности, тогда, когда заботы и темы, важные для значительной части населения, политический класс считает выдуманными, несущественными и в конечном счете недостойными серьезного рассмотрения. Такая ситуация сложилась, к примеру, в 2015 г. в Германии – сначала при «спасении евро», а затем в связи с неконтролируемым притоком иммигрантов в страну. Разрывы в системе представительства возникают также тогда, когда политический класс осознанно отказывается представлять определенные части политического спектра. Так ведут себя, например, уже в течение многих лет христианские демократы в отношении сторонников крайне правой идеологии. В союзе с баварской ХСС партия ХДС в течение нескольких десятилетий была самой правой партией в государственной системе ФРГ. Ей удавалось надежно интегрировать в свой сектор политического спектра большинство граждан – вплоть до самого правого края. Но на политику ХДС повлияли факторы, обобщенно именуемые «социал-демократизацией» – такие, как новые тенденции и запреты из соображений «политкорректности», явившиеся, в свою очередь, выражением вошедшей в моду культурной гегемонии левых и «зеленых», что повлекло за собой представительский разрыв с правым краем

общества. Еще скорее такие разрывы образуются, когда значительная часть общественности и политического класса перестает верить в искренность граждан, выражающих ту или иную озабоченность. В Германии, например, уже в течение нескольких лет протесты против притока мигрантов, который властями представляется как неизбежность, считаются выражением расизма или шовинизма.

Во всех подобных случаях, ряд которых можно легко дополнить примерами из других стран, возникает возмущение поведением политического класса и средств массовой информации, которые отвергают критику со стороны граждан. Начиная с осени 2014 г. в Германии в их адрес звучат обвинения типа «предатели народа» и «лживая пресса». Так появляется почва для протестных движений и партий, которые формируются вновь или находят дополнительную поддержку. Таким путем в начале 1980-х гг. образовалось движение «зеленых», идейно связанное с «культурной революцией» 1968 г., после того как социал-демократы во главе с федеральным канцлером Гельмутом Шмидтом, проводя левым крылом политического спектра политику укрепления безопасности и развития атомной энергетики, довели дело до разрыва в системе политического представительства. А при христианско-демократическом канцлере Ангеле Меркель начиная с 2013 г. сложилась аналогичная ситуация с партией «Альтернатива для Германии» на правом фланге политического спектра, где к представительскому разрыву привела политика в отношении еврозоны и в сфере иммиграции, поддерживаемая почти всеми немецкими партиями.

С учетом всех этих моментов можно следующим образом описать пятый элемент популизма: в зависимости от того, где в политической системе случается представительский разрыв – на левом или на правом фланге политического спектра, возникает левый или правый популизм; если же весь политический класс действует не в резонанс со значительной частью общества, то может возникнуть межфланговый популизм, направленный против всего прежнего политического истеблишмента и затрагивающий интересы всего общества.

Поскольку в разных странах и в разные периоды могут возникать совершенно различные представительские разрывы, популизм весьма многообразен. На его характер накладывают отпечаток политические темы и напряжения, которые могут иметь совершенно разный характер, но которые граждане везде связывают с ошибочной политикой политического руководства. Кроме того, на формы его проявления сильно влияют особенности административных, партийных и избирательных систем, позволяющих или не позволяющих лидерам-популистам сделать политическую карьеру. Не меньшую роль играют многообразные обычаи политической культуры, среди которых одни способствуют выработке определенных поведенческих штампов по-

пулистского толка, а другие, наоборот, им препятствуют. И, конечно, здесь также работает так называемая «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуацию как реальную и действуют исходя из этой ситуации, то последствия их действия будут реальными независимо от того, насколько нереальным могло бы быть определение исходной ситуации». Но это значит, что популизм способен также возникать на основе чисто воображаемых представительских разрывов. Так что в зависимости от динамики общественного мнения в разных обществах он может быть еще более разнообразным.

III. Три стратегии противодействия популизму

Рассматривая пять названных элементов популизма, можно сделать вывод о том, что перед нами концептуально очень компактная теория, которая, с одной стороны, легко доступна, а с другой стороны, позволяет охватить как многообразие вариантов популизма, так и плавные переходы от нормальных моделей поведения в рамках демократической конкурентной борьбы к действиям, опасным для демократии. Кроме того, эта компактная теория позволяет выработать на ее основе эффективные меры по противодействию возникновению и разрастанию популизма.

1. Не допускать возникновения представительских разрывов!

Популизм надо воспринимать прежде всего как сигнал, предупреждающий о неполадках в работе представительной демократии. Так что он является лишь *вторичной* проблемой. Поэтому гораздо важнее выявить *первичную* проблему, о наличии которой популизм лишь сигнализирует. А это значит, что надо сделать все, чтобы выявить и закрыть реальные или воображаемые разрывы в представительстве интересов граждан. Последний вариант означает следующее: если представительский разрыв возник в результате политики, которую нельзя доступно разъяснить избирателям, то следует либо изменить эту политику, либо, если представительский разрыв получился в результате потакания популярным желаниям в противовес реально необходимым политическим решениям или является просто воображаемым, терпеливо заниматься «политическим просвещением народа».

2. Совершенствовать «эмпирически выявленную волю народа»!

Что касается усовершенствования «эмпирически выявленной воли народа» посредством «политического просвещения», то здесь действуют четыре основных правила. Во-первых, необходимо внима-

тельно прислушиваться к тому, какие взгляды, заботы, страхи, интересы и желания волнуют тех или иных популистов. Во-вторых, в услышанном надо отличать воображаемое от реального, фобическое от рационального, необоснованное от обоснованного. В-третьих, к тому, что является воображаемым, фобическим и необоснованным, следует подходить с аргументативно-коррекционных позиций или – там, где необходимо, – с использованием репрессивных методов с целью защиты демократии. По сути, этот подход соответствует тому, что в настоящее время рекомендуется в Германии в качестве единственной реакции на проявления правого популизма.

В то же время – в-четвертых – все реальное, рациональное и обоснованное в протестах граждан подлежит *конструктивному* рассмотрению. Но это означает, что политики, СМИ и гражданское общество должны стремиться к эффективному, а также рационально обоснованному решению тех реальных проблем, на которые указывают популисты. Одновременно они должны четко разъяснять населению суть своих усилий.

Все это отнюдь не означает необходимость использования тех же лозунгов и аргументов, которые в ходу у самих популистов. Цель этих усилий состоит в том, чтобы сделать ненужными популистские демонстрации или новые популистские партии – помимо отдельных акций по конкретным поводам. Такой стиль поведения вполне соответствует основным принципам представительной демократии: мнения и желания электората следует обсуждать в ходе публичных дискуссий и представлять в парламентах, доводить их до кондиций «гипотетической воли народа», а затем политическое руководство должно проводить разъяснительную работу, направленную на убеждение большинства в правильности этой «гипотетической воли».

Это большая и трудная работа. «Политическое просвещение» на практике выглядит так: надо терпеливо выслушивать мнения граждан, даже если их аргументы давно известны; надо корректировать высказываемые утверждения, даже если это уже тысячу раз приходилось делать в беседах с другими людьми; надо разъяснять позиции, которые представляются верными, причем также тогда, когда видно, что собеседник с ними не согласен. Укрепить доверие к представительной демократии вряд ли удастся, лишь утверждая, что она хорошо работает; необходимо вновь и вновь показывать гражданам, как она работает, – причем в форме как личных, так и медийных контактов между «народом» и его представителями. Легитимация вообще возможна *только* посредством коммуникации. Тот, кто ее прерывает, прекращает работу по сохранению представительной демократии. Ни при каких обстоятельствах этого нельзя допускать.

3. Вступить в «коммуникативную рукопашную»!

Демократия, построенная на свободных выборах, кстати, остро нуждается в «коммуникативных рукопашных» с политическими противниками. Их цель не в том, чтобы лично переубедить лидеров-популистов, а в том, чтобы побить их аргументами перед максимально широкой аудиторией. Но для этого и противников надо допустить к широкой аудитории, то есть нельзя уклоняться от конфронтации с популистами – под тем предлогом, к примеру, что они, мол, «не заслуживают» такого разговора.

Надо понимать, что бесполезно обходить молчанием темы, за которые цепляется популизм. Ведь то, что кажется «неприличным», все равно активно обсуждается в пивных по всей стране и в чатах Интернета – при отсутствии компетентных возражений. При этом те, кого оставляют «за чертой», просто варятся в собственном соку. Такие модели поведения идут во вред демократии, которую необходимо защищать от популистов и популизма. Ни один противник еще не был побежден теми, кто его заочно поругивал в кругу друзей.

Но рукопашная с политическими противниками требует не только компетентности и риторического мастерства, но и мужества. Именно его зачастую не хватает – в том числе в общении с политическими друзьями, которые, бывает, вообще не советуют участвовать в дебатах с популистами. Такие советы нередко сопровождаются доводами, что дебаты с популистами способствуют популяризации популистских лозунгов, компрометируют выступающего близостью с популистами, приносят ему «аплодисменты не с той стороны». В действительности подобные аргументы свидетельствуют лишь об интеллектуальной инертности и недостатке политической боевитости. Те, кто их выдвигает, оправдывают удобное сидение в собственном политическом бункере.

IV. Несколько вопросов в помощь самим себе

Может ли политический деятель или защищающий нашу демократию гражданин реально достучаться до каждого рассерженного или протестующего соотечественника? Конечно, нет. Можно ли переубедить каждого популиста? Весь наш опыт говорит о том, что вряд ли. Доставляют ли удовольствие споры о политике с упрямыми, ожесточенными, заикленными, буйными современниками? Большею частью нет. Стоит ли этим, тем не менее, заниматься? Конечно, стоит. Ведь почему бы не продолжать диалог с возмущенными гражданами? Разве пойдет во вред нашему обществу готовность аргументированно спорить с его наглыми, близорукими, а иногда и злонамеренными

противниками? Разве нашей демократии не будет нанесен гораздо больший ущерб, если предоставить ее критиков самим себе – чтобы потом беспомощно удивляться тому, как им удается, прикидываясь жертвами режима, привлекать к себе все новых и новых сторонников?

И потом – разве единственная задача политического дискурса состоит в том, чтобы укреплять демократическое сознание убежденных демократов? Разве не стоит в первую очередь разговаривать именно с теми, кто готов скатиться на крайние позиции или уйти в радикализм? Разве не надо в ходе дискуссий с такими согражданами объяснять им, в чем состоит суть ценностного, процедурного и структурного консенсуса нашей плюралистической демократии, где проходят приемлемые границы политической воли, дискуссии и деятельности – и почему именно там?

И главное: не попадает ли отказ от дискуссии с популистами или даже радикалами в конечном счете в разряд политической трусости? Разве это не дезертирство из рядов тех, кто должен защищать нашу демократию – причем не посредством имитации такой защиты в форме глубокомысленных речей перед благосклонной публикой, а в непосредственном споре с популистами, часть которых добросовестно заблуждается, а часть гневно возмущается?

Тот, кто не поддался духовной лени или политической трусости, а систематически размышляет об истинных обязанностях гордого гражданина нашего достойного общества, исходя при этом из принципов нашей либеральной демократии, может, наверное, прийти только к одному выводу: конечно, с популистами надо разговаривать, причем особенно тогда, когда хочется вернуть как можно больше популистов в русло нормальной политической дискуссии. И не стоит, конечно, относиться к популистам как к врагам или экстремистам. Популисты – это ведь просто инакомыслящие, которые используют свою свободу, чтобы – с точки зрения их оппонентов – упрямо и шумно заблуждаться даже по важным вопросам. В спор с такими людьми должны вступать – именно по причине своей компетентности – прежде всего политологи, причем не только в форме удобной удаленной критики или резолюций, а на уровне непосредственных столкновений в ходе публичных дискуссий или на сайтах Интернета.

ПОПУЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

I. Популизм с институциональной точки зрения

Политологические определения популизма так или иначе строятся вокруг дихотомного противопоставления элит и народа. На бытовом же уровне популизмом именуют демагогические заявления политиков с целью завоевать или сохранить поддержку народных масс. Корректнее определить популизм как *качественную характеристику политических доктрин, партий и движений, для которых противопоставление элит и масс является центральным пунктом повестки дня, а также как метод и стиль мобилизации массовой поддержки в поддержку таких сил и доктрин.*

Основной посыл популизма – о качестве представительства интересов в политике, но в то же время его главная институциональная особенность – неуважение плюрализма. Апеллируя к массе, он стремится наполнить этим нарративом всю политическую арену, освободить ее от всех посредующих институтов, процедур¹. В самой природе популизма заложены глубокие институциональные противоречия. Во-первых, он по определению – «антиэлитарен», но его проповедниками в политическом пространстве является некая часть политической элиты. Во-вторых, принижая роль институтов, он ставит под угрозу цельность всей политической системы, особенно – той ее составляющей, которая обеспечивает ответственность власти и защиту интересов меньшинств.

Популизм часто именуют симптомом «болезней демократии» – коррупции, неэффективности управления, разрушения обратных связей между властью и обществом². Однако и «спрос», и «предло-

---

¹ Urbinati N. *Democracy Disfigured: Opinion, Truth and the People*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2014. P. 131–145.

² *Populism on the Rise: Democracies under Challenge?* / ed. A. Martinelli. Milano: Edizioni Epoché, 2016. P. 113.

жение» на апелляцию к населению «поверх голов» привилегированных слоев может возникать и в других типах обществ, в том числе авторитарных, а также переходных. Разница лишь в том, что в конкурентных политических режимах популизм – заявка на смену или изменение элиты, в неконкурентных – отрицание элиты как политического института.

Там, где – в терминах Алмонда и Вербы³ – развита участническая политическая субкультура, избиратели более требовательны к собственному влиянию на политику. Но если гражданская культура слаба, популизм, утвердившийся у власти, «замораживает» в обществе подданнический тип политической культуры: отношения власти с обществом выстраиваются плебисцитарно. В такой ситуации возможно укоренение популистских режимов на длительный срок даже там, где существовала традиция сменяемости власти через выборы, но не было полноценной гражданской культуры (Венесуэла, Венгрия, Польша).

До второй половины XX в. демократия ассоциировалась с «перераспределительными» требованиями со стороны бедных слоев общества, и боязнь популизма являлась ограничителем расширения избирательного права⁴. Принцип «конкуренция предшествует инклюзивности» – одно из ключевых условий становления полиархии⁵. Популизм чаще возникал именно там, где это условие не соблюдалось. И сегодня там, где политический плюрализм возникает «с нуля», а ограничители активного права недопустимы, популизм практически неизбежен. Это демонстрируют как Латинская Америка, так и посткоммунистические страны.

«Политическая платформа» популизма может акцентировать различные идейные тренды – левые, правые, националистические. Некоторые исследователи характеризуют популизм как «тонкую идеологию»⁶ или выделяют в нем лишь «коренные» общие черты: антистеблишментность, авторитарность, нативизм⁷; в ряде работ⁸

---

³ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.

⁴ Acemoğlu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. New York: Cambridge University Press, 2006.

⁵ Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Heaven: Yale University Press, 1971.

⁶ Populism on the Rise. P. 15.

⁷ Muddle C. Populist Radical Right Parties in Europe. New York: Cambridge University Press, 2007.

⁸ Inglehart R. Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 243–246; Inglehart R., Norris P. Trump, Brexit and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and

современный европейский популизм трактуется как проявление нового – *транснационального* – размежевания, основанного на противопоставлении традиционных и постмодернистски-либеральных ценностей. Таким образом, популизм не имеет цельной доктрины: противопоставление общества «злонамеренным» элитам – это фактор, консолидирующий широкую массовую поддержку для разрешения других общественных конфликтов. «Антиэлитный» мессидж – это сила популизма: когда ведущие, «мейнстримные» партии ограничены узким коридором в выборе социально-экономических и политических решений, популизм предлагает привлекательную альтернативную повестку. Но в этом и его слабость: в демократиях – в необходимости предъявить обществу результаты своего правления, в недемократиях – в усугублении кризиса неэффективности режима.

В привычной схеме общественно-политических размежеваний⁹ на протяжении большей части XX в. роль «оси» играло социально-экономическое размежевание. Однако в современных условиях оно утрачивает эту роль. Долговременное (в течение полувека) повышение жизненного уровня и создание социального государства сгладили социальные противоречия в западных обществах. Прекращение этого роста, усугубленное социально-экономическим кризисом 2008–2009 гг., обострило социально-экономическое размежевание, но конфликт канализируется через иные «точки напряжения»: на первый план выходят «проблемы идентичности»¹⁰, а они имеют высокий «популистский потенциал» – логичную возможность манихейского противопоставления «своего» и «чужого», и вина в содействии последнему возлагается на элиты.

II. Успешность популизма: критерии оценки

Понятие «успехов» популизма различается в зависимости от типа политического режима, в котором он действует. Для недемократических режимов – это победа на выборах и закрепление у власти на долгий срок. Сложнее определить успешность популизма в демократиях. Исторически популистские движения были недолговечными, они оказывали влияние на политику страны и поведение основных партий, но, как правило, быстро распались.

Cultural Backlash. August 2016. URL: <https://research.hks.harvard.edu/publications/workingpapers/Index.aspx>

⁹ Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Heaven: Yale University Press, 1999. P. 78–89.

¹⁰ Krastev I. The Unrevealing of the Post-1989 Order // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. No 4. P. 11.

В современном мире успехи популизма в виде прихода к власти относительно редки, и в этих случаях популистские силы переживают сильные «мутации вписывания во власть», порой заканчивающиеся быстрым разочарованием электората. Однако в переходных режимах популистские партии могут вырастать до масштабов правящих или даже доминирующих (как партия «Право и справедливость» в Польше и партия «Фидес» в Венгрии): там, где демократия не до конца консолидирована, может не сработать главное «противоядие» от популизма – привлечение политиков к ответственности. Особый случай – победа Д. Трампа в США: президент, победивший благодаря явно популистской повестке дня, осуществляет свой курс с «исполнительной командой» из традиционной элиты и с опорой на «мейнстримную» Республиканскую партию.

Политическое влияние популистских партий действительно выросло с 1960-х гг. по 2016 г.: вдвое – по *голосам избирателей* (с 5,1 % до 13,2 %), втрое – по местам в парламентах (с 3,8 % до 12,8 %) ¹¹. С точки зрения более широкого критерия – способности популизма повлиять на политический курс, примеры успехов немногочисленны, но весьма резонансны. Это – состоявшийся Брекзит, проведенные в Польше и Венгрии конституционные реформы, существенно ослабившие систему сдержек и противовесов и тем самым закрепившие власть большинства.

Формат и масштаб электорального успеха популизма зависят и от избирательной системы. Пропорциональные системы, с одной стороны, гарантируют популистским партиям представительство в парламентах при преодолении умеренного (3–5 %) отсекающего барьера. С другой стороны, при пропорциональной системе труднее поляризовать повестку дня избирательной кампании и добиться большинства. Впрочем, Венгрия (смешанная система) и Польша (пропорциональная система) являют собой знаковые исключения из этого правила. Мажоритарная система отсекает радикальные крайности: именно поэтому во Франции и Великобритании при высоком уровне электоральной поддержки популистские силы не обрели значимого представительства в парламентах, а в США не появилось новой популистской партии. Однако благодаря биполярному и остроконкурентному стилю политики, порождаемому мажоритарной однотуровой системой, популистские силы одержали в 2016 г. две ошеломительные победы (Брекзит и Трамп). Во Франции двухтуровая система выборов дает Национальному фронту солидную электоральную под-

---

¹¹ Inglehart R., Norris P. Trump, Brexit and the Rise of Populism.

держку в первых турах любых голосований, но во втором туре безотказно включается т. н. феномен «республиканской мобилизации» – антиавторитарной коалиции всех системных политических сил. Так этот феномен сработал против кандидатов Национального фронта на президентских выборах и в 2002, и в 2017 гг.

III. «Институциональная картография» популизма: режимы и элиты

1. Режимы с ограниченным или отсутствующим плюрализмом

В авторитарных, тем более тоталитарных, режимах отсутствует ключевое условие популизма: институционализированные размежевания, в т. ч. на элиту и «массу». Однако популизм в подобных обществах весьма распространен. Его основные черты и особенности:

– часто – «революционная легитимность»: элита подает себя как «вышедшую из народа», победительницу старой (аристократической, колониальной, коррумпированной) элиты;

– потребность в «перманентной»¹² или «харизматической»¹³ легитимации: постоянная государственная пропаганда, ключевой темой которой является «единство власти и народа»;

– «оборотная сторона» подобной легитимности – потребность во «враге», реальном или выдуманном, от которого правящий режим защищает народ: такие построения можно найти в самых разных вариациях корпоративистских режимов, рассматривающих общество как единое тело, «мозгом» которого является элита, «членами» – все разряды общества, а все неповинующееся – чужеродной заразой, отравляющей организм (аллюзия, приписываемая Муссолини, но повторявшаяся и творцами концепции «суверенной демократии» в России в недавние годы)¹⁴;

– персоналистский характер: харизматичный лидер, выстраивающий плебисцитарную связь с народом поверх голов элит; роль общества ограничивается *аккламацией*, разовым одобрением лидера и де-факто полным карт-бланшем на осуществление любого политического курса.

---

¹² Гельман В. Трещины в стене // Pro et Contra. 2012. Янв.–апр. С. 94–115.

¹³ Баунов А. Хожение в народ и обратно: российская власть между профессионалами и энтузиастами. М.: Московский центр Карнеги, 2016. URL: <http://carnegie.ru/2016/10/24/ru-pub-64815>

¹⁴ <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>

Отличие популизма в недемократических режимах состоит в том, что он направлен не на изменение отношений между элитами и обществом (тем более не на смену власти), а на их консервацию, обеспечение массовой поддержки власти.

2. Режимы с развитым политическим плюрализмом

В демократиях некоторый элемент популизма не может не присутствовать у всех участников электорального состязания, стремящихся понравиться избирателю. Этот стиль можно назвать «естественным минимальным уровнем популизма» демократической политики. У оппозиции при этом элементов популизма больше: оппозиционный статус располагает к тому, чтобы обвинить власть в «элитизме» и «вступить за народ».

До появления «новых партий» (в смысле типологии Гюнтера–Даймонда¹⁵) популизм оставался уделом либо массовых движений, базой которых были аграрные производители или низший средний класс в городах (например, в США – Популистская партия в конце XIX в., движение Хьюи Лонга «Поделится нашим богатством»), либо коммунистических партий, которые в последние десятилетия утратили роль «контрэлиты». Современные же «новые левые» и «новые правые» до последних лет располагались на периферии партийных систем, составляли меньшинство в парламентах, редко входили в правительственные коалиции. Они, в логике типологии партийных систем Дж. Сартори¹⁶, почти никогда не располагали «коалиционным потенциалом», несколько чаще – претендовали на «шантажный потенциал».

Современный этап развития популизма наступает после кризиса 2008–2009 гг., последствия которого были восприняты заметной частью западных обществ как угроза не только благосостоянию, но и идентичности, образу жизни и безопасности. В резонанс сработали такие факторы, как разочарование ухудшением материального положения и условий жизни, т. е. классическая ситуация относительной депривации¹⁷. За популистами идут те слои, которые испытывают наибольшие трудности в адаптации к новым вызовам, – это «предпоследние двадцать процентов [по уровню доходов] постмодернистско-

---

¹⁵ Gunther R., Diamond L. Species of Political Parties // Party Politics. 2003. Vol. 9. No. 2. P. 167–199.

¹⁶ Sartori G. Parties and Party Systems. Vol. 1: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

¹⁷ Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.

го общества, слой, относительно защищенный от бедности, но все же боящийся еще что-то потерять»¹⁸.

Конкретная конфигурация «триггеров» «популистской повестки дня» имела существенные различия в разных странах Европы и США. Можно выделить три разные модели современного западного популизма:

а) «Староевропейская»: сильные антимигрантские настроения, евроскептицизм. Главный тренд – подъем «новых правых», основной идеологический мессидж – антилиберальный и «антикосмополитический». Страны: Великобритания, Германия, Нидерланды, Бельгия, скандинавские страны, со спецификой – Франция.

б) «Посткоммунистическая»: с исчерпанием повестки дня ухода от «посткоммунистического наследия»¹⁹ повысилась скептичность в отношении модели развития страны и ее членства в ЕС. Кроме того, сказалось недостаточное качество демократии – когда можно сменить правительство, но нельзя сменить политический курс. Кризисные явления привели к почти повсеместному упадку левоцентристских сил, и симптоматично, что именно здесь случились победы правых популистов.

в) «Средиземноморская»: главный «шок» – резкий рост безработицы, сокращение социального государства, падение уровня жизни. Во всех случаях – подъем популизма левого (СИРИЗА в Греции, «Подemos» в Испании) или «всеохватного» («Пять звезд» в Италии) толка, резкое усиление евроскептических настроений, поскольку именно от Евросоюза исходили требования жесткой экономии.

3. «Промежуточные» типы режимов

В режимах переходных или гибридных можно наблюдать вариации «демократического» и «недемократического» популизма. При условии хотя бы некоторой конкуренции «популистская игра» власти ограничивается наличием в стране других политических сил, а потому должна быть более изозированной.

В более «мягких» политических режимах не исключается наличие реальной (т. е. не контролируемой властью) оппозиции. Подобные партии в гибридных режимах – это «альтернативные элиты», а потому они подходят под определение популистских, поскольку настроены на смену устоявшейся элиты.

---

¹⁸ Minkenberg M. The Renewal of the Radical Right: Between Modernity and Anti-Modernity // Government and Opposition. 2000. Vol. 35. No. 2. P. 187.

¹⁹ Krastev I. The Unrevealing of the Post-1989 Order. P. 13.

Таблица 1. Популизм: разные режимы, разные элиты

Тип политической элиты	Уровень конкурентности политического режима		
	Конкуренция отсутствует	Ограниченная конкуренция	Полноценная конкуренция
Монолитная несменяемая элита	«Властный популизм», претензия на выражение интересов всей нации	Властный популизм vs. Популизм «дозволенной оппозиции»	Невозможен
Конкурирующие мейнстримные элиты	Невозможен	Невозможен	Естественный уровень минимального популизма
Альтернативные элиты: стремятся стать новым мейнстримом	Невозможен по определению	Маргинален. Популизм – важная составляющая альтернативной повестки дня	Популизм – главное политическое оружие
Контрэлиты: стремятся к радикальной смене режима	Если существует, то нелегально	Маргинален или отсутствует	Маргинален или отсутствует

IV. Перспективы и прогнозы

Нынешняя популистская волна основана на объективных факторах и явлениях западной политики, таких, как усложнение системы общественно-политических размежеваний, замедление роста экономик и благосостояния западных обществ, возросшие масштабы процессов миграции. По сути, речь идет о кризисе системы политического представительства, обострившемся противоречии между абсолютным доминированием «истеблишмента» и диверсификацией и фрагментацией общественного запроса к политикам.

На протяжении предыдущих десятилетий в западных демократиях наблюдалось усиление либерализма. Бурно растущий городской средний класс востребовал либеральные нормы в политике, культуре и морали. Это означало конвергенцию между традиционными «левыми» и «правыми». Пока эти процессы были на подъеме, описанное противоречие оставалось латентным, но ситуация изменилась, когда «истеблишмент» продемонстрировал неспособность справиться с последствиями социально-экономического кризиса: именно либерализм – как экономический, так и политический – оказался главным объектом критики за создавшееся положение.

С известной долей условности нынешний кризис партийных систем можно сравнить с периодом между двумя мировыми войнами, когда существенному переопределению подверглись партийные системы большинства европейских стран, на политической арене по-

явились и социал-демократы, и коммунисты, и фашисты. Если в том случае такие сдвиги были ответом на кризис классической модернизации – перехода к современному индустриальному обществу, то нынешний подъем популизма – ответ на «кризис постмодерна», его «термидор», порожденный накопившимися издержками и разочарованием «проигравших».

Было бы ошибкой видеть в подъеме популизма исключительно негативный феномен. Он частично разрешает описанное противоречие, давая политическое представительство и влияние на политическую повестку дня существенным сегментам населения, тем самым популисты исполняют функции, присущие партиям по всем классическим теориям.

Минусы популизма также очевидны. Он максимизирует власть большинства, но игнорирует другие функции демократии: баланс сдержек и противовесов, верховенство права, толерантность – стремится «заместить равенство единством»²⁰. Если плебисцитарная демократичность западной политики благодаря популистской волне повышается, то либеральность этих режимов снижается, что разбалансирует всю институциональную систему.

Электоральные успехи популистов – триумф, скорее, *политической воли*, стремления отстранить от власти мейнстримную элиту. В то же время популизм не доказывает способности удовлетворить *долгосрочные интересы* избирателей, его экономические и социальные программы еще не прошли испытания практикой.

Было бы неправильно автоматически предрекать экономическим платформам популистов скорый провал, который приведет к утрате их электоральной популярности. Как указывает чилийский политолог Андрес Веласко, опыт латиноамериканских правителей показывает, что реализация популистской экономической политики в *долгосрочной перспективе* действительно чревата серьезными кризисами и спадами, но краткосрочный эффект может, напротив, быть положительным²¹.

В оценках перспектив «популистской волны» следует избегать крайностей: подъем популизма не «пройдет сам», но и пророчества «победоносного шествия» и катастрофических последствий – скорее основаны на испуге мейнстримных и либеральных элит от успехов популизма в 2016 г., чем на рациональном анализе ситуации. Ключевые электоральные события 2017 г. – недавние выборы во Франции и Нидерландах, предстоящие выборы в Германии – не принесут по-

---

²⁰ Urbinati N. Democracy Disfigured. P. 152.

²¹ <https://www.project-syndicate.org/commentary/economic-populism-temporary-success-by-andres-velasco-2017-02>

пулистским партиям символических побед, подобных Брекзиту или победе Д. Трампа (хотя их результаты оказываются достаточно высокими). Там, где популисты входят в правительство (Греция, Швеция, Финляндия) или правительство действует по навязанной ими повестке (Брекзит, США), еще предстоит увидеть реакцию избирателей на следующих выборах. Наметившийся экономический подъем в странах Евросоюза и «прохождение пика остроты» проблемы миграции не устраняют запрос на популизм, но могут положить конец его экспансии. В первые месяцы правления Д. Трампа в США явно обожилась сила институциональных сдержек и противовесов, сдерживающая популистский запал его предвыборных обещаний.

Однако на «жизнестойкость» популизма также будут работать значимые факторы. Во-первых, преодолеть реальные социально-экономические предпосылки подъема популизма в краткосрочной перспективе не удастся. Во-вторых, как отмечают многие наблюдатели, даже экономический подъем вряд ли быстро «погасит» протестные настроения избирателей популистских партий.

Что же касается популизма в «недемократических» режимах, то его судьбы зависят от конкретных конфигураций политики в разных странах. Угрозы для стабильности таких режимов двойки: с одной стороны, возможен раскол элит, однако сам по себе он с большей вероятностью приведет к верхушечному перевороту и становлению аналогичной популистской модели, но с иным лидером и обновленным набором «мессиджей» (как произошло, например, в Египте). Качественный сдвиг гипотетически возможен, если «альтернативным» – скорее всего, тоже популистским – политическим силам удастся утвердить себя в роли значимых игроков на политической арене, способных включиться в процесс демократизации (как произошло в Тунисе).

ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА ПОПУЛИЗМА В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ И ЕГО ОТСУТСТВИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

I. Критерии популизма

Популизм как общественно-политическое явление имеет чрезвычайно широкое толкование в литературе. В настоящей статье объектом внимания автора являются популистские партии, лидеры и движения, которые оказывают реальное влияние на внутривнутриполитические процессы в своих странах. Иными словами, популизм рассматривается сквозь призму акторного подхода, и при этом в поле зрения остаются лишь те «игроки», которые участвуют в формировании политики тех или иных государств. При таком подходе для понимания сути популизма важнейшими представляются две его особенности: во-первых, деятельность популистских лидеров и партий направлена против существующего истеблишмента, против властных элит; и, во-вторых, находясь во власти, популисты на уровне практической политики пытаются реализовать упрощенные представления и стереотипы, бытующие в массовом сознании.

Взлет популизма как явления возникает в условиях, когда политическая система (прежде всего институты представительной и исполнительной власти, традиционные политические партии) утрачивает способность решать проблемы, остро затрагивающие интересы широких слоев населения. Популизм появляется как попытка предложить ответ на запрос, «вырастающий» из недовольства снизу.

Нынешний интерес к популизму среди академических экспертов и политических наблюдателей связан в первую очередь с тем, что популисты резко усилились в той части планеты, где этого меньше всего ждали, – в наиболее развитых странах Европы и США. Контрастом этому явлению выступает постсоветское пространство, в странах которого, несмотря на слабость политических институтов и кризис доверия к ним, несмотря на стагнацию экономики и социальную пропасть между бедными и богатыми, популизм как значимый фактор

внутренней политики отсутствует. В статье предпринята попытка выяснить, почему при внешней схожести экономических и общественных причин, порождающих популизм, наблюдается его взлет в одной части планеты и отсутствие в другой.

II. Кризис современной модели капитализма, дефицит проектов будущего и «зазоры» для популизма

Если говорить о современных развитых странах, то следует отметить, что широко распространено мнение, будто подъем популизма там вызван лишь неспособностью некоторых общественных групп, число которых в последнее время неуклонно увеличивается, адаптироваться к условиям глобализации, информатизации, изменению соотношения культур в государствах Запада, вызванному массовыми миграциями. На мой взгляд, причины этого явления гораздо глубже.

Главной причиной всплеска популизма в развитых странах является системный кризис нынешней модели социально-либерального капитализма, сложившейся в третьей четверти XX в. и одержавшей победу в историческом соревновании с советским социализмом.

Эта модель отличалась высокой занятостью населения, надежной системой социальной защиты, эффективными механизмами обеспечения прав и свобод человека и представительной демократии. Это был «золотой век» среднего класса, составлявшего большую часть населения развитых стран. Капитализм той поры обеспечивал комфортность проживания и являлся обществом стабильности и предопределенности¹.

Однако начиная с первого десятилетия XXI в. социал-либеральная модель столкнулась с новыми вызовами, которые обусловили ее постепенную эрозию, переросшую позднее в нынешний кризис. Под влиянием «четвертой промышленной революции» произошло существенное сжатие сферы занятости, которое в первую очередь затронуло представителей неквалифицированного и монотонного труда и нетворческих профессий. «Массовизация высшего образования приводит к тому, что выпускники зачастую не могут найти работу, соответствующую их ожиданиям по квалификации и оплате труда»². Рост безработицы оказался особенно значительным в странах Южной Европы (Греции, Испании, Италии и Португалии). Кстати,

---

¹ Фишман Л. Почему постфордизм? Рец. на кн.: Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартьянова. М.: РОССПЭН, 2015. 279 с. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 125.

² Вольчик В. В., Посухова О. Ю. Прекариат и профессиональная занятость в контексте институциональных изменений // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 2. С. 163.

не случайно, очевидно, в трех странах Южной Европы популистские движения в последние годы приобрели большое влияние. В Италии движение «Пять звезд» (5 Stelle) и в Испании «Подemos» (Podemos – «Мы можем!») стали мощными парламентскими силами. В Греции же СИРИЗА пришла к власти и с 2015 г. возглавляет правительство страны.

В контексте технологических и социальных изменений в развитых странах широкое распространение получила вынужденная частичная и временная занятость. В результате возник новый социальный класс – прекариат, состоящий из работников с временной или частичной занятостью, которая носит постоянный и устойчивый характер³. Его характерными особенностями являются «урезанный» социальный статус⁴, слабая социальная защищенность и отсутствие многих социальных гарантий, профессиональная дисквалификация. Это ограничивает для прекариата возможности доступа ко многим благам современной цивилизации. И не случайно, по-видимому, отличительная черта психологии этого класса – то, что он не видит будущего для себя при существующем социальном и политическом строе. И это создает объективные предпосылки для развития популистских движений.

Еще одним важным симптомом кризиса социал-либерального капитализма второй половины XX в. стало постепенное размывание и сокращение численности среднего класса. Попытки правительств приостановить этот процесс и сократить разрыв в доходах между богатыми и остальной частью населения методами традиционной социал-демократической политики не приносят успеха. Это, в частности, подтвердило президентство Ф. Олланда во Франции. То же самое уместно сказать и о президентстве Б. Обамы в США, который активно использовал арсенал средств социал-демократической политики для решения социальных проблем. Однако социальное неравенство в США в годы его президентства увеличилось.

Рост социального неравенства, сопровождаемый «закупоркой» каналов вертикальной мобильности, порождает среди части общественных слоев ощущение несправедливости существующего социального порядка, что объективно подрывает его легитимность.

Важным проявлением кризиса в политической сфере является набирающий силу процесс обособления правящих элит от общества, усиление их замкнутости и клановости. Этот процесс сопровожда-

---

³ Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный характер // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

⁴ Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС», 2014. С. 23.

ется ростом коррумпированности политических кругов, усилением влияния на осуществление политического курса теневого (в смысле невыборных) структур (пиар-менеджеров, политконсультантов, специалистов по медийным технологиям, групп, обеспечивающих связи политиков с большим бизнесом). Многократно усиливают власть элит и их автономность от общества современные медиа – от национальных телеканалов до сетевых СМИ, – позволяющие целенаправленно манипулировать общественным мнением. Все эти изменения, разворачивающиеся в условиях нормально функционирующих демократических институтов и регулярной сменяемости власти, в конечном итоге ведут к снижению ее ответственности перед обществом. Новая реальность, все более расходящаяся с нормативными моделями демократии, получила название постдемократии⁵. Эффективного противодействия отмеченным тенденциям, ведущим к эрозии демократических систем, пока не предложено.

Модель социал-либерального капитализма не смогла абсорбировать чужеродное культурное давление, исходящее от многочисленных диаспор мигрантов-мусульман. Концепции «мультикультурализма», «матчевой встречи культур» не сработали. В результате у части населения развитых стран возникла стойкая реакция отторжения мигрантов как чужеродного элемента для обществ Запада. Это обстоятельство также внесло заметный вклад в формирование общественно-политической среды, благоприятной для роста влияния популистских движений.

Образовавшиеся «зазоры» между новыми проблемами и отсутствием со стороны политических систем развитых стран эффективных решений, которые помогли бы устранить эти проблемы, и создают питательную среду для возникновения и развития популистских движений, как правого, так и левого толка. Ее можно было бы описать с помощью следующих критериев: усиление социальной напряженности и конфликтности в обществе между высшими и низшими классами; утрата доверия к существующим политическим партиям и элитам; потеря значительными социальными группами веры в будущее; возникновение чувства уязвимости и незащищенности перед лицом агрессивного поведения со стороны некоторых «пришлых» культур. Что же касается глобализации, маркетизации, информатизации, миграций, то эти явления существенно усиливают кризис социал-либерального капитализма второй половины XX в., но отнюдь не являются его первопричиной.

---

⁵ Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2010.

Популизм пытается восполнить образующиеся «пустоты», предлагая либо нереалистичные картинки будущего, которые в силу многих причин невозможно воплотить в жизнь, либо готовые рецепты из прошлого, хорошо зарекомендовавшие себя в былую эпоху, но оказывающиеся бесполезными для решения проблем современности. При этом важно подчеркнуть, что популизм становится реальностью лишь при условии высокой социальной активности, представляющей собой важнейшую предпосылку роста его влияния.

Возникновение условий, благоприятствующих восхождению популистских движений в развитых странах, нельзя признать уникальным случаем в их истории. Неожиданным оказалось то, что популизм вновь стал развиваться в рамках общественной модели, которая, как считалось, с ее эффективно работающими институтами и рационализированным массовым сознанием не оставляет места для усиления влияния популистов. Однако кризис этой модели и породил взлет популизма. Впрочем, важно отметить, что далеко не каждый кризис в развитии западной цивилизации оборачивался мощным подъемом популистских движений. Кризис «организованного», «монополистического» мирового капитализма первой трети XX в. также носил системный и глубокий характер. Однако он не сопровождался сколько-нибудь значимым ростом популизма в мире, за исключением США (Х. Лонг и его правопопулистское движение «Поделитесь нашим богатством»). Дело в том, что в ту эпоху «спросу» на новые идеи и проекты будущего соответствовало богатое «предложение» на политическом рынке. Это были как полностью альтернативные капитализму проекты (советский социализм, анархо-синдикализм в Испании), так и попытки «социализировать» капитализм (социал-демократические модели в Европе, «новый курс» Ф. Рузвельта в США). К сожалению, частью политического рынка того времени стали также человеконенавистнические проекты (национал-социализм, итальянский фашизм) и откровенно реакционные корпоративистские модели (Португалия А. Салазара). Места для популизма тогда не оказалось.

Ныне имеется спрос на перемены и реформу существующего порядка, но, в отличие от первой трети XX в., предложение на политическом рынке в виде реалистичных альтернативных проектов будущего отсутствует (различные «кабинетные» и утопические социальные теории не в счет). Возникающий зазор между высоким спросом и нулевым предложением и заполняют популистские движения.

Вопреки широко распространенному мнению, современные популистские движения на самом деле не только вступают в противоречие с интересами истеблишмента, но и одновременно помогают ему создать у населения иллюзию существования альтернативы (хотя властным элитам понятно, что никакой альтернативы популисты не

предлагают). Иллюзия же альтернативы дает возможность сохранить общественно-политическую стабильность и уберечь общество от углубления конфликтности.

Однако нет никаких оснований полагать, что обращение к политическим решениям и инструментам из арсенала ушедших эпох позволит придать новый импульс развитию западных обществ и будет способствовать их модернизации в соответствии с потребностями XXI столетия. Скорее всего, дрейф вправо в его популистской трактовке, осуществляемый ныне в США, Великобритании и, возможно, в ближайшем будущем в некоторых других западноевропейских странах, завершится неудачей. Это со всей очевидностью усилит спрос на новые левые (но не левопопулистские!) проекты будущего, которые должны будут стать альтернативой не только правому популизму, но и модели социал-либерального капитализма второй половины XX в. как таковой. Контуры и структурные особенности пока даже не просматриваются. С большей или меньшей точностью можно предположить, что эти проекты будут учитывать достижения и социально-политические последствия технологических революций – энергетической, цифровой и биологической. По всей видимости, такие последствия (в первую очередь в энергетике) ослабят централизаторские функции государства. Власть во все большей степени будет сдвигаться вниз, на уровень общин и местного самоуправления. Возможно, достигнутый уровень материального благосостояния позволит развитым странам содержать за счет общественных фондов значительные группы населения, которые не найдут себе места в новой экономике, а продление продолжительности человеческой жизни в условиях роботизации увеличит свободное время и создаст условия для формирования гораздо более гибкого и комфортного для работников рынка труда. И не вызывает сомнений, что в новом левом проекте центральное место займет идея свободы и прав человека, среди которых повышенное внимание будет снова уделяться его социальным правам.

III. Постсоветская действительность: почему популизм не интересен?

На фоне возрождения, в полном смысле этого слова, популизма в Западной Европе и США может показаться удивительным отсутствие сколько-нибудь заметных популистских движений и фигур в политической жизни стран постсоветского пространства. Использование лидерами некоторых государств этого региона мира популистской риторики или других приемов работы с массами не в счет. Можно говорить лишь о том, что популизм оставил заметный

след только в Белоруссии, в какой-то мере в Грузии (во время президентства Михаила Саакашвили) и на Украине в деятельности некоторых парламентских партий и политических объединений, оказывавших определенное влияние на политику этой страны («Блок Юлии Тимошенко», партия «Свобода» и др.).

Хотя популистские партии довольно часто возникают и в других государствах постсоветского пространства, они не имеют там серьезного политического влияния. Такие партии или быстро перерождаются, как, например, Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского в России, или оказываются в положении маргиналов (Народное движение «Антимафия» в Молдове). Лидерам же большинства стран региона свойственна иная, монархическая стилистика. Они предпочитают возвышаться над обществом, нередко отождествляя себя с государством, его традициями и устоями. В тех же странах, которые взяли курс на демократизацию и евроинтеграцию, политические лидеры, напротив, страстно пытаются продемонстрировать, что, будучи демократами по убеждениям, они готовы действовать только в рамках строго рационального понимания целей и объективных возможностей своей политики. И только по правилам, которые диктуют демократические процедуры. И в том, и в другом случае, лидеры постсоветских государств явно не стремятся быть популистами. В этой связи возникает вопрос: почему, при столь значительном социальном неравенстве, при тотальной коррумпированности политической сферы, массовом недоверии к политикам из истеблишмента, повсеместном отсутствии независимого правосудия, постсоветские общества так и не сформировали отчетливого запроса на популизм?

Ответ, думается, весьма прост. Популизм как политическое течение востребован только при высоком эмоциональном состоянии населения. Его развитие возможно лишь в условиях социального и политического активизма у массовых слоев, их готовности к быстрым политическим мобилизациям. Однако на протяжении почти двух десятилетий политическую жизнь большинства государств характеризует как раз обратное явление – хроническая пассивность населения, обусловленная его неверием в возможность что-то изменить в обществе к лучшему. В массовом сознании господствует иная установка: «Все перемены к худшему». В таких системах для популизма не остается места.

Одновременно на постсоветском пространстве помимо авторитарной, неразрывно связанной с политической иммобильностью населения и социальной пассивностью, представлена и другая, плюралистическая тенденция развития, которую часто отождествляют с демократической. Для этой тенденции характерны периодические

всплески бурной политической активности. В таких странах, как Украина, Грузия, Молдова, Киргизия, внутривнутриполитические изменения неоднократно приводили к революционной смене власти при активном участии массовых слоев населения. Впрочем, новые правительства, приходившие к власти в результате «цветных революций», в большинстве случаев быстро разочаровывали общество и в значительной мере начинали воспроизводить политику своих предшественников. Причины этого явления следует искать в рамках специальных исследований, посвященных изучению трудностей демократических трансформаций на постсоветском пространстве. В рамках же контекста данной работы важно подчеркнуть другое: даже на волне повышенных ожиданий в условиях революционной смены власти и при активном участии масс в политической жизни стран, придерживающихся ориентиров плюралистического развития, в них так и не появилось ни одного по-настоящему влиятельного популистского течения. Одна из причин этого заключается в том, что, как и в постсоветских странах с авторитарным правлением, в государствах с плюралистическим вектором развития все политические, экономические, информационные и административные ресурсы концентрируются в руках властных элит, объединяющих под своим началом власть и денег, и государственного принуждения. Истеблишмент же не заинтересован в длительных политических играх с массовыми слоями. Эти игры жестко ограничиваются рамками конкретных политических кампаний. Вторая же причина состоит в том, что даже в странах с относительно высокой, по постсоветским меркам, активностью населения она, как правило, не носит постоянного и целенаправленного характера. После революционного смещения коррумпированных режимов массы очень быстро возвращались с улиц домой, делегируя новым властям права полностью распоряжаться их судьбами. Даже активная часть населения не продемонстрировала умения воспользоваться гражданскими инструментами контроля за властью, поскольку за семидесятилетнее господство советского социализма массовые слои в принципе не могли накопить никакого опыта солидаристских гражданских действий. Поэтому элитам так легко удавалось освободиться от какой-либо зависимости от продвинувших их к вершинам власти революционеров из массовых слоев.

Отдельный вопрос касается причины «истории успеха» популизма в Белоруссии. Представляется, что это стало возможным лишь в уникальных условиях первых лет перехода к рынку. По моему мнению, в конце 1980-х гг. перспективы подъема популистских течений существовали во многих республиках Советского Союза. Его социальной базой могли бы стать традиционные для советской системы социальные группы, опасавшиеся, что в результате демократических

реформ они утратят свои социальные статусы и материальное благосостояние, но при этом и потерявшие веру в способность коммунистической партии удержать в стране порядок и сохранить советский общественный строй. Этим слоям хотелось в целом сохранить советскую систему, но избавиться от ее наиболее раздражающих и архаичных черт: засилья бюрократии, стремления государства регулировать частную жизнь граждан, многочисленных запретов и ограничений. Они хотели бы придать советскому социализму новый импульс развития, приблизить государственные институты к интересам обычных граждан. В их представлении осуществить это мог новый энергичный лидер, «близкий к народу», который обуздал бы произвол чиновников, заставил бы их бояться власти. Теоретически на такую роль в России вполне мог подойти Борис Ельцин, если бы он решил связать свою жизнь не с демократическим движением, а со стремлением сохранить прежнюю систему, модернизировав ее в соответствии с пожеланиями консервативно настроенных массовых групп, пришедших в движение в ходе горбачевских реформ вместе со всей страной.

Белоруссия, считавшаяся одной из наиболее успешных в социально-экономическом отношении советских республик, настороженно относилась к курсу Михаила Горбачева на проведение демократических реформ и без энтузиазма встретила распад СССР. В Белоруссии не было сильного запроса на создание независимого национального государства и долгое время сохранялись иллюзии по поводу возможности восстановления нового союзного государства на базе бывшего СССР⁶. В этом контексте появление сильного и яркого популистского лидера А. Лукашенко, выступившего за сохранение государственной экономики и взявшего курс на союз с Россией, полностью соответствовало надеждам большинства населения. Однако по прошествии целого периода постсоветской истории воспроизведение популизма такого же масштаба представляется невозможным не только в Белоруссии, но и в других государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР. Общество стало более рациональным, пассивным и не питающим иллюзий относительно сохранения хотя бы «кусочка» прежней советской жизни.

В Грузии некоторые решения президента М. Саакашвили, особенно связанные с развитием отдельных территорий, кадровые назначения также испытывали на себе влияние популистских подходов. Президенту к тому же импонировала популистская стилистика взаимодействия с массами. Впрочем, и этот всплеск незавершенного, не-

---

⁶ Подробнее об этом см.: Коктыш К. Е. Трансформация политических режимов в Республике Беларусь, 1990–1991. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 80, 82. (Научные доклады 108).

оформившегося популизма оказался недолговечным. После прихода к власти в Грузии в 2012 г. коалиции «Грузинская мечта» он сошел с политической сцены.

IV. Заключение

Взлет популизма в развитых странах Запада происходит в условиях *кризиса их развития*, знаменующего переход от социал-либерального капитализма второй половины XX в. к иной общественной модели, отвечающей реалиям нового столетия. Сила популизма на современном этапе не в характере предлагаемых им идей, сводящихся к простым решениям либо обращенных в прошлое, когда эти идеи были действенным инструментом преобразования действительности, а в отсутствии серьезных проектов будущего на политическом рынке.

На постсоветском пространстве, в условиях другого типа кризиса – стагнации и упадка, переживаемого странами этого региона, – нет условий для развития популизма. Элиты здесь автономны от общества и не нуждаются в массовых политических мобилизациях, а массовые слои пассивны и в лучшем случае лишь эпизодически демонстрируют высокое политическое участие.

ПОПУЛИЗМ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Популизм как социальный феномен новейшего времени проявил себя как на Западе, так и в России. Сопоставление западной и российской форм популизма важно для выяснения общих и особенных черт, идеологических и политических проявлений, а также изучения возможностей эффективного противодействия популизму.

I. Что такое популизм и каковы общие параметры его проявления

В данном исследовании автор исходит из того, что популизм – не идеология, но система социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения, форма их психологического освоения и преодоления (метод, стиль, технология)¹. Это – тип негативной (протестной) социальной мобилизации, возникающий в результате кризиса завышенных общественных ожиданий в условиях эрозии привычной социальной идентичности. Социальные предпосылки роста популистских настроений связаны с общими процессами глобализации, информатизации и конфликтом культурных стереотипов.

Основными элементами популистского феномена, исходя из этого понимания, должны быть признаны:

1) кризис идентичности общества или его значительной части – ситуация когнитивного диссонанса, означающая утрату обществом привычных ориентиров социального поведения, глубокое разочарование существующими порядками;

---

¹ С этим тезисом согласились все участники данного проекта. Он представлен в статьях Л. Гудкова, Б. Макаренко, Н. Петрова и др., несмотря на различия в понимании ими содержания популистского феномена в Европе и России и возможности дать его четкую дефиницию.

2) идеологическая аморфность популизма, способного интегрировать в свою повестку положения различных традиционных идеологий, как правых, так и левых, создавать гибридные идеологические конструкции и достаточно произвольно менять их содержание на семантическом уровне (популизм не имеет «идеологов» в традиционном смысле слова – эту роль берут на себя лидеры протестных акций);

3) появление некоего мифа (т. е. квазиидеологической конструкции или представлений, принимаемых на веру, а не доказываемых научно), способного аккумулировать энергию социального протеста против истеблишмента (принципиальными для его распространения становятся альтернативные официальным коммуникативные системы);

4) спонтанность массового популистского феномена и ограниченная способность традиционных элит противостоять ему в рамках существующих системных правил;

5) эскалация социальных ожиданий, связанных с немедленным осуществлением популистских лозунгов («завышенные», т. е. в полной мере нереализуемые, ожидания);

6) более или менее выраженные признаки негативной социальной мобилизации на основе популистских лозунгов (протестное голосование, акции гражданского неповиновения, остракизма или, наоборот, социальной поддержки популистских лидеров против «системных»);

7) общая деструктивная направленность популистского движения – на разрушение доминирующих ценностей и принципов правовой системы (или ее элементов), причем, как правило, готовность использовать для этого неправовые и даже антиправовые средства («давление масс на институты»);

8) эгалитаристская (т. е. антиэлитарная) направленность движения (не исключаяющая того, что действующие элиты или их отдельные группы способны использовать его в своих интересах);

9) необремененность социальной и исторической ответственностью за свои действия – неспособность видеть их последствия в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе (очень узкий горизонт проектирования);

10) в целом популизм и основанные на нем политические режимы – непрочные образования: приход популистов к власти означает отказ от всей или части утопической программы по мере рутинизации харизмы, т. е. столкновения мифа и политической реальности.

II. Правый поворот: консервативные ценности на службе современного западного популизма

Правый поворот – очевидная тенденция современного политического развития на Западе и в России². Природа популизма выявляет связь его проявлений как с общими социальными тенденциями, так и с особенностями ситуации в разных регионах: он исходит из положения, что воля народа – всегда права, а побеждают те, кто понимает «настоящую» волю народа. На этой волне быстро поднимаются вверх правые популистские партии и их лидеры – евроскептики в Великобритании и Голландии; Национальный фронт во Франции; «Альтернатива для Германии» в Германии; «Пять звезд» и «Лига Севера» в Италии. Особая ситуация существует в странах Восточной Европы, где консервативные импульсы исходят из трудностей ЕС, но одновременно аккумулируют традиционные настроения постсоветского электората. Показательно, что это происходит именно в тех странах, где в период декоммунизации гражданское общество отличалось высокой степенью самоорганизации, переживших «бархатные» революции и следовавшие за ними «контрреволюции» (в Венгрии – «Фидес», в Польше – «Право и справедливость», приход к власти которых означал радикальные конституционные контрреформы). Сходный тренд в странах Прибалтики и на Украине выражается в росте этнонационализма и правого радикализма: противопоставлении «коренного населения» – «некоренному», «граждан» – «негражданам», официального языка – неофициальному, попытках представить национализм как политику «культурной идентичности», с параллельным переписыванием истории и индоктринацией т. н. «исторической памяти» и «образа врага».

В Южной Европе (странах Средиземноморского региона), напротив, популизм имеет «левую» (и более «идеологическую») окраску, но по сути эксплуатирует инфантилизм и безответственность масс (в Греции – СИРИЗА, в Испании – «Подemos» и др.). Можно констатировать ряд отличий левого популизма от правого: левопопулистские течения имеют более выраженную идеологическую ориентацию, могут рассматриваться как пример достаточно успешного антисистемного движения, выступающего против глобализации, капитализма, финансовой олигархии и, в целом, неолиберального мейнстрима, используя в своей стратегии опыт соответствующих течений в Латинской Америке. Несмотря на критику евроинтеграции и решений, принимаемых в ЕС (Брюсселем), они, однако, не призы-

---

² Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе. М., 2015.

вают к отказу от ЕС или выходу из него своих стран. Их протест – скорее, форма давления на институты с целью их перестройки в inom идеологическом ключе и получения экономической автономии. При внешнем различии, все европейские популисты используют сходные методы – требования восстановления «суверенитета» (утраченного в результате поглощения глобалистскими структурами или отдельными странами – США и ФРГ), «уважения к стране и ее народу», критика традиционных элит, будто бы сдавших страну «транснациональному капиталу», и эксплуатация ущемленности – реального ощущения населения, что национальные элиты не защищают «народ» от новых вызовов.

В России популистский тренд оказался еще более заметным, определив возникновение невиданной прежде «симфонии власти, элитных групп и населения в новом “неоконсервативном консенсусе”, основанном на долгосрочных интересах самой власти, поддержке элитных и бюрократических кругов, эффективной мобилизационной пропаганде, охранительных ориентациях средних слоев, а также доминирующих массовых настроениях»³.

Метод разрешения конфликта, предложенный популистами, – националистическая мобилизация против «евромобилизации» и связанных с ней ограничений, обязанностей и издержек, а также действительных трудностей – размывания идентичности (культурной, национальной, религиозной); «дефицита демократии», вполне естественного при более централизованной системе; миграционного кризиса (культурная несовместимость, необходимость платить за мигрантов, потеря рабочих мест, преступность, представление малых народов о том, что их мнение игнорируют).

III. Непреодоленная советская легитимность и особенности современного российского популизма

В основе конструирования популистских проектов в постсоветской России лежит непреодоленная советская легитимность. Констатируется, во-первых, что базисные ценности российской культуры остались практически неизменны. Конфликт права и справедливости в постсоветском обществе разрешается с позиций эгалитаристской трактовки социальной справедливости, отторгая идеи либеральной демократии, правового государства и приоритеты свободы личности. Во-вторых, в трактовке принципов свободы, справедливости и равенства, а также социальных и политических прав сохраняется устойчивое влияние советских правовых стереотипов. В-третьих,

---

³ Мельвиль А. Ю. Консервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. 2017. С. 29–45.

до конца не решена проблема правопреемственности: Россия, став правопреемником СССР, взяла на себя бремя постсоветского урегулирования (в отличие от западных государств, расставшихся с колониальным наследием). В этих условиях сохраняется угроза подмены демократической гражданской консолидации общества новой имперской идентичностью с выстраиванием соответствующей силовой политики. В-четвертых, признается, что искусственность советской модели федерализма (построенной по национально-территориальному признаку) не была преодолена в его постсоветской конструкции. Нерешенность этой проблемы ставит проблему идентичности (идеи конструирования новой гражданской нации), ограничивает масштабы демократических преобразований и способствует авторитарному вектору. В-пятых, показано, что в экономическом регулировании имеет место разрыв между юридической (писаной) конституцией и фактической (с учетом правоприменительной практики и состояния экономической системы). В-шестых, подчеркивается незавершенность преобразования советской судебной системы, которая по-прежнему ориентирована на принцип жесткого централизма, в конечном счете обеспечивающий управление системой. В-седьмых, отмечаются опасные тенденции трансформации российской системы разделения властей в направлении персоналистского режима⁴.

Можно отметить принципиально различные результаты посткоммунистического переходного периода в России и большинстве стран Восточной Европы, где принципы правового государства стали основой современной политической системы⁵. Констатируется незавершенность модернизации российского общества – задачей по-прежнему выступает «модернизация страны путем реформ на основе универсальных ценностей гуманизма, прав и достоинства человека, доверия, сотрудничества и солидарности граждан», а споры охватывают концепцию реформ, их приоритеты и информационную повестку⁶. В целом, констатируется низкое доверие к политическим институтам и общая культурная и кадровая преемственность современной российской элиты в отношении советской. Представлен вывод о том, что «советская имитационность обладает сильной инерцией, которая до сих пор блокирует становление правовой государственности в России»⁷.

---

⁴ Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. М., 2014.

⁵ См. материалы интернациональной дискуссии: Путь в Европу. М., 2008.

⁶ Предложения III Общероссийского гражданского форума 21–22 ноября 2015 г. М., 2015. С. 1.

⁷ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2013. С. 428.

Этим в значительной степени определяются особенности стиля российского популизма – общий реставрационный импульс, параметры консервативно-романтической философии, позиция в отношении культурных, социальных и политических преобразований⁸. Ключевой элемент данной программы – критика западной либеральной демократии, обоснование «особого пути» России, отказ от «навязанной» Конституции 1993 г. С этих позиций обосновывается идея Реставрации – возврата к институтам «советского парламентаризма» – квазидемократической системы, прикрывавшей однопартийную диктатуру, либо к досоветской модели власти – апелляция к принципу «соборности», а в крайней форме – восстановлению имперской модели власти. Данный тренд включает негативное отношение к программе либеральных конституционных преобразований⁹. Он определяет динамику и особенности взаимодействия различных течений популизма с политической властью постсоветского периода.

Российский популизм прекрасно использует «советский миф» для достижения своих целей. Доказательством являются: а) попытки его ревитализации на общегосударственном уровне; б) обращение к нему популистов всех идеологических направлений (между прочим, и окололиберальных); в) соединение данного мифа с картиной будущего (проекты социальных преобразований и прежде всего политических реформ).

IV. Основные характерные черты и особенности российской версии популизма в сравнительной перспективе

Суммируем различия русского и западного популизма.

1. Популизм в Европе и России различается по тем задачам, которые он стремится разрешить, тем реальным вызовам, с которыми столкнулось общество. Для Западной Европы – это кризис национальной идентичности в условиях глобализации (прежде всего решение проблемы миграции из стран Африки). Для России – решение проблем постсоветского урегулирования – выстраивания отношений со странами постсоветского региона, которые сами находятся в мучительном поиске национальной идентичности (а часто видят решение в механическом противопоставлении себя России и наивном переписывании истории).

---

⁸ Medushevsky A. Conservative Political Romanticism in Post-Soviet Russia // Power and Legitimacy – Challenges from Russia. London; New York, 2012. P. 169–187.

⁹ Medushevskii A. Problems of Modernizing the Constitutional Order: Is It Necessary to Revise Russia's Basic Law? // Russian Politics and Law. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 44–59.

2. На Западе ключевой объект критики – евроинтеграция, а решение усматривается популистами в дезинтеграции стран, входящих в ЕС. В России – это критика деструктивных тенденций, приведших к распаду СССР (ранее – Российской империи), ностальгия по утраченному сильному единому государству, а решение – в интеграции постсоветских государств в орбиту российского влияния (проекты Евразийского союза и «Русского мира» как способы достижения этой цели). Таким образом, ключевой лозунг западных популистов – больше децентрализации, российского – больше унификации и централизации.

3. Западный популизм опирается на идеологический конгломерат постмодернизма, в частности соединяет идеи консервативного национализма с идеями антиглобализма и анархического протеста против капитализма, атлантизма, транснациональных монополий и обезличивания индивида европейской бюрократией. Российский популизм, хотя и отдает дань этим идеям (в основном для критики однополярного мира и американского доминирования), по своим идейным основам гораздо более традиционен – опирается на консервативно-романтические идеи европейского популизма 1920–1930-х гг. (ассоциирующиеся с дискуссиями Веймарской Германии), клерикализма («духовного возрождения нации»), соответствующие стереотипы в русской постреволюционной эмиграции (евразийство), а также вообще идеологию самобытности и особого пути (эмоционально окрашенную односторонней трактовкой «патриотизма»), характерную, впрочем, для многих развивающихся государств в разных регионах мира.

4. Различие западной и российской версий популизма связано с особенностями политических режимов. Западные популистские движения, вынужденные действовать в условиях представительной демократии, используют ее механизмы – апеллируют к массам, стремясь завоевать их голоса на выборах. Российские популисты, действуя в условиях более традиционного общества и системы ограниченного плюрализма, ассоциируют свой приход к власти с политикой государства и фигурой его главы – президента, гаранта конституции, определяющего вектор внутренней и внешней политики страны. Характерная черта российского популизма в европейской сравнительной перспективе – его тесная связь с институтами имитационной демократии: в отличие от функционирующих демократий Запада, российский популизм не представлен независимыми партиями – все они интегрированы в единую вертикаль власти (в случае роста их популярности они начинают рассматриваться как дестабилизирующие и «самораспускаются»). Происходит, так сказать, делегирование «народных» популистских инициатив самой власти.

5. Поэтому в России популистские импульсы, исходящие снизу (от общества), питают популизм власти, открывают возможности лавирования (выбора между более и менее жесткими версиями), но одновременно ограничиваются ею во избежание утраты контроля над ситуацией (подавление крайне правых и левых движений экстремистского характера, ставящих под вопрос сохранение стабильности межконфессионального и межнационального консенсуса, социальной стабильности – и оспаривающих с этих позиций легитимность существующего режима). Позиционируя себя как «центристский», политический режим эволюционирует вправо, подменяя конституционную легитимность популистской и последовательно включая в официальную риторику аргументы своих консервативно-популистских оппонентов.

6. Различен поэтому вклад двух видов популизма – западного и российского – в идеологию государства и динамику политического развития. Опасность популизма выше в демократических политических режимах, где массы непосредственно влияют через выборы на принятие решений, и меньше выражена в режимах ограниченного плюрализма, где власть способна нейтрализовать и корректировать крайние проявления популизма.

7. Если в демократиях жизнь популизма ограничена (по крайней мере, в неизменных формах) одним или несколькими электоральными циклами, то в режимах ограниченного плюрализма она более устойчива, поскольку ответственность перед избирателями размывается между партиями и режимом (в рамках контролируемых государством общественных движений и организаций). Показательно создание «Народного фронта» как альтернативы традиционным партиям, в том числе правящей «Единой России».

8. Различны функции западного и российского популизма: в одном случае это форма аккумуляции протеста против несовершенных институтов с целью прихода к власти, в другом – мобилизация в поддержку действующего режима, инструмент его легитимации. Схематично: на Западе популизм есть инструмент прихода к власти (смены элит), в России – ее сохранения (удержания власти действующей элитой). В этом контексте популистские режимы в Восточной Европе – своеобразный промежуточный вариант, поскольку соответствующие партии уже пришли к власти демократическим путем, но стремятся закрепить свое доминирование в обществе, в том числе ограничением демократических процедур.

9. Различно и отношение политических элит к данному феномену: восприятие его в качестве реальной угрозы своему господству (в западных демократиях) или – как инструмента, в целом служащего укреплению режима (в России).

10. Если на Западе популизм – скорее, побочный эффект демократии (столкнувшейся с трудностями глобализации), то в России – бастион традиционного авторитаризма, полноценная основа идеологии реставрационного политического режима.

V. Перспективы преодоления популизма

Очевидно, что для преодоления популизма важно определить, что такое антипопулизм. Он может быть определен как «ответственная политика». Это – политика, опирающаяся не на эмоции, но на знание; не на изменчивые коллективные настроения, но на профессиональное научное прогнозирование; это политика, отстаивающая не краткосрочные, но долгосрочные интересы общества. В этой логике актуальны следующие предложения.

1. Переосмыслить представление о возможности победить популизм его же методами. Заколдованный круг популизма в такой интерпретации есть «мертвая петля»: чтобы удержать позиции, современные демократии должны прибегнуть к популизму (для завоевания масс), но, прибегнув к нему, они становятся заложником данных (и невыполнимых) ожиданий; отказ от их реализации ведет к росту протеста, который приобретает более радикальные формы; традиционные элиты должны при этом инкорпорировать в свой состав представителей контрэлит от популизма, в конечном счете подвергаясь процессу маргинализации. Этот процесс может завершиться не обязательно полной победой популизма, но частичной победой (что означает эрозию политических институтов), вариативностью предложенных решений и функциональным разнообразием популистских инициатив. В любом случае следствием становится деградация «политического класса» и лидерства.

2. Западные демократии стоят перед необходимостью повернуться «лицом к ветру»: не игнорировать существующие реальные проблемы, раскалывающие общество (от информационного отчуждения и потери идентичности до проблем миграции и политического участия маргинализированных социальных слоев). Выход – не в замалчивании проблем или попытках их преодоления на вербальном уровне, но в такой перенастройке либеральной парадигмы, которая учитывала бы эти новые вызовы.

3. Перспективно обоснование предложений по противостоянию популизму по линии «мыслящей демократии»: это система барьеров и фильтров, позволяющих отсеять популизм и обеспечить приход к власти ответственных политиков, т. е. партий и лидеров, отвечающих за обещания электорату – своей репутацией и политическим авторитетом.

4. Когнитивная перенастройка либерально-демократической парадигмы предполагает уход от драматического противопоставления идеологизированных клише, возникших в период «холодной войны» и в имперский период, движение к профессиональному, прагматическому и достаточно конкретному конструированию понятий, с одной стороны, доступных массовому сознанию, с другой – способных противостоять импульсам реакционной реставрации. Это значит – дать убедительные ответы на острые вопросы (идентичности, миграции, финансовой зависимости, границ, визового режима и т. д.), способные сохранить либеральный вектор в партийной конкуренции.

5. Важен содержательный диалог власти и общества по острым проблемам: проведение социологических опросов (консультативных локальных референдумов?) с четко поставленными аналитическими задачами перед их вынесением на решающее голосование (парламентские или президентские выборы). Данный подход позволяет повысить информированность электората, показать реальную цену решений и их возможные последствия до принятия окончательного вердикта. И, напротив, демонстрация ошибок популизма, оказавшегося у власти в отдельных странах или регионах (победа популистских сил выявляет, как правило, их общий непрофессионализм и узость горизонта планирования, ограниченного, по большей части, механической реакцией на острые текущие вызовы).

6. Принципиален пересмотр тезиса об исключительности российского развития – традиционной идеологизированной формулы о фатальном историческом выборе России между Западом и Востоком, сводящейся к схемам некой неизменной «цивилизационной матрицы», колеи, особой «русской системы», предопределяющей будто бы неизменность возврата к авторитарному вектору. С этих позиций актуален критический пересмотр всей советской легитимности в контексте ее влияния на общественное сознание и институты. В действительности речь идет сегодня об определении места России в глобализирующемся пространстве, информационной сфере, интеграционных процессах, предполагающих не столько отторжение, сколько прагматическое использование культурных и технологических достижений других стран, направленное применение стратегий и технологий преобразований, способных трансформировать политическую и правовую систему России в направлении устойчивого демократического развития.

7. Практические шаги и направление действий в России могут быть обеспечены следующими мерами: 1) четкой фиксацией целей (и цены) реформ в доминирующем проекте, предложенном элитой: его положения целесообразно разрабатывать на профессиональном экспертном уровне (возможно, даже в закрытом режиме, во избе-

жание популизма), однако – с последующим широким общественным обсуждением итогового продукта для понимания обществом и легитимации; 2) заключением соглашения (договора) о неизменности соблюдения его базовых принципов в длительной перспективе (с возможной формальной или неформальной фиксацией условий подобного договора между партиями и общественными объединениями); 3) введением в действие процедур общественного контроля и медиации в разрешении конфликтов (неизбежно возникающих в силу разнородности социальных интересов и необходимости «расчета согласия» акторов политического процесса); 4) созданием автономных от государственной власти институтов мониторинга реализации доминирующего проекта реформ (экспертные оценки эффективности реформ по ходу их реализации призваны выявлять проблемные ситуации, а не выступать формой легитимации власти); 5) обеспечением преемственности реформаторской элиты, т. е. созданием ясных каналов ее формирования и мобильности состава в направлении меритократии, предсказуемости процедур смены лидерства.

8. Преодоление когнитивной редукции, неоднократно приводившей к подмене фундаментальных целей преобразований декларациями или средствами их осуществления, предполагает создание такого механизма инновационных реформ, основным элементом которого стало бы автопрограммирование элиты на последовательное и долгосрочное осуществление фундаментальных целей доминирующего проекта демократических реформ. Это открывает путь к нейтрализации популизма и проведению ответственной политики.

ПРАВЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

I. Введение

Хотя надежды право- и национально-популистских кандидатов на высшие государственные и правительственные посты в Австрии, Франции и Нидерландах в недавнем прошлом не сбылись, уже только тем, что они вышли во второй тур выборов и набрали соответственно 46,2 и 34 % голосов или – как Партия свободы Герта Вилдерса – укрепили свои позиции по сравнению с предыдущими выборами в парламент, они достигли впечатляющих успехов. Это относится также к Датской народной партии, партии «Шведские демократы» и Партии независимости Соединенного Королевства. Несмотря на небольшие потери, партия «Истинные финны» («Перус») остается важной политической силой страны и даже входит в правящую коалицию. Наконец, Швейцарская народная партия уже давно считается самой успешной политической партией, два ее представителя входят в федеральное правительство Швейцарии (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты право- и национально-популистских партий на выборах в странах Западной Европы

Страна	Партия	Результат на последних национальных выборах (%)		Позиции в государственной системе
		Выборы в парламент*	Президентские выборы*	
Австрия	АПС/FPÖ	20,5 (+3)	46,2 (+31)	О
Бельгия	ФИ/ВВ	3,7 (-4,1)	–	О
Великобритания	ПНСК/UKIP	12,6 (+9,5)	–	О
Германия	АдГ/АfD	4,7 (+4,7)	3,4 (+3,4)	ВПО
Дания	ДНП/DF	21,1 (+8,8)	–	О
Италия	ЛС/LN	4,1 (-4,2)	Не участвовала	О
Нидерланды	ПС/PVV	13 (+2,9)	–	О
Норвегия	ПП/FrP	16,3 (-6,6)	–	М

Страна	Партия	Результат на последних национальных выборах (%)		Позиции в государственной системе
		Выборы в парламент*	Президентские выборы*	
Финляндия	Перус/Perus	17,6 (-1,4)	9,4 (+6,0)	М
Франция	НФ/FN	13,6 (+9,3)	34 (+16,2)	О
Швейцария	ШНП/SVP	29,4 (+2,8)	–	УП
Швеция	ШД/SD	12,9 (+7,2)	–	О

Легенда: О – в оппозиции; УП – участие в правительстве; ВПО – внепарламентская оппозиция; М – младший партнер в коалиционном правительстве.

Примечания: * В скобках – изменение по отношению к предыдущим выборам.

Положение на 9 мая 2017 г.

Источники: Nordsieck W. Parties and Elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/> (дата доступа: 9 мая 2017); Bundespräsidentenwahl 2017. Die Ergebnisse im Detail // Der Spiegel. 2017. 12. Februar. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundespraesidentenwahl-2017-die-ergebnisse-im-detail-a-1133869.html> (дата доступа: 20 апреля 2017); Wahl in Frankreich // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2017. 9. Mai. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/wahl-in-frankreich/grafischer-ueberblick-wahl-in-frankreich-14981268.html> (дата доступа: 9 мая 2017).

Но популистам не обязательно побеждать на выборах. Они и так косвенно влияют на политику своих стран и всего Евросоюза. Будь то политика приема беженцев и предоставления убежища, политика охраны национальных границ и внешних границ ЕС, европейская финансовая политика или отношение государств-членов к Евросоюзу – во всех этих сферах многие правительства изменили свои позиции под давлением правых и национальных популистов¹.

Прежде чем я остановлюсь на средствах сдерживания популизма, я хотел бы дать дефиницию этого понятия, рассмотреть общие черты и различия левого и правого популизма, а также отмежевать его от политического экстремизма. Характерные признаки правых и национально-популистских партий я покажу на примере четырех наиболее успешных партий этой «семьи» из стран, являющихся (пока еще) членами ЕС: это Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs, АПС/ФРÖ), французский Национальный фронт (Front National, НФ/FN), нидерландская Партия свободы (Partij

¹ Ср.: Grabow K., Lange N. u. a. Spiel über Bande. Wie populistische EU-Gegner nationale Politik beeinflussen. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2015. (Analysen und Argumente 168/2015).

voor Vrijheid, ПС/РVV) и Партия независимости Соединенного Королевства (United Kingdom Independence Party, ПНСК/UKIP).

II. Популисты и популизм: дефиниции понятий²

«Популизм» – это «расплывчатое понятие»³, которое уже много лет используется в науке, журналистике и политических дебатах. Но зачастую разграничение между популизмом и экстремизмом проводится без должной тщательности, прилагательные «левый» и «правый» используются произвольно, что обусловлено, правда, прежде всего требованиями самих популистов. Иногда даже говорят об «антипопулизме» или «позитивном популизме». Это вводит публику в заблуждение.

Прежде всего следует подчеркнуть, что «популизм» – внешняя характеристика. Вряд ли кто-то, кого в СМИ, в политических или научных кругах называют «популистом», сам бы себя так назвал. Это слово имеет негативную окраску, в частности потому, что популисты часто пользуются инструментарием расистской или националистической пропаганды. Еще одна причина негативной коннотации этого понятия – его поспешное использование в ходе политических дебатов. Стоит кому-то выдвинуть требование, которое не нравится оппоненту, его тут же объявляют популистским.

Политолога выработала ряд индикаторов, с помощью которых можно с уверенностью распознать популизм, отнести его к правой или левой разновидности и отмежевать его от политического экстремизма⁴. Это не только упорядочивает дискуссию, но и выявляет потенциал угроз для демократии, исходящих от популизма. Последнее, очевидно, является важнейшей причиной, по которой никто сам себя популистом не называет. Ведь сколь похвальным ни казалось бы проведение политики от имени народа, в интересах народа или «близко к народу» – то, как действуют популисты, как они мобилизуют своих сторонников, подхватывают темы, привлекают к себе внимание, какие «решения» они предлагают, не отвечает ни базовым нормам правового государства и демократии, ни степени сложности проблем, о которых идет речь.

---

² Этот раздел частично основан на работе: Grabow K. Das Volk, des Volkes, dem Volk. Merkmale und Trends zum Begriff des Populismus // Die Politische Meinung. 2016. Jg. 61. Nr. 539. S. 23–27.

³ Pfahl-Traugher A. Populismus – was ist das überhaupt? Definition über eine inhaltliche und stilistische Dimension. URL: <https://hpd.de/artikel/populismus-ueberhaupt-14116> (дата доступа: 19 апреля 2017).

⁴ Ср.: Betz H.-G. Exclusionary Populism in Austria, Italy and Switzerland // International Journal. 2001. Vol. 53. No. 3. P. 393–420.

Общая черта обоих вариантов популизма – и правого, и левого – претензия на представительство интересов «простых людей», которые политический истеблишмент якобы игнорирует. Популисты эксплуатируют при этом антиэлитарные эмоции. Кэс Мадд назвал такой подход «кабацкой политикой»; по его словам, подобный коммуникативный стиль обращен к «внутренним чувствам», инстинктам людей⁵.

Левые популисты – такие, как «Непокоренная Франция» (*La France insoumise*) или испанское движение «Подemos» (*Podemos*), – делают упор на «социальное неравенство», выдвигая на первый план то бедность, то богатство, а также на политику, которая направлена на упорядочение государственных финансов. Они обвиняют либо Европейский Союз, либо национальные правительства в том, что они якобы являются марионетками международного капитала, севшая на брюссельский (или берлинский) «экономический диктат». «Политика жесткой экономии» и «неолиберализм» – вот главные мишени левых популистов, которые для преодоления критикуемых ими неурядиц требуют радикального перераспределения имущества и капиталов, безусловного обеспечения максимального числа людей государственными пособиями, общественного контроля в ключевых сферах экономики и широкого участия граждан в управлении. Карин Пристер назвала такой тип популизма «инклюзивным», поскольку его приверженцы стремятся к тому, чтобы за счет широких социальных выплат и льгот включить как можно больше людей – вне зависимости от их происхождения и роли в трудовой жизни – в общественную жизнь и систему распределения материальных благ⁶.

Что же касается правых популистов, то для них характерна «эксклюзивность». Они вроде бы отстаивают интересы «простых людей», но при этом только своих, «местных». Правые популисты мечтают о культурно, религиозно, национально и социально однородной стране добросовестных граждан⁷, которая, по их мнению, подвергается угрозам «извне» и предательству «сверху». Правые популисты считают своими врагами, с одной стороны, национальные и европейские элиты, а с другой – мигрантов, беженцев или претендентов на получение убежища, преимущественно из мусульманских стран. Они якобы «наводняют» страну чужеродной культурой и заставляют местное

---

⁵ Mudde C. *The Populist Zeitgeist // Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 542.

⁶ Priester K. *Wesensmerkmale des Populismus // Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012. Nr. 5–6. S. 3–9.

⁷ См.: Taggart P. *Populism*. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 2000. P. 95.

население делиться нажитыми благами, а политические и культурные элиты из ложно понятого уважения к обществу мнению никак не реагируют на эту угрозу, тем самым «предавая» свой народ.

Непременные ссылки правых популистов на свой народ содержат два компонента, опасные для демократии. С одной стороны, правые популисты заявляют, что только они являются истинными защитниками интересов коренного населения. Других взглядов и мнений они не терпят – даже в рядах собственных партий. Тем самым они нарушают один из главных принципов демократии – принцип свободы мнений. Тот, кто имеет иное мнение, это не просто человек с иными взглядами, не «нормальный» политический оппонент. Поскольку популисты считают, что только они говорят от имени народа, каждый, кто придерживается иного мнения, становится для них «врагом народа» или «предателем»⁸. Сильные антидемократические тенденции проявляются здесь уже на уровне языка и соответствующего образа мыслей.

В то же время правые популисты заняты исключительно проблемами своей нации, они хотят восстановить ее политический, культурный и религиозный суверенитет, который якобы находится в опасности или уже полностью утрачен. «Франция прежде всего», «Австрия – австрийцам», «Защитим наши границы» – такие лозунги прочно вошли в лексикон правых популистов еще задолго до «America first» Дональда Трампа. Из-за такой национальной или националистической ориентации, которая постоянно сопровождается нападками на другие национальные группы, нации или на Европейский Союз, европейских правых популистов совершенно справедливо называют «правонациональными популистами»⁹, хотя в одних странах их, скорее, следует отнести к правому расово-национальному лагерю (Австрия, Нидерланды, Швеция), а в других – к националистическому (например, Великобритания, Финляндия, Польша) или промежуточному (Франция, Германия) сектору.

Именно в сочетании национализма и претензии на этническую исключительность кроется антидемократический потенциал европейских правых популистов. Тем не менее было бы ошибкой называть их «экстремистами». Экстремизм определяется как стремление – не в последнюю очередь насильственное – к антидемократическому обществу, где уничтожены все основные демократические пра-

---

⁸ Müller J.-W. Was heißt: Populismus an der Macht? // Osteuropa. 2016. Jg. 66. H. 1–2. S. 5–17.

⁹ Grabow K., Hartleb F. Mapping Present-day Right-wing Populists // Exposing the Demagogues. Right-wing and National Populist Parties in Europe / ed. K. Grabow, F. Hartleb. Brussels: Centre for European Studies, 2013. P. 19.

ва, принципы и институты, где построена или должна быть построена авторитарная или тоталитарная однопартийная или беспартийная вождистская система, которая опирается на фундаменталистские представления о религии, этнорасистскую идеологию или на непогрешимое, якобы научное мировоззрение. Поэтому «экстремистскими» можно назвать фундаменталистско-исламистские движения и сети вроде Аль-Каиды, неонацистские партии типа «Йоббик» в Венгрии и, наконец, последние в мире большие коммунистические партии – такие, как Единая социалистическая партия Венесуэлы и Партия труда в Северной Корее, но не те, о которых говорилось выше.

Марин Ле Пен превозносит французский язык, французскую культуру и французский национальный характер, называет Евросоюз «оккупационной властью», обещает людям простые решения, которые якобы приведут к быстрому улучшению положения («отказ от евро», «роспуск ЕС», «французы прежде всего»), она без колебаний называет виновных во всевозможных неурядицах – у нее это то ЕС, Германия и глобальный капитализм, то мусульмане-иммигранты, но при этом она все равно не является «экстремисткой» в только что описанном понимании. Марин Ле Пен и ее Национальный фронт – это что-то вроде прототипа правой национально-популистской партии.

В той же мере это относится к нидерландской Партии свободы и Австрийской партии свободы. Обе жестко критикуют ЕС, называя его «недемократическим монстром»¹⁰ или «брюссельской номенклатурой», которая «хочет сколотить централизованную единую Европу поверх голов людей»¹¹. Обе выступают за выход своих стран из Евросоюза или, по крайней мере, из еврозоны. По мнению обеих партий, Евросоюз – это ворота для бесконтрольной иммиграции, они требуют немедленного прекращения приема беженцев и закрытия границ. И Герт Вилдерс, и лидеры АПС ориентированы на широкую ренационализацию экономики, социальной политики и других сфер общественной жизни, а также – как и Марин Ле Пен – обещают привилегии для коренного населения при распределении социальных льгот («Австрия и Нидерланды прежде всего»¹²). Определения «пра-

---

¹⁰ Герт Вилдерс в 2013 г., цит. по: Grabow K., Hartleb F. Europa? Nein Danke. Studie zum Aufstieg rechts- und nationalpopulistischer Parteien in Europa. Berlin; Sankt Augustin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2013. S. 7.

¹¹ Vilimsky: EU will noch mehr Macht zentralisieren. URL: <http://www.fpoe.eu/vilimsky-eu-will-noch-mehr-macht-zentralisieren/> (дата доступа: 3 мая 2017).

¹² Ср.: Österreich zuerst. Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ). Beschlossen vom Bundesparteitag der Freiheitlichen Partei Österreichs am 18. Juni 2011 in Graz; Steppat T. Niederlande-Wahlen: Wilders dreht wieder auf. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/niederlande-wahlen-wilders-dreht-wieder-auf-14915014.html> (дата доступа: 25 апреля 2017).

вые» обе партии заслуживают своим огульным поношением ислама и мусульман, в которых они видят серьезную угрозу для общественного порядка и благосостояния коренного населения. «Любовь к родине вместо воров-марокканцев» («Heimatliebe statt Marokkanerdiebe») – так звучит один из предвыборных лозунгов АПС. Герт Вилдерс называет ислам идеологией, которая «опаснее нацизма»¹³. Марокканцев, живущих в Нидерландах, он именуется «отребьем»¹⁴.

Британская ПНСК также использовала в своей пропаганде раздутые образы врага, подогревая преимущественно среди английского населения страхи по поводу засилья иммигрантов, снижения уровня благосостояния или утраты британского суверенитета и выдвигая всевозможные претензии к Евросоюзу (слишком дорого, директивно, неэффективно). Партия претендовала на роль защитника «простых людей» и в то же время рисовала образ сильной Великобритании, лишь условно отвечающий реальности¹⁵. Она предлагала простые решения сложных политических проблем («out»), при этом, однако, не используя средства этнорасистской пропаганды, когда представители других национальностей или религий подвергаются огульному поношению. Так что ПНСК – это национально-популистская, но не правопопулистская партия.

Подводя итог, можно констатировать, что популизм – политическое течение, которое претендует на исключительное положение в плане знания интересов народа и права представлять его интересы. Популизм – это мобилизационная стратегия, адепты которой подчеркивают или просто придумывают проблемы, вызывающие или усиливающие у людей опасения и/или недовольство в связи с определенными тенденциями в развитии общества. Популисты выступают в роли защитников добропорядочного, забытого политическим истеблишментом «простого народа». Они подстрекают и мобилизуют людей за счет эмоций, предлагая как удобопонятные образы врага, так и простые решения существующих проблем. При этом популисты действуют как предприниматели – с той лишь разницей, что предметом их бизнеса являются не товары или услуги, а недовольство, заботы и опасения, которые охватывают часть общества в связи с

---

¹³ Geert Wilders bezeichnet Marokkaner als «Abschaum» // Die Welt. 2017. 18. Februar. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article162193921/Geert-Wilders-bezeichnet-Marokkaner-als-Abschaum.html> (дата доступа: 24 апреля 2017).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Banducci S., Stevens D. Myth versus Fact: Are We Living in a Post-Factual Democracy? // EU Referendum Analysis 2016: Media, Voters and the Campaign / ed. D. Jackson, E. Thorsen, D. Wring. Poole: Bournemouth University: The Centre for the Study of Journalism, Culture and Community, 2016. P. 22.

гражданскими войнами на периферии Европы, потоками беженцев, исламистским террором и другими причинами.

Решать эти проблемы популисты не хотят и не могут. В стратегии партии «Альтернатива для Германии», опубликованной в начале 2017 г., четко обозначены цели популистов: разрушение табу, привлечение внимания и «провокационные эффекты»¹⁶. Прямо напрашивается вывод, что их главная цель состоит не в решении, а в поиске проблем, что популисты – это политические предприниматели, торгующие людскими страхами.

III. Существуют ли эффективные стратегии противодействия популизму?

В последние годы демократические силы стран Западной Европы неоднократно предпринимали попытки сдержать распространение правого и национального популизма. Большинство из этих попыток не имели эффекта, так как реальное давление на право- и национально-популистские партии отсутствовало или было лишь кратковременным¹⁷.

Но с учетом опыта, накопленного в 2016 г. в Австрии, весной 2017 г. в Нидерландах, а затем и во Франции, эффективным оказалось сочетание трех стратегий противодействия. Хотя не везде удалось предотвратить рост числа голосов избирателей, отданных за правых и национальных популистов, противодействие было достаточно сильным, чтобы не позволить им занять высшие посты в государствах и правительствах. Трехсторонняя стратегия противодействия состоит в следующем: во-первых, это неизменная приверженность демократических сил своим позициям и ценностям, в том числе «неудобным» и сложным, в нынешнем мире, для которого характерны тесные международные взаимосвязи, кризисы и непредсказуемость; во-вторых, конкретные политические предложения, убеждающие большинство граждан в том, что судьбы страны лучше доверить демократам, чем популистам; и, в-третьих, политический менеджмент, решающий конкретные проблемы. Для демократов характерны, кроме того, открытость миру и оптимизм, явно контрастирующие с мрачными предсказаниями и сценариями угроз, которые столь охотно используют правые и национальные популисты. Большинство населения Западной Европы, однако, таких настроений не разделяет.

---

¹⁶ Leif T., Gensing P. Provokation statt Problemlösung. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-strategiepapier-101.html> (дата доступа: 20 апреля 2017).

¹⁷ Подробнее см.: Grabow K. Was tun gegen Rechtspopulisten? Europäische Erfahrungen. Berlin: Konrad-Adebaauer-Stiftung, 2016. (Analysen und Argumente 203/2016).

IV. Перспектива

Правые и национальные популисты Западной Европы, кажется, уже прошли зенит своего влияния. Большинство граждан западноевропейских стран не хотят, чтобы они занимали высшие руководящие посты. По крайней мере, с 15 марта 2017 г., когда Герт Вилдерс не достиг своих целей в ходе парламентских выборов в Нидерландах, стало ясно, что в серьезной ситуации ему не победить. В то же время ПНСК, победив на референдуме по Брекситу, выполнила свою «историческую миссию». С июня 2016 г. эта партия слоняется по арене британской политики, не предлагая никакой выигрышной темы, и пока неясно, сумеет ли она вообще выжить.

Марин Ле Пен теперь тоже несет на себе печать неудачницы. Ее результат на последних президентских выборах не так уж плох, но уже второй раз подряд ей не удалось достичь высшего поста в государстве. Выдвинет ли она свою кандидатуру еще раз в 2022 г., пока неясно. В то же время надо подчеркнуть, что НФ и в случае ее ухода из большой политики будет иметь хорошо развитую и профессионально работающую партийную организацию с опорой на активных членов и сторонников, когорту молодых, но уже опытных руководителей, поэтому не исключено, что партия в ближайшие годы еще больше окрепнет.

То же самое относится и к АПС. Она располагает амбициозными руководящими кадрами и сильной организационной структурой. Все еще не иссякшие потоки беженцев в Европу, многочисленные содержательные и стратегические изъяны в политике Евросоюза и, не в последнюю очередь, слабость политических противников дают АПС ряд конкурентных преимуществ. До сих пор австрийцам удавалось в последний момент сплотить большинство избирателей против АПС. Но гарантии на будущее здесь нет. Традиционные демократические партии и институты, которые АПС столь резко критикует, должны будут, чтобы выстоять, дать австрийцам то, чего те ожидают: безопасность, рабочие места, рост или, по крайней мере, сохранение уровня благосостояния и перспективу дальнейшего развития республики и Европейского Союза, который, пусть в несколько ослабленной форме, не должен утратить своего значения.

Всем демократическим и поддерживающим ЕС силам – не только в Западной Европе – предстоит еще много сделать, чтобы не допустить дальнейшего подъема или нового усиления право- и национально-популистских партий. Они должны также внести свой вклад в укрепление авторитета и повышение эффективности Евросоюза.

ТРИ ПОПУЛИСТА – ПУТИН, БЕРЛУСКОНИ, САРКОЗИ

I. Предварительные замечания

Как отметил Пьер-Андре Тагиев в своей статье о популизме в «Encyclopaedia universalis», слово «популизм», по крайней мере с 1990-х гг., приобрело полностью отрицательный смысл и стало в какой-то мере жертвой своей популярности.

Авторам, стремящимся определить термин «популизм», приходится соединять вместе русское народничество, популистских писателей (т. е. тех, чьи герои – «простые люди» из народа), движения и режимы в Латинской Америке, современные протестные движения (Ле Пен во Франции или Бeppe Грillo в Италии). Вследствие этого попытки построения типологий нередко оказываются мало убедительными (как подчеркивает Эрнесто Лаклау) и имеют, как мне представляется, ограниченную эвристическую ценность. Сталкиваясь со все более негативным использованием этого определения, служащего – основательно или безосновательно – для компрометации, лишения легитимности тех движений, которые правители или элиты, политические или экономические, считают не имеющими разумных оснований, некоторые аналитики справедливо подчеркивают, что такое использование термина «популистский» направлено на то, чтобы сделать единственно приемлемым мейнстрим современной либеральной политики. Подобное чисто полемическое использование термина «популизм» можно было наблюдать во время недавних президентских выборов во Франции (май 2017 г.), когда всех кандидатов, от Ле Пен до Меланшона (но и Фийона, Амона и Макрона), их противники обзывали популистами, и надо заметить, что действительно та или иная черта, обычно приписываемая популистам, им присуща. Но мы еще вернемся к этой проблеме.

Мне показалось, что можно действовать иначе: не исходить из определения популизма, или, если угодно составления идеального типа популистского лидера, чтобы затем искать тех, кто ему соответствует, но посмотреть, существуют ли у лидеров, которых считают популистами, общие черты, – примерно, как Ханна Арендт постро-

ила тоталитаризм на основе анализа двух режимов – гитлеровского и, в меньшей степени, сталинского. Это, конечно же, не значит, что я уподобляю себя великому немецкому философу, мое намерение гораздо скромнее: я хотел бы изучить вопрос о том, существуют ли у Владимира Путина и его режима такие черты, которые сближают его с другими популистскими лидерами. Чтобы провести это сравнение наименее сложным способом, я ограничился политиками, находящимися у власти (что исключает все протестные движения, будь то левые или правые).

Еще одно уточнение: строгости ради, следовало бы составить исчерпывающий список различных черт, свойственных взятым для анализа политическим деятелям, и затем посмотреть, какие черты совпадают. Однако такая работа была бы слишком трудоемкой и вышла бы за рамки одной статьи, поэтому я взял за основу по возможности те черты, которыми наделяют популистских политических деятелей разные авторы – независимо от их взглядов на предмет.

В конечном счете я остановился на политических лидерах, именуемых популистскими, которые управляли двумя западными странами, известными мне лучше прочих: это Франция и Италия, а следовательно, Саркози и Берлускони. Очевидный изъян такого выбора в том, что ни тот ни другой не находятся в данный момент у власти (и имеют мало шансов вернуться к ней в будущем), однако для нашего сопоставления, как мне представляется, это не слишком серьезный недостаток.

Изначально три вышеназванных политических деятеля имеют между собой мало общего; разве что все трое учились праву, однако можно усомниться в том, что обучение на юридическом факультете оказало серьезное влияние на кого-либо из них. Перед нами офицер КГБ, совершивший головокружительный карьерный подъем, минуя избирательные урны (вспомним, как Путин получил пост премьер-министра), преуспевающий предприниматель (Берлускони – один из богатейших людей Италии), «магнат», как он сам себя называет, глава империи средств массовой информации, поздно пришедший в политику (он создал свою партию «Вперед, Италия» [Forza Italia] и получил в результате выборов пост премьер-министра в 1994 г., в возрасте 58 лет), и, наконец, Никола Саркози, который уже в возрасте 28 лет (в 1983 г.) стал мэром города Нёйи в богатых пригородах Парижа и, по его собственному признанию, постоянно думал о том, чтобы занять пост президента республики¹.

---

¹ 20 ноября 2003 г. журналист Ален Дюамель спросил у Никола Саркози: «Думаете ли вы о президентских выборах, [...] когда бреетесь по утрам?» «И не только, когда бреюсь», – ответил Саркози.

Конечно, те рамки, в которых действовали эти три персонажа, не могли не оказать влияния на их манеру поведения, поступки, жесты, дискурсы и в общем – на их политическую культуру. Авторитарный режим, постоянно усиливаемый Путиным, весьма отличен от демократии парламентского типа в Италии или президентского типа во Франции. Прошлое страны также во многом детерминирует их дискурсы не только потому, что они сформированы этим прошлым, но и потому, что они должны обращаться к населению, которое и само является носителем прошлого. Так, если Путин может с успехом апеллировать к имперскому прошлому России и ее статусу великой державы, то попытки Саркози в том же направлении не имели успеха, а Берлускони никогда не пытался идти этим путем и оставил римских орлов в покое. Вот другой пример: в поисках необходимого ему врага Путин назвал врагами России и ее народа Запад и его прислужников внутри страны («иностранных агентов»), Саркози, более или менее завуалированно, присвоил эту роль иммигрантам, а Берлускони – брюссельским бюрократам и коммунистам (несмотря на исчезновение последних в Италии). Итак, мы наблюдаем у всех троих одну и ту же схему в разных контекстах: враг атакует сами основы жизни страны, а Х (Путин, Берлускони, Саркози) выступает как гарант сопротивления и как первый борец во главе народа против этого врага (который может действовать и открыто, но чаще всего – тайно).

Разница между политическими режимами трех стран влечет за собой одно главное различие, которое порождает дополнительную трудность. Авторитарная и недемократическая природа политического режима в России делает возможным более значительный, нежели где-либо еще, разрыв между речами политиков и их действиями. Если взять в качестве примера отношение к праву и к аппарату судопроизводства, можно утверждать, что Саркози и Берлускони довольно часто подвергают нападкам судей (Саркози изобличает действия судей как направленные против него лично, а Берлускони именуется их коммунистами и т. д.). Путин, напротив, каждый раз тщательно подчеркивает независимость судопроизводства – как настоящий демократ, озабоченный разделением властей, в отличие от популистов Берлускони и Саркози. Но проблема в том, что в России ни один следователь или прокурор никогда бы не осмелился открыть расследование, касающееся Путина. Более того, ни для кого не тайна, что «телефонное право» функционирует в России, как в лучшие советские времена. Никто из трех рассматриваемых лиц не подвергает сомнению законодательную власть (даже если Саркози и Берлускони пытаются обойти ее путем издания декретов), но это имеет весьма различный смысл, если сравнить Францию и Италию с одной стороны и Россию с другой. Саркози и Берлускони знают, что нападки на конституцию будут для них политическим самоубийством, тогда как

у Путина нет оснований беспокоиться о полностью послушной ему Думе, разве что приходится иногда умирять ее пыл, когда она стремится быть более роялистской, чем сам король. Иначе говоря, мы видим у всех троих политических деятелей тенденцию к авторитаризму, причем двое из них вынуждены противодействовать институтам, призванным ограничивать их власть, с которыми они сталкиваются на своем пути, тогда как третий существует в уже реализованной авторитарной системе и демонстрирует лишь видимость уважения к демократическим правилам (Д. Фурман назвал это имитационной демократией, свойственной большинству государств, возникших при распаде Советского Союза).

* * *

Можно предложить предварительный список черт, чаще всего приписываемых популистским лидерам, и посмотреть, какие из них мы видим у одного, двух или трех лидеров:

	Путин	Саркози	Берлускони
Употребление термина «народ»	да	да	да
Собственная прямая связь с народом	да	да	да
Противостояние элитам	да	да	да
Я человек из народа (я как вы)	да	да	да
Провиденциальность, я – спаситель страны	да	отчасти	да
Защита народа от элиты	да	да	нет
Защита страны и народа от врагов	да	да	да
Пренебрежение к институтам	нет (на словах)	отчасти	отчасти
Повышенное внимание к общественному мнению (к опросам)	да (в первые годы)	да	да
Собственная исключительность среди других политиков	да	да	да
ПолитНЕкорректность. Говорит, что думает сам и что думает народ	да	да	да
Национализм	да	да	да
Использование личной жизни и биографии	отчасти	да	да
Вирильность, мачизм	да	отчасти	да
Спорт	да	отчасти	нет
Демагогические обещания	нет	отчасти	да
Авторитаризм	да	да	отчасти
Приверженность к традиционным ценностям народа	да	отчасти	отчасти
«Убирайтесь» – замена всех старых и прогнивших элит*	да (в первые годы)	нет	нет

Примечание: * Конечно, когда все трое были у власти, никто из них не двигал это требование, но они и не употребляли его ради прихода к власти.

Здесь они сильно отходят от обычного образа популиста: действительно, сегодня такие лидеры, как Бешпе Грилло (лозунг его движения «Пять звезд» – «Vattene», т. е. «Убирайтесь») или Савиани в Италии, Навальный в России, и *почти все* кандидаты на пост президента во время недавних выборов во Франции, в первую очередь Ле Пен, Меланшон и Макрон, постоянно к нему прибегают.

Само собой, эта таблица очень схематична, и можно оспаривать те или иные мои оценки.

По определению, политический деятель у власти принадлежит к политической элите страны. И это ставит перед популистским лидером проблему – ему нужно выглядеть, несмотря на его положение, одновременно и руководителем страны (и даже, к чему я еще вернусь, личностью провиденциальной, «спасителем народа»), и человеком из народа или, во всяком случае, настроенным на одну с ним волну. Для того чтобы этого достичь, сами действия не годятся, потому что они с необходимостью будут действиями правителя; значит, следует строить образ – себя как «человека из народа» (если воспользоваться заглавием «автобиографии» Мориса Тореза, которая преследовала в точности ту же цель). Анализ построения этого образа и будет главной моей целью в сравнительном анализе.

II. Биография

Несомненно, именно Путин с наибольшей тщательностью построил свой образ «обычного советского человека»: его отец работал на предприятии, выпускавшем вагоны метро, его родители пережили блокаду Ленинграда, сам он был «дворовым мальчиком», которого спасли занятия спортом, и т. д.² Двум другим персонажам, конечно же, подобная операция давалась труднее. Однако Берлускони, рассказывая о себе, излагает историю жизни человека, который сам себя создал (*self made man*), сам добился успеха и в результате стал, при всей своей специально подчеркиваемой исключительности, примером для любого итальянца, осуществленной мечтой мелкого предпринимателя из северной Италии.

III. Язык

Все трое произвели впечатление на умы своим способом выражаться, далеким от гладкого языка, который обычно свойствен политическим деятелям. С ними неразрывно связаны два выражения:

---

² От первого лица: Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000.

путинское «мочить в сортире» и «вали отсюда, п...» Саркози в обращении к манифестанту. Берлускони тоже не скупился на словечки человека с улицы. Употребление (контролируемое или нет – тут мнения расходятся) подобного типа лексики имеет очень ясный смысл: я не такой, как другие политики, я говорю как все люди, говорю без обиняков, на языке народа. Стоит, однако, заметить, что если «мочить в сортире» упрочило популярность Путина, то с Саркози произошло обратное: его «имидж» был скомпрометирован, так как французы требуют, чтобы президент не говорил на языке улицы, и газеты взывали к теням великих предков, двух мастеров литературной речи, де Голля и Миттерана.

IV. Культура

Хотя Путин время от времени любит цитировать русских классиков (как, например, знаменитые строки Тютчева «Умом Россию не понять...», правда, заменяя при этом, и весьма красноречиво, «можно только верить» на «надо только верить») или даже давать уроки русской литературы, как на недавней «прямой линии» (июнь 2017 г.), он неоднократно подчеркивал свою принадлежность к популярной культуре (вспомним его музыкальные выступления). Более того, можно сказать, что его способ показывать знание классики принадлежит также к среднему культурному уровню (ни высокому, ни низкому), что является знаком советской культуры (следуя определению, которое дал ей Борис Дубин). Совершенно так же обстоит дело и с Берлускони, патроном 5-го канала и других каналов, которые открыли двери программам, потакающим самым низким вкусам публики. Сам он в юности пел на прогулочных пароходах и поныне любит петь на публике. Саркози меньше проявлял любовь к пению, однако и он также неоднократно пытался показать свою близость к вкусам «простых людей» – например, впервые сфотографировался со своей новой подругой и ее сыном от первого брака во время их визита (частного, но в сопровождении фотографов) в Диснейленд в пригороде Парижа.

V. Тело (спорт, секс, мужественность)

Демонстративный показ своего тела не практиковался политиками ни во Франции, ни в Советской России, ни в послевоенной Италии. В различной степени и различными способами наши три персонажа играют образами своего тела (физического, а не политического, если вспомнить различие, установленное Э. Канторовичем³).

---

³ Канторович Э. Два тела короля. М., 2014; Kantorowicz E. The King's Two Bodies. Princeton, 1957.

Это наиболее очевидно в случае Владимира Путина, который с самого начала отчасти обязан своей популярностью спортивной выправке, старательно противопоставляемой образу его предшественника – больного старика-алкоголика. Нет нужды напоминать об обошедших весь Интернет фотографиях Путина с обнаженным торсом на лошади, Путина на рыбалке, Путина, ныряющего в поиске древних амфор, Путина, летящего во главе стаи стерхов, и т. д. Тем самым Путин подтверждал, что он не только «свой мужик», но еще и «настоящий мужик», в том числе в сексуальном смысле. И в самом деле, даже если он, в отличие от Берлускони, не хвастается своими сексуальными подвигами, он намекает на то, что у него «все в порядке», и нередко отпускает «мужские» шуточки (например, по поводу президента Израиля), которые, помимо других достоинств, являются политически некорректными и, следовательно, могут соблазнить часть публики. Пусть в меньшей степени, но свое тело выставляют напоказ и два других протагониста: у Берлускони это рассказы о сексуальных подвигах, у Саркози – джоггинг в шортах. Отметим тут важное различие. У Саркози сам факт бега по улицам Парижа (или Нью-Йорка) и разрешение снимать его на пленку имеет целью, скорее, десакрализацию функции президента республики, а Берлускони, похваляясь предполагаемыми качествами «настоящего итальянца», показывает, что он – это как бы Италия в превосходной степени. Демонстрация своего тела Путиным преследует другую цель (по крайней мере, во время двух первых сроков) – а именно его героизацию (агент 007, супермен?).

VI. Аутентичность, идентичность и защита от врагов

Итак, все трое предстают соответственно как истинный русский, итальянец, француз, и гордятся этим. Они – плоть от плоти «коренного» населения, даже Саркози (сын эмигранта) – целиком и полностью француз, разделяющий ценности и вкусы своего народа. Все трое постоянно демонстрировали, как горячо они любят свою родину. Например, Берлускони участвовал в телевизионном клипе, посвященном красотам «волшебной страны» Италии; Саркози во время президентских выборов 2007 г. в большой прочувствованной речи, заимствуя стиль Мориса Барреса, прославлял Францию как уникальную, благословенную Богом страну⁴.

Что касается Путина, то он часто говорит об уникальности России и ее величии. Так что мы находим в националистических речах моду-

---

⁴ <http://discours.vie-publique.fr/notices/073001514.html>

ляции, связанные с различием историй и соответственно той публики, к которой эти речи обращены. Если Берлускони видит в Италии прежде всего страну, где люди умеют хорошо жить, где умелый, предприимчивый народ творит красоту и богатство, если для Саркози Франция есть страна универсальных ценностей, которая в свое время провозгласила и защитила их, но также и страна католицизма, то для Путина, как мне представляется, Россия это прежде всего держава, которая смогла одолеть своих врагов и тем самым спасти человечество.

Однако все три персонажа проводят различие, сформулированное более или менее четко, между аутентичным народом и населением страны. Это ясно видно в постоянном утверждении идентичности. Так, в 2007 г. Саркози создал Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развития на основах солидарности. Не нужно быть великим грамотеем, чтобы расшифровать смысл соположенности этих нескольких слов. Имеет место иммиграция – как потенциальная угроза разрушения национальной идентичности (тема, близкая Национальному фронту Марин Ле Пен), и лишь интеграция может уменьшить эту угрозу. Необходимо уточнить, что эту инициативу бурно критиковали, особенно историки, и что в конечном счете министерство в 2010 г. было расформировано.

Корни идентичности уходят вглубь истории страны (к истории часто обращаются и Путин, и Саркози, но гораздо реже – Берлускони) и в ее традиции. У всех троих чисто националистический ход рассуждений: страна изначально обладает всеми качествами, которые определяют ее идентичность и делают ее уникальной (эссенциалистская и глубоко антиисторическая позиция, присущая всем националистическим дискурсам), а задача нынешнего поколения – в том, чтобы сохранить в неприкосновенности это наследие, защитить его от вредных влияний извне и заново утвердить тот фундамент, на котором стоит страна. Вновь замечу, что такое видение не является четко эксплицированным, однако оно лежит в основе многих дискурсов, впрочем, чаще у Путина и Саркози, чем у Берлускони. Подтверждение идентичности осуществляется чаще всего посредством подтверждения христианских ценностей. Недавно, в канун православного Рождества 2016 г. (то есть в январе 2017 г.) Владимир Путин поздравил с Рождеством всех, кто его праздновал, следующими словами:

«Рождественские дни озаряют нашу жизнь особой радостью, пробуждают самые добрые чувства, обращают нас к духовным истокам и традициям. Это время благих помыслов и дел, искренней заботы о ближних и о тех, кто нуждается в помощи и поддержке. Огромную, поистине уникальную роль в возрождении высоких нравственных, моральных ценностей, сбережении нашего богатейшего историче-

ского и культурного наследия играют Русская православная церковь, другие христианские конфессии. Они многое делают для гармонизации межнационального и межрелигиозного диалога, сохранения в нашей стране гражданского мира и согласия. Желая православным христианам, всем гражданам России, празднующим Рождество Христово, здоровья, успехов, благополучия»⁵.

Со своей стороны, Никола Саркози подчеркивал исключительную связь Франции с католической церковью в своей речи в базилике Сан-Джованни ин Латерано в Риме 20 декабря 2007 г.⁶ Берлускони в драматических обстоятельствах предстал как «защитник» семейных и христианских ценностей, выступив против прекращения искусственного поддержания жизни женщины, находившейся уже долгие годы в состоянии комы.

Популистским лидерам всегда приписывают прямой контакт с народом. Они выступают как его первые защитники. Они защищают его, конечно, против внешнего врага и в этом не отличаются от других политических лидеров, их специфичность – в той значимости, которую они придают, или делают вид, что придают, врагу внутреннему, чаще всего имеющему связь с врагом внешним. Как кратко отмечено выше, Путин с самого начала обещал защищать русский народ от террористов (вооружаемых и подстрекаемых извне), затем – от врагов с Запада и их агентов внутри страны. Берлускони изобличал то «коммунистов», то брюссельских бюрократов. Применительно к Саркози это менее ясно, однако из его речей об иммиграции можно понять, хотя это прямо и не говорится, что она представляет собой опасность. Очевидно, что по крайней мере двум первым лидерам враг и изобличение врага необходимы для создания того аутентичного народа, который их поддерживает, с которым они находятся в симбиозе и совершенно естественно общаются. Но в одном, как мне кажется, Путин *отличается* от двух других наших героев и, скорее, сравним с такими популистскими лидерами, как Дональд Трамп или Уго Чавес (или, если обратиться к лидерам популистской оппозиции, – Марин Ле Пен во Франции и Бeppe Грилло в Италии). Речь идет о защите «подлинного народа», простых людей, от «элит» или «олигархов». Лучший пример – защита Путиным под оком телекамер обитателей Пикалёво, вступивших в конфликт с Олегом Дерипаской, и знаменитая фраза: «Ручку верните!» Однако можно назвать и другие приме-

---

⁵ http://www.1tv.ru/news/2017-01-07/317417-vladimir_putin_russkaya_pравославная_tserkov_i_dругие_hristianskie_konfessii_igrayut_огромную_rol_v_zhizni_obschestva

⁶ http://www.lemonde.fr/politique/article/2007/12/21/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-salle-de-la-signature-du-palais-du-latran_992170_823448.html

ры: публичный разнос нерадивых губернаторов, которых не заботит судьба жителей вверенных им областей, обещания в телевизионном эфире во время «прямых линий» – заняться той или иной конкретной ситуацией, защитить подавшего жалобу человека от произвола бюрократов.

В этом, конечно, можно видеть традицию русского «добротного царя» и плохих бояр или хорошего Сталина и плохих местных управленцев, однако я здесь вижу, скорее, классическую популистскую процедуру: харизматичный лидер вместе с народом противостоят элите.

VII. Народ и я. Телепопулизм

В качестве средства прямой коммуникации с народом нашим трем протагонистам служит телевидение. Берлускони и, реже, Саркози прибегали также к многолюдным митингам, но даже в этом случае собрание приобретало подлинный смысл лишь благодаря телевидению. Последнее – в гораздо большей степени, чем социальные сети, которые станут использоваться следующим поколением, – играло центральную роль, и все три лидера в этой сфере профессионалы. Берлускони – в прямом смысле слова, так как является собственником медиа-холдинга «Фининвест», а Саркози рассчитывал свои выступления так, чтобы они открывали вечерний телевизионный журнал. Телевидение, в отличие от социальных сетей, выстраивает прямое отношение не между «мною» и правителем, а между «нами» и правителем, и это отношение для правителя необходимо, поскольку служит для него одним из источников легитимности (если выборы играют решающую роль, по крайней мере для Саркози и Берлускони). Телевидение позволяет изобразить единение с народом, особенно Путину, тогда как Берлускони и Саркози много использовали ток-шоу. При помощи «прямой линии» создается зримый образ общности всех россиян, чьи проблемы и трудности Путин или разрешает, когда этого требует справедливость, или отбрасывает, когда просьбы не обоснованы. Так, во время последней «прямой линии» 2017 г. Путин взял под свою опеку двух женщин (одна – жертва наводнения, другая – пожара).

Общий рисунок здесь просматривается достаточно легко. Несчастные и незащищенные жертвы стихий и бюрократов обращаются к последнему своему защитнику, и не зря. Президент, конечно, в курсе природных бедствий, и он (государство) принял все нужные меры. Виновата местная власть, и она в лице конкретного губернатора должна будет отвечать и перед президентом («мы обязательно с этим разберемся»), и перед судом («обязательно попросу разобраться прокуратуру»). Но слово государства (Путина)

не может быть нарушено («это были наши обещания... и мы это сделаем»).

Можно во всем этом видеть популизм, оснащенный всеми современными техническими средствами, но мне, как всякому, кто учился в давние времена во французской школе, вспоминается картинка из учебника для 2-го класса: Людовик IX (Людовик Святой, король Франции в 1226–1270 гг.) восседает, как пишет летописец, под своим дубом в Венсенском лесу, и всяк может подойти, изложить свою жалобу и получить справедливое решение. Так что еще открыт вопрос, чего здесь больше – популиста или монарха.

Постоянная потребность в популярности как одним из источников легитимности объясняет ту одержимость опросами общественного мнения относительно их популярности, которая свойственна всем трем лидерам. (Где, как не здесь, упомянуть атаки, которым подвергался Левада-центр? Но можно также вспомнить о «деле опросов», в котором замешан бывший советник Саркози – благодаря ему мы узнали, что Елисейский дворец тратил на опросы ежегодно миллионы евро.) В то же время она объясняет трудность, с которой они сталкиваются, когда необходимо признать свое поражение. Это – понятно почему – касается только двух западных лидеров. Саркози был убежден, что мог бы еще быть переизбран, а Берлускони регулярно объявляет, что вновь станет во главе страны. Что же касается Путина, то он, после некоторых колебаний общественного мнения в самом начале (из-за путинского промаха в связи с затонувшей подлодкой и фразой «она утонула»), имеет такую популярность, которую, кажется, пока ничто не может поколебать.

Это отношение, эта «связь с народом» – не есть чистая фантазия и не может ею быть. Популистский и популярный лидер либо чувствует то же, что и большинство населения, и говорит, совершенно естественно, то, что оно желало бы слышать, либо, не разделяя чувства населения, понимает, что именно оно хочет слышать. Путин как «простой советский человек» понял, что русские хотят порядка, хотят видеть Россию великой державой, что они не хотят обесценивания советской эпохи, потому что это лишает смысла часть их истории. И Путин сумел это выразить: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца». («А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, нет головы», – добавил он.) История России едина, и она – героическая.

Со своей стороны, Берлускони в более повседневном духе может, например, вместо того чтобы пообещать бороться с уклонением от уплаты налогов, заявить, что тот, кто платит все налоги, – дурак и проstack, выражая, таким образом, отношение большинства итальянцев к государству как вору, которого вполне подобает обманывать. Можно

процитировать Саркози, который в 2005 г., будучи министром внутренних дел и говоря о молодежи из пригородов Парижа, пообещал очистить улицы от этих «подонков», как будто техникой «Керхер». Десять лет спустя он возвратился к данному эпизоду (в 2016 г. в интервью «Франс-2»): «Когда я сказал “подонки”, это вызвало шок только у узкого круга парижан, французы – не были шокированы. Что здесь плохого? Я горжусь тем, что сказал именно так». Тут мы находим все ингредиенты популистского дискурса: народ («французы» – народ, взятый недифференцированно, в отличие от общества), элиты, противопоставленные народу (маленький парижский мирок не понимает народа), и популистский лидер, который понимает, что чувствуют люди, и артикулирует их мысли.

Таким образом, популистский лидер понимает «народ» и говорит вслух то, что «народ» думает, но не может или не осмеливается сказать, и тем самым он делает легитимными мысли, чувства и мнения, которые люди ранее не решались высказать во всеуслышание (будь то страх или ненависть перед иммигрантами или что-то более банальное – об уклонении от уплаты налогов). Лидер усиливает себя, говоря то, что «народ» хочет слышать, а «народ» доволен тем, что высокий государственный авторитет разделяет его мнение, а не читает ему мораль. Однако, если не считать Путина, подобная комбинация взаимных усиления и удовлетворения оказывается довольно-таки эфемерной.

Лидеру популистского типа необходимо сочетать два аспекта своей политической персоны: он должен быть одновременно человеком как другие и человеком провиденциальным. Единственный, кто сумел полностью реализовать этот оксюморон, как я думаю, – Владимир Путин. Благодаря тому, что он был назначен премьер-министром как бы помимо своей воли, а затем почти сразу, без настоящей кампании, избран президентом России, он может представлять себя не как политического деятеля, стремившегося к власти, а как обычного человека, которого Бог (?) или судьба (?) (его кадилышки не едины во мнениях на этот счет) поставили во главе России. Ну, а оказавшись во главе страны, он выполнял свой долг, работая, по его собственному выражению, «как раб на галерах»: это выражение стирает политическое и оставляет только труд, тяжелый, но необходимый для России труд. И так как он хорошо выполняет свою работу, честно и открыто (смотри «прямую линию»!), народ не может этого не признать, и остается только предоставить окружению и СМИ постоянно объяснять населению, что Путин и есть спаситель России.

С этой точки зрения можно отметить эволюцию Путина: со временем, особенно в течение третьего срока, он все больше облачается в одеяния человека провиденциального, а «я как все» отходит на

второй план. «Путинки» встречаются все реже, спортивные подвиги, какие-то неожиданные жесты занимают все меньше места, тогда как образ «отца нации» усиливается.

Если вернуться к моей таблице, то мы видим достаточно большое число совпадений, чтобы найти подтверждение изначальной гипотезы, т. е. что Путин принадлежит к той же категории политических лидеров и что всех троих можно характеризовать как популистов. Но следует, тем не менее, добавить важную – как я считаю – оговорку. Многие из черт, перечисленных в таблице, даже если они принадлежат в первую очередь популистским политикам, часто встречаются у всех политиков, как, например, использование семьи (вспомним президентские выборы в США), внимание к общественному мнению, демагогические обещания во время предвыборной кампании (вообще слово «популист» достаточно часто употребляется для обозначения просто демагога) и т. д. Когда участников предвыборной кампании во Франции называли популистами (о чем я уже говорил), это было возможно потому, что у всех имелась та или иная черта, обычно приписываемая популистам. Поэтому, наверное, следует аттестовать кого-то как популиста только в том случае, когда мы имеем целый набор этих черт, притом ярко выраженных.

Но не стоит при этом забывать, что в конечном счете мы не прибегаем к точному определению существующей в природе разновидности политического деятеля, а лишь наклеиваем на него ярлык – будем надеяться, не слишком произвольно. Ярлык, позволяющий, с одной стороны, делегитимировать данного политика, а с другой – себя самого интеллектуально успокоить: «Ну, раз это популист, то все ясно».

В заключение нужно вновь подчеркнуть, что речь здесь не идет об анализе реальной политики трех политических деятелей. Конечно, некоторые принимаемые ими меры выглядят как популистские, особенно у Берлускони (который отменил, например, налог на жилье, ненавистный для многих итальянцев), однако, за частичным исключением Берлускони, их политику не назовешь по-настоящему популистской, как, например, в случае Уго Чавеса (я не придаю сейчас термину «популистский» никакого пейоративного смысла), скорее, наоборот. Путин даже неоднократно предостерегал народных избранников против популистской политики, и если обратиться к путинскому экономическому курсу, то его можно критиковать по многим статьям, но он достаточно далек от популизма. Следовательно, можно сказать, что в данном интересующем нас случае мы имеем дело не с популистской политикой, а с умелым облачением в популистскую форму политики, которая таковой не является или является лишь в малой степени.

ПОПУЛИЗМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: КОРНИ, ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Популизм – совокупность различных по характеру идеологических явлений (массовых общественных настроений, политических движений), периодически возникающих в новейшей истории массового общества. В стилистических особенностях популизма в разных странах много общего, но у них настолько разный генезис, разные социально-политические формы выражения, что возникают сомнения, имеем ли мы дело с одним и тем же феноменом или это объединение по аналогии разнородных сущностей и явлений. Даже в пределах стран бывшего соцлагеря мы сталкиваемся с настолько разными формами популизма – польского, венгерского, украинского, российского, грузинского и других, что возникает мысль о невозможности генерализации данных явлений.

Общность популистских движений проявляется лишь в одном: имеет место прямое обращение демагога к массе как источнику суверенитета за поддержкой на основании того, что демагог, вождь, лидер *непосредственно* выражает «волю народа», его желания и тревоги. Право на такую позицию демагога обосновывается тем, что наличная политическая или, более широко, институциональная система (истеблишмент, политические элиты, партии, экономическая организация и т. п.) не отражает реальных интересов «народа», что средства управления узурпированы или монополизированы одними и теми же партиями, агентами влияния корпораций, что правительство представляет и защищает интересы лишь некоторых категорий населения (крупного бизнеса, столичной бюрократии и т. п.).

В обычном («спящем») состоянии популистские представления характерны для субкультур маргинальных социальных слоев, апеллирующих к более ранним историческим фазам формирования «общества». Они поднимают пласты культуры, лежащие ниже горизонта актуальных событий (например, обращаются к идеологиям времен формирования национального государства, «единства народа» или к моментам коллективного «величия» и триумфа). Популизм выдвигает – в качестве самоочевидной основы общественного консенсу-

са, уже не требующей специальных усилий по доказательству своей значимости, – самые тривиальные лозунги, включающие компоненты даже не «вчерашнего», а «позавчерашнего дня», а потому хорошо знакомые, всем понятные и как бы убедительные. Их функция – мобилизация сторонников или сохранение слабеющей коллективной идентичности, а не практическое решение насущных вопросов. Но примитивность и политическая неинструментальность этих призывов массами не осознается.

Популизм – это реакция на внезапно обнаружившиеся *дисфункции или открывшуюся недееспособность государственных и политических институтов*. Такого рода кризисные ситуации отмечают пределы больших идеологий или исчерпание ресурсов веры в них. Институциональные дисфункции (реальные или мнимые) осознаются публикой как очень серьезные дефекты политической системы, утратившей способность адекватно реагировать на угрозы (внешние или внутренние, экономические, экологические, социальные или военные). При определенных условиях популизм переходит в активную фазу, и такое движение, быстро распространяясь, захватывает сознание не только депримируемых или фрустрированных социальных групп, но и более широких слоев населения, осознавших неустойчивость своего положения или утрату перспективы на будущее¹. Аргументы здесь могут быть самые разные: например, снижение доходов среднего класса (конец эпохи процветания, как в США в 2000-е гг.) или массовое обнищание (для России – это последствия трансформации институциональной структуры в 1992–1994 гг. или кризиса 2008–2009 гг., вызвавшего массовые акции протеста уже в конце 2010 г. и в особенности в 2011–2012 гг.), опасности сепаратизма, утрата этнонациональной самобытности регионов (в Италии, Испании, Бельгии, Великобритании). Важно, что популисты оперируют тотальными категориями апеллятивного целого – народа, страны («Альтернатива для Германии», Национальный фронт во Франции, «сделаем Америку снова великой», «возрождение России как Великой державы» и т. п.), соотносимыми со столь же глобальными и недифференцированными понятиями угроз или вызовов, обеспечивающих негативную идентичность для аморфных социальных масс. Возникающие проблемы воспринимаются популистами не как отдельные нарушения порядка, а как ситуация надвигающейся,

---

¹ Популизм может приводить к социальным изменениям, обусловленным соответствующими идеологиями: в одних случаях – он способствует установлению авторитарных или тоталитарных режимов (как это было в начале XX в. в Италии, России, Германии, в странах ЦВЕ), в других – облегчает выход из состояния тоталитаризма (как это было в конце 1980-х гг. в европейских странах бывшего соцлагеря и СССР).

столь же «тотальной», катастрофы (массового обнищания, наплыва мигрантов, засилья «чужих» – приезжих, отбирающих у местных рабочие места, этнических меньшинств, подрывающих традиционные ценности и образ жизни «коренного» населения). Страх и неопределенность будущего обостряют resentment и социальную зависть «большинства». Основу консолидации составляют чувства сострадания (чаще всего – мнимого) к обиженным или угнетенным, бедным и солидарности с ними. Поэтому конфликты такого рода приобретают смысл как бы этического противостояния, а требования солидарности с популистским лидером или поддержки его партии характеризуются безапелляционностью защиты коллективного целого (национальной безопасности, благополучия, сохранения базовых ценностей общества или духовных традиций, гарантий будущего всего «народа»).

Подобный дискурс дискредитирует и вытесняет представления о действующих акторах и институтах, делая ничтожными общепринятые до этого способы определения и решения насущных вопросов, политические процедуры целеполагания и целедостижения. Взамен утверждается идеология *прямого действия*. Населению предлагаются понятные и убедительные образы реальности и воображаемые способы решения *всех проблем*, что, порождая необоснованные надежды и иллюзии, помещает обывателя в пространство национальных фобий, исторических мифов, утопий и беспроblemного существования, чем достигается возбуждение общества, являющееся условием последующей массовой мобилизации.

Хотя кажется, что российский популизм – явление совсем недавнее (его актуальность наблюдатели связывают главным образом с выступлениями русских националистов, с ростом протестного движения в 2011–2012 гг., с деятельностью Алексея Навального и других, менее известных внесистемных политиков: Евгения Ройзмана, Сергея Удальцова, Вячеслава Мальцева, использующих необычные формы прямого обращения к публике), это не совсем так. Можно выделить несколько фаз русского популизма. Прежде всего следует назвать борьбу с привилегиями партаппарата, которую использовал Ельцин, будучи секретарем МК КПСС (в ходе конфронтации с горбачевским Политбюро и советской номенклатурой); чуть позже – обещания младореформаторов, заверявших население в быстром наступлении эпохи национального процветания после завершения их реформ и поражения сторонников советской власти (ваучерная приватизация и пр.). Вторая фаза отмечена антиреформаторской и имперской демагогией Жириновского в 1993 г. и коммунистов в их конфронтации с Ельциным. Третьим вариантом (и следующей фазой) популизма была риторика «суверенной демократии», «консервативной модернизации», реставрации Великой державы и появле-

ния «духовных скреп» у Путина, сохраняющаяся вплоть до начала нынешнего кризиса системы. И только четвертая фаза (разложение путинизма) представлена такими фигурами, как А. Навальный.

Поводы для выражения массового недовольства были вполне «законными»: манипуляция конституцией для передачи президентского поста («рокировка» Путина и Медведева), фальсификации на выборах 2011 г., злоупотребления властью со стороны высокопоставленных чиновников и пр. Лозунг Навального: «“Единая Россия” – партия жуликов и воров» – разделяли от 40 до 45 % населения (даже больше, чем собирала голосов на выборах сама ЕР – партия власти, агитирующая за В. Путина). Публикации разоблачительных материалов о коррупции в высших эшелонах российской власти принесли ему общую известность и успех на выборах московского мэра, хотя победить тогда ему не удалось. Тема коррупции не имела бы такого значения, если бы служила только выражением массового ресентимента. Важнее связывающееся с ней признание, что государство не выполняет своих патерналистских обязательств перед населением, а именно это воспринимается как нарушение принципов социальной справедливости, на которых держалась легитимность советского социализма и в значительной степени держится нынешний авторитаризм. От 53 до 80 % россиян считают, что государство *должно* обеспечивать «нормальный» уровень благосостояния всем гражданам². (Лишь 4–8 % высказывают радикально либеральные взгляды, полагая, что зависимость от государства – причина индивидуальной и общественной несвободы.) И одновременно такое же преобладающее большинство (75–78 % опрошенных) сознает, что государство не будет и не собирается выполнять подобные обязательства³. Но большинство людей уверены, что повлиять на правительство или администрацию более низкого уровня они не могут⁴.

Несоответствие между ожиданиями государственной заботы и реальностью подрывает веру в дееспособность и легитимность власти. Объяснением «задержки» обещанного массового процветания в общественном мнении становится широко распространенная убежденность в эгоизме и воровстве тех, кто у власти. То, что население «вынуждено» полагаться на себя, воспринимается как признак «разложения» государства: на помощь государства надеются не более

---

² Общественное мнение 2016: Ежегодник. М.: Левада-центр, 2017. С. 22, табл. 2.13.

³ Там же. Табл. 2.12.

⁴ Там же. С. 53, табл. 4.13, 4.12. 60 % россиян (в среднем за последние 10 лет) полагают, что правящую элиту интересует только сохранение ее власти; не согласны с ними вдвое меньше – 28 %: Там же. Табл. 4.14.

20 %, это самые бедные группы – одинокие пенсионеры, многодетные родители, инвалиды, а большинство (65–70 %) рассчитывают только на самих себя.

Явление политического маргинала Алексея Навального стало симптомом, что сложившаяся при Путине, имитирующая многопартийность, политическая система⁵ становится неэффективной. Вытеснение старых «демократических» партий, отказ от выборов губернаторов, запрет региональных партий, цензура в СМИ, репрессии против гражданского общества лишили значительную часть избирателей представительства, что привело к массовому падению интереса к политике и нежеланию участвовать в выборах. Не интересовались предстоящими выборами в 2003 г. – 52 %, в 2011 г. – 40 %, в 2016 г. – 57 %. Три четверти россиян на протяжении всех 2000-х гг. уверены, что выборы не могут что-либо изменить в их жизни, улучшить их положение. От 53 до 63 % не в состоянии назвать партию в Госдуме, которая выражала бы интересы «таких людей», как «сам респондент». Это значит, что российский парламент не способен отражать интересы общества (в январе 1993 г. так считали 68 %, в ноябре 2007 г. – 55 %, в марте 2016 г. – 60 %). Предстоящие выборы (в 2003, 2007, 2011, 2016 гг.) значительной частью населения расценивались как нечестные, с использованием «грязных» технологий, фальсификаций. Честными и открытыми их признавали лишь от 21–28 % (2003) до 37–38 % (в ноябре 2011 и феврале 2016 г.). Доля «точно решивших принять участие в голосовании» постоянно снижалась вплоть до настоящего времени: с 43–47 % в 1995–1996 гг. до 20–23 % в 2016 г.⁶ 93 % россиян в опросах последних 5 лет не представляют себе, чем занимаются депутаты и зачем все это нужно⁷. Подавление деятельности негосударственных общественных организаций и партий, не входящих в кремлевский пул, оборачивается стерилизацией не только публичного пространства, но и самих политических взглядов и убеждений. Начиная с 2009 г. каждый второй взрослый житель России заявляет, что у него «нет никаких политических взглядов»

---

⁵ «Системные» партии – ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР, допущенные кремлевской администрацией к выборам, а значит – к федеральным СМИ, + «внесистемная оппозиция» («Яблоко», «Парнас» и другие партии).

⁶ Общественное мнение 2016. С. 109–113, 117–121. На протяжении 2006–2016 гг. большинство опрошенных (в среднем 51 %) полагало, что на выборах отсутствует реальная конкуренция, что это лишь имитация борьбы политических партий (не согласных с ними в среднем 34 % респондентов, настаивающих на честности и открытости конкуренции): Там же. С. 122. Поэтому лишь явное меньшинство (5–6 %) россиян верило (в 2000–2016 гг.), что выборы могут заставить правительство делать то, что хотят простые люди: Там же. С. 120, табл. 11.14.

⁷ Там же. С. 102, табл. 9.4.3.

или идеологических предпочтений⁸. Среди тех, кто, напротив, придерживается каких-либо политико-идеологических предпочтений, можно выделить:

а) сторонников государственного патернализма (людей с «социалистическими убеждениями», полагающих, что «государство должно обеспечивать социальную защиту населения», таких в целом от 28 до 34 %);

б) «коммунистов» (от 12 до 18 %);

в) «русских патриотов» (от 9 до 13 %);

г) сторонников режима «твердой руки» (от 14 до 18 %);

д) либералы присутствуют здесь очень скромно – от 7 до 9 %.

Другими словами, это во многом те же популисты. Сами политико-идеологические идентификации не слишком устойчивы, они смешиваются или перетекают друг в друга, образуя достаточно аморфный и текучий конгломерат остаточных представлений. Люди ясно понимают, что российские выборы при Путине превратились в ритуалы аккламации тех, кто уже у власти или кого назначает на выборные позиции администрация президента. Это обстоятельство (вместе с исчезновением образа будущего из-за отсутствия общественных дискуссий и механизмов публичного целеполагания и критической оценки политики) усилило сознание, что «сделать ничего нельзя» и что «всегда будет так, как сейчас», немного лучше, немного хуже, «жить трудно, но терпеть можно».

Причины популизма последнего времени – *деградация институциональной системы авторитаризма, в первую очередь – партийно-политической и правовой системы путинского режима*. Показатели отчуждения от политики за четверть века выросли почти вдвое (с 44 % до 80 %). Россиян волнуют рост цен, нестабильность или снижение их доходов, угроза потери работы, снижение социальных выплат и расходов государства на социальные нужды, но не собственно политические проблемы: борьба за власть различных клик и партий, участие в выборах, личная ответственность за происходящее в стране, последствия внешней политики России, произвол и беззаконие администрации, конфликты с соседними странами, ситуация на Кавказе, состояние гражданского общества и ограничение прав человека и т. п. интересуют явное меньшинство – об этом заявляют от 3 до 15 % респондентов.

Следствием этого оказывается распространение примитивных традиционалистских и персоналистских представлений об общественно-политической жизни. Если доходы населения падают, если

---

⁸ Там же. С. 111, табл. 10.7.

дороги строятся долго, дорого и с огромными дефектами, если нет денег на здравоохранение и т. п., то для обывателя это означает, что кто-то из влиятельных лиц или групп присваивает их, крадет, расхищает государственные средства, предназначенные «для людей». Поэтому неудивительно, что от 75 до 85 % опрошенных Левада-центром в разные годы полагали, что органы государственной власти полностью или в очень значительной мере поражены коррупцией, что те, кто у власти, заботятся только о своих интересах ее сохранения или личного обогащения. По мнению примерно трети опрошенных, масштабы разложения увеличились в сравнении с тем, что было в 1990-е гг. или в советское время. Тема коррупции и злоупотреблений власти становится заместителем вытесненной тематики политического участия, а сама «политика» в условиях авторитарного режима сводится к крайне узкому понятию борьбы с действующим режимом⁹. От 48 % (2006) до 40 % (2016) опрошенных уверены, что нынешний режим под видом «борьбы с экстремизмом» будет стараться запретить любую критику власти; от 58 до 41 % (тот же период времени) считают, что это станет предлогом для отстранения нежелательных политиков от участия в выборах. Поэтому в публичном поле остаются лишь те партии, которые выражают интересы «силовых структур», «олигархов» или федеральной и региональной бюрократии, то есть тех сил, на которые опирается Путин и чьи интересы он выражает в своей политике¹⁰.

Личный опыт общественной несостоятельности (отказ от участия в политике) порождает архаический запрос на «сильную руку», способную навести в стране порядок и обеспечить принципы справедливости общественного устройства. Если в 1989 г., в период горбачевской перестройки, 44 % россиян считали недопустимой концентрацию власти в одних руках (сказывался страх перед возвратом к тоталитаризму), то сразу после начала реформ мы фиксировали резкий подъем консервативных и популистских настроений массы: надежды на властного руководителя выросли между 1989 и 1996 гг. с 41 до 69 %, а после установления режима Путина держатся на уровне 73–74 %. Доля противников «сильной руки» достигла низшей точки – 15 % в момент аннексии Крыма и патриотической мобилизации.

---

⁹ Именно такое понимание лежит в основе принятых в 2012–2016 гг. репрессивных законов, ограничивающих права граждан на мирные демонстрации, свободу слова, деятельность НКО и т. п. В свою очередь, власть все чаще расценивает обличения коррумпированных политиков и чиновников высшего ранга оппозицией как попытки дестабилизации политической системы и контрабанду «цветных революций».

¹⁰ Общественное мнение 2016. С. 92, табл. 9.2.10, 9.2.11.

Более глубокие причины для подъема российского популизма связаны с *концом идеологии транзита*. Исчезновение надежды на дальнейшую эволюцию страны, на «лучшее будущее» активизирует слои идеологических представлений, характерных для советского времени. Уничтожая слабые правовые и рыночные институты, которые были заложены при Ельцине, нынешний режим использовал популистскую демагогию для дискредитации самой идеи демократии и прав человека как привнесенной с Запада, как чуждой русскому духу и национальным традициям. К либералам, оппозиции, правозащитникам навязывается отношение как к обанкротившимся политикам, безответственным болтунам, интриганам, национал-предателям, иностранным агентам. Но, распространяя мнение о «самоочевидной» зависимости от власти западных СМИ, коррумпированности всех общественных деятелей и политиков на Западе (а значит – и российских оппозиционеров, «подкармливаемых» Западом), кремлевские политтехнологи одновременно (уже непреднамеренным образом) усиливают массовые представления о тотальном цинизме и оппортунизме политиков, подрывая тем самым доверие и к себе, и основания веры в *общее благо, альтруизм* и человеческую солидарность. Их место занимает конспирологическое сознание. Поэтому показатели доверия к политическим партиям (в ряду других институтов) стоят в самом низу шкалы из 18 позиций (17-я ступень, ниже только профсоюзы)¹¹. Это значит, что социальное недовольство и напряжение, скрытые конфликты не могут быть в полной мере артикулированы, они вытеснены из публичной сферы. Следуя от обратного, общественное мнение утверждает, что все политики – воры и негодяи. Деидеализация и отсутствие дискуссий, отказ от участия в общественно-политической деятельности становятся факторами усиления популизма.

Явление таких фигур, как Алексей Навальный, предопределено кризисом сложившейся политической и идеологической системы, репрессиями и подавлением многообразия политических форм и общественных организаций. В этих условиях для независимого политика открыт лишь один выход: обличение коррупции власть имущих. Если первоначальный набор лозунгов Навального ничем не отличался от обычных клише популистов: ксенофобия, защита от мигрантов, опасность вырождения русских, незаконная приватизация в 1990-х гг., – то со временем его риторика меняется: выдвигаются требования правовых и социальных реформ, что делает его политиком уже другого плана, опасным противником для Путина. Навальный собрал самые характерные положения маргинальных групп недо-

---

¹¹ См.: Общественное мнение 2016. С. 84, табл. 9.1.1.

вольных – националистов разных мастей, либералов, региональных политиков, обманутых вкладчиков, экологов, притесняемых жителей отдельных микрорайонов, пенсионеров, в отношении которых российские власти осуществляют дискриминационную практику. Положительная часть его программы до сих пор неясна большей части населения, поскольку Навальный, отрезанный от доступа к СМИ, вынужден использовать непривычные средства доведения до публики своих целей: социальные сети, личное общение с населением, публичные акции – митинги и демонстрации, что ограничивает его возможности изложить свою программу. Дефицит позитивной политической программы с успехом компенсируется не просто критикой коррупции властей, а обнажением *несправедливости* сложившегося при Путине социального порядка в целом.

По-другому строится популизм российских властей. Важнейшие его элементы:

а) обращение от имени *простого большинства населения*, идеология «*единство народа*» (общество без должной институциональной, региональной, культурной, языковой, исторической и прочей дифференцированности, образец – риторика мистической «Тысячелетней России», удерживаемой «духовными скрепами» морально-политического единства населения и власти, русского государства как доминантной коллективной ценности);

б) *Империя*, или особая «русская цивилизация Великой державы», утверждающая свои права и интересы на подконтрольном пространстве, демонстрация военной мощи как основания для коллективной гордости, осознания своей исключительности и превосходства;

в) *государственный патернализм* – мифология заботливого и попечительского государства, на самом деле принуждающего население к подчинению, навязывающего людям отношение к интересам и проблемам власти как к приоритетным и более важным, чем их собственные потребности (население при этом оказывается заложником режима и разделяет его триумфы и преступления);

г) «*равенство всех*» перед властью, а по существу – нивелирование прав, лишаящее людей достоинства, утверждающее ничтожность отдельного человека. Невыраженность, неартикулированность частных и групповых интересов достигается стерилизацией (включая и прямую цензуру) средств репрезентации публичности, что оборачивается примитивностью самой картины общества: все просто, одномерно, «национально». За этим стоят шельмование и дискредитация любых точек зрения, позиций, интересов, кроме государственно-властных, очернение «других» как чужих или враждебных всему целому. Такое видение однообразной тотальности населения идет из времен позднего советского социализма. Навязываемая пропагандой идея одно-

родности общества, снятия очевидных групповых противоречий и различий принимается населением, поскольку ложится в русло демагогии государственного патриотизма, необходимости стабильности и личной лояльности Путину, значимости «морально-политического единства населения и власти» («Путин – это Россия»).

Таким образом, условием солидарности при авторитарном режиме может быть только фактор негативной идентичности (консолидация от противного). Наличие разнообразных «врагов» делает избыточной выработку позитивных программ как властью, так и оппозицией, поскольку такого рода интеграция не нуждается в рациональном целеполагании, обосновании объемов предполагаемых ресурсов, институциональных стратегий решения задач, учете предвидимых последствий, как негативных, так и позитивных.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОПУЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Популизм – неотъемлемый атрибут публичной политики. Он может быть оболочкой политики и выполнять, скорее, позитивную функцию, а может быть ее содержанием и играть, скорее, негативную роль. Если «негативному П» можно противопоставить ответственную политику, то «позитивному П» противостоит игнорирование общественного мнения.

Чаще всего под популизмом понимается система действий политиков, ради сохранения или получения власти эксплуатирующих недовольство граждан элитами, паразитирующих на общественных фобиях и обещающих легко решить проблемы, осознаваемые гражданами как наиболее серьезные. Эти обещания потом надо либо выполнять, что сложно, либо, отвлекая внимание граждан, перебивать другими обещаниями.

Чистого популизма у лидера или находящейся у власти политической силы быть не может, всегда будут и элементы ответственной политики, вопрос в пропорциях. Продвижение любой политики на политическом рынке требует толики популизма, чтобы «продать» политику гражданам. Это отвлекает некоторые ресурсы, доля которых может оказаться столь велика, что на реализацию содержательных задач ресурсов уже не остается. Тогда, собственно, и возникает феномен популизма – уже не как обертки, а как содержания политики.

Не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы, выскажем некоторые соображения относительно роли популизма в российской политике.

I. Россия – страна развитого популизма

С середины 1980-х гг. сначала СССР, а потом Россия продемонстрировали широкую палитру типов и форм популизма и могут служить полигоном для изучения его разновидностей. Это и контрэлитный популизм Б. Ельцина, поднявшегося на волне борьбы с привилегиями. Это и ретропопулизм Коммунистической партии

Российской Федерации (КПРФ) / Г. Зюганова с рассказами о прекрасном коммунистическом прошлом. Это и нарочитый политтехнологический популизм В. Жириновского для сброса пара в свисток. Это и популизм малых дел (от выхухоли до ЖКХ) партии «Справедливая Россия» (СР) / С. Миронова. Это, естественно и в первую очередь, популизм власти, потакание массовому запросу. Последнее плохо не столько само по себе, сколько в сочетании с *отсутствием* разделения властей, и вообще сильной представительной и судебной властей, а также с *отсутствием* независимых СМИ. Именно такое сочетание факторов сложилось к концу первого путинского президентского срока, когда популизм из инструмента борьбы за власть превратился в способ удержания власти.

Отсутствие публичной политической конкуренции и табуирование критики лидера, вкупе с недостаточной политической зрелостью и образованностью граждан, усугубляют негативный эффект. Безвластие и безответственность оппозиции провоцируют соревнование последней в популизме с партией власти. Популизм, таким образом, задает общую рамку, действует разлагающе и на социум, и на политику.

В. Путин – прекрасный пример политика-популиста. Профессиональный адресный популизм Путина проявился с первых дней его прихода к власти, в частности в перехватывании у других политиков и сил привлекательных для граждан тем, будь то коммунистическая символика, ностальгия по СССР и победа в Великой Отечественной войне (у коммунистов), церковь и Севастополь (у Ю. Лужкова), борьба с коррупцией (у А. Навального), антизападничество (у В. Жириновского)¹.

II. Антинегативный популизм

Во время президентских выборов 1996 г. Б. Ельцин много ездил по стране и раздавал обещания: построить мост, аэропорт и пр. Потом, после победы на выборах, Ельцин честно признался, что денег на выполнение данных им обещаний нет – «извините, россияне». Такого рода позитивный популизм вообще очень затратен, а при долгом нахождении политика у власти создает завышенные ожидания, делая каждую новую популистскую волну все более затратной. Ноу-хау Путина – популизм антинегативный. Это популизм власти, притом

---

¹ См. развернутую таблицу «заимствования» В. Путиным у таких политических акторов, как Г. Зюганов, В. Жириновский, А. Лебедь, Ю. Лужков, Е. Примаков, А. Собчак, Г. Явлинский: <http://uchebnik.biz/book/255-sredstva-massovoj-informacii-postsovetskoy-rossii/26-shtandartenfyurer-shtirlic-nash-prezident.html>

стесненной в средствах власти. Суть его в том, что сначала создаются негативные общественные ожидания, а затем, когда по доброй воле власти они не реализуются, последняя получает лавры от того, что они не реализовались.

В качестве первого классического примера антинегативного популизма можно привести победу «Единства» над блоком «Отечество – Вся Россия» (ОВР) в 1999 г., когда на фоне фобий в связи со взрывами жилых домов оказались невостребованными тщательно разработанные программы по выводу экономики из кризиса и пр. Соображения безопасности, предлагаемой обновленной властью, их перевесили.

Другой пример – история с повышением цен на водку в 2011 г., когда Минфин предложил поднять цены вдвое, а премьер-министр В. Путин, дав дискуссии по поводу водочных цен разгореться, призвал «простых, линейных предложений не формулировать». В результате цена была повышена, но «лишь» на 20 %². Причем минимальная цена на водку была повышена на 30 %, но с июля 2012 г., уже после президентских выборов.

С наступлением во второй половине 2000-х гг. растущего финансового благополучия потребность власти в антинегативном популизме сократилась, и власть все больше практиковала позитивный популизм. К последнему, в частности, относятся майские 2012 г. указы В. Путина о повышении зарплат работников бюджетной сферы. Общий размер предвыборных обещаний президента Путина, которые он дал в 2012 г., составил 2,5 % ВВП³.

Сейчас, однако, когда власть все более стеснена в средствах, опять приходит черед антинегативного популизма. Это и разовые пятитысячные выплаты пенсионерам в начале 2017 г. (под выборы, вместо положенной по закону индексации пенсий на размер инфляции), и помилования некоторых случайных жертв репрессивного законодательства, и публичное несогласие В. Путина на предлагаемое правительством повышение пенсионного возраста, и др.

III. Популизм на марше: 2000–2017

В качестве основных вех современного российского популизма можно отметить следующие.

2000 г. – приход к власти новоявленного лидера-популиста В. Путина на волне запроса на безопасность (от террористов с Кав-

---

² См.: <http://www.opoccuu.com/vodka-zena.htm>

³ См.: <https://republic.ru/posts/83622>

каза, взрывающих дома) и эксплуатации имиджа антипода Б. Ельцина: молодого, спортивного, непьющего, решительного.

2003–2004 г. – «победоносное» завершение второй чеченской войны путем т. н. «чеченизации», то есть заключения сепаратной сделки с наиболее влиятельным чеченским кланом и превращения войны из российско-чеченской в чеченско-чеченскую; демонстративное, перед выборами, давление на элиту (олигархи, оборотни, старая команда), широкомасштабное объявление и быстрый отказ от болезненных непопулярных реформ.

2005–2007 гг. – раскрутка приоритетных национальных проектов в качестве популистской подушки под операцию «преемник» по замене В. Путина Д. Медведевым на посту президента. Сразу после президентских выборов 2008 г. – «маленькая победоносная война» в Грузии.

2012–2014 гг. – майские указы 2012 г.; сочинская Олимпиада с торжеством российского спорта; присоединение Крыма; вследствие исчерпания модели накачки популярности с ростом благосостояния происходят регулярные демонстрации наказания коррупционеров среди губернаторов и министров по формуле популистского удержания власти «хороший царь – плохие бояре».

Резкий всплеск популизма начинается с 2014 г., когда нарастание популизма идет рука об руку с ростом персоналистского характера режима. Этот взлет популярности В. Путина и связанное с ним формирование вождистской системы имеет два главных следствия: 1) Путин стал заложником своей сверхвысокой популярности (рейтинг надо беречь от повреждений и «кормить», чтобы не падал); 2) роль элит – корпоративных, включая силовые, и региональных – объективно снизилась, Кремль перестал с ними церемониться. Новая легитимность – легитимность вождя, а не избранного лидера – распространяется сверху вниз и категорически не приемлет любую другую автономную легитимность, в первую очередь электоральную. Отсюда отмены выборов, например мэров, а там, где это невозможно, – игра на снижение легитимности остающихся. После 2014 г. выборы не нужны власти для поддержания легитимности, они для нее лишь источник хлопот.

IV. Субституты на службе у популизма

Выхолащивание и субституционализация институтов, с одной стороны, и их подмена субститутами, с другой, характерны для российской политической системы, в высшей степени персоналистской и популистской. Характерна подмена слабеющих институтов субститутами – функциональными аналогами институтов, не имеющими,

как правило, самостоятельной легитимности и лишены прямого действия⁴. Последнее особенно важно – и потому, что их действия опосредует лидер, получая на этом очки, и потому, что обеспечивается жесткий постоянный контроль, позволяющий в любой момент «убавить-прибавить» газу.

«Субститут – институт» – это некий дуализм, два полюса. Они редко встречаются в чистом виде и обычно слиты воедино, находясь в каких-то пропорциях (гибридность на уровне отдельного института), к тому же со временем меняющихся. Поэтому важна еще и производная, показывающая, идет ли субституционализация или институционализация.

В отличие от создания субститутов, имеющих довольно четкую дату появления, субституционализация институтов может происходить постепенно, без резких контрастов. Есть, впрочем, и исключения. Так, переход в 2000 г. на новую схему формирования Совета Федерации стал резким ослаблением его институциональной составляющей и усилением субституциональной. А одно только объявление в 2004 г. о переходе к назначаемости губернаторов резко ослабило институт губернаторов в целом (а вместе с ним и федерализм) и каждого конкретного главу региона в отдельности. Введение в 2012 г. муниципальных фильтров на формально «восстановленных» прямых губернаторских выборах сразу превратило их из института в субститут.

Обратных примеров – превращения субститутов в институт – российское политическое развитие с 2000 г. не дает, хотя некоторые примеры усиления институциональной составляющей привести можно. Таким образом, развитие путинского режима можно описать не просто в терминах ослабления институтов, но как подмену институтов субститутами и субституционализацию, выхолащивание остающихся институтов.

Многие из субститутов, появившихся в большом количестве с приходом В. Путина к власти, стали вехами, а отчасти и несущими конструкциями крепнувшего популизма. Приведем наиболее важные из них:

1999 (1/1)⁵ – Центр стратегических разработок (ЦСР) как штаб по выработке новой стратегии (потом о нем забудут на долгие годы, пока в 2016 г. он не будет воссоздан для разработки стратегии-2024 под руководством А. Кудрина) и Совбез как стратегическое правительство;

---

⁴ Подробнее о субститутах см.: Петров Н. Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 5–23. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.4_102.pdf

⁵ В числителе дроби показано количество субститутов, связанных с популизмом; в знаменателе – общее количество субститутов, появившихся в соответствующем году.

2000 (2/2) – Госсовет и его президиум, с рабочими группами, разрабатывающими «судьбоносные» проекты; полпреды в федокругах и разветвленная система советов при них;

2001 (3/4) – Гражданский форум; «прямая линия» с В. Путиным; начало работы веб-бригад для дискредитации в Интернете нежелательных для власти позиций и текстов (в 2014 г. превратятся в «фабрики троллей»);

2002 (1/2) – развертывание сети общественных приемных главных федеральных инспекторов (ГФИ);

2003 (1/1) – запуск Георейтинга ФОМ – массовых закрытых соцопросов в регионах РФ;

2004 (3/4) – Институт общественного проектирования (ИнОП) как центр разработки политических проектов, пиара, грант-оператор правительства; Общественная палата (ОП) РФ; Valdai Discussion Club;

2005 (6/6) – общественные советы при ведомствах; политические клубы «Единой России» (ЕР); молодежные движения «Наши» и др.; Всероссийский молодежный форум «Селигер»; объявление программы приоритетных национальных проектов – «инвестиций в человека»: 1) здравоохранение, 2) образование, 3) жилье, 4) сельское хозяйство (немного позже добавлены культура и демография); разработка и публичное представление стратегий социально-экономического развития регионов;

2006 (1/4) – «Политзавод» – молодежные праймериз – с двадцатипроцентной молодежной квотой в списках ЕР всех уровней;

2007 (1/6) – образование Института современного развития (ИНСОП) для подготовки предложений и выработки документов по важнейшим направлениям государственной политики;

2008 (1/7) – общественные приемные лидера ЕР Путина;

2009 (1/4) – «антиолигархическое» шоу В. Путина в Пикалёво и рабочие группы правительства по Пикалёво и Байкальскому ЦБК;

2010 (2/3) – межрегиональные конференции ЕР по федеральным округам; общественное обсуждение законопроектов;

2011 (5/9) – создание Общероссийского народного фронта (ОНФ) – надпартийной структуры поддержки лидера; Фонд «Институт социально-экономических исследований» (ИСЭПИ), разрабатывающий «Народную программу» для ОНФ; Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов; «Большое/открытое правительство»; рейтинговые «праймериз» ЕР;

2012 (3/17) – майские указы президента с поручениями правительству по повышению благосостояния граждан; муниципальные фильтры на выборах глав регионов; электронные голосования как способ манипулирования (формирование Совета по правам человека);

2013 (4/10) – «Народный фронт – за Россию» с 10 экспертными центрами общественного мониторинга; интернет-портал Российской общественной инициативы (РОИ); Фонд развития интернет-инициатив; создание мощной пропагандистской машины по формированию общественного мнения в России и за рубежом в виде международного информагентства «Россия сегодня»;

2014 (4/12) – резкое расширение прокремлевского Фонда развития гражданского общества (ФОРГО): филиалы в регионах России, запуск рейтинга эффективности губернаторов; общественные советы при министерствах и ведомствах, формируемые через ОП и РОИ; придание ОНФ функций общественного контроля; особый формат пропагандистских политических ток-шоу на всех основных каналах ТВ;

2015 (3/5) – аресты высокопоставленных чиновников, обвиняемых в коррупции, и обыски под камеру; Российское движение школьников – аналог пионерской организации; воссоздание общероссийской общественно-государственной просветительской организации Российское общество «Знание» – советской просветительской и пропагандистской организации, существовавшей с 1947 г. и в 1990-е гг. пришедшей в упадок;

2016 (4/11) – военно-патриотическое движение «Юнармия» на манер советской «Зарницы»; Общественный совет по контролю за строительством крымского моста; спецадрес электронной почты для обращения представителей бизнеса к генпрокурору; полноформатные праймериз ЕР и сбор наказов избирателей к парламентским выборам;

2017 (4/6) – подбор кандидатов в губернаторы на основе профиля «идеального губернатора» и модели запроса региона; волна путингов-2 – инспирированных властями митингов «против терроризма» после акции протеста 26 марта и теракта в питерском метро 3 апреля; образование Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) – экспертной площадки для администрации президента; создание специальной системы мониторинга и анализа результатов рассмотрения обращений граждан в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции (апрель).

Итак, популистская природа или заметное популистское измерение имеется у каждого третьего субститута, появившегося с приходом В. Путина к власти. Причем на ранних этапах функционирования режима доля популистских субститутов доходила до 3/4 (2001, 2004) или даже 1/1 (1999, 2003), 2/2 (2000) и 6/6 (2005). Новая волна популистских субститутов совпала с завершением президентского сро-

ка Д. Медведева и подготовкой к третьему путинскому сроку: 2010 г. (2/3) и 2011 г. (5/9). Пики создания субститутов по абсолютному их количеству имели место в периоды серьезных режимных трансформаций: в 2011 г. (5) и 2013–2016 гг. (15).

Наиболее важные из популистских субститутов – несущие – сформировались к началу путинского второго срока: это прямые линии общения с гражданами (2001), сети общественных приемных (2002) и массовые закрытые социологические опросы (2003). К несущим популистским субститутам можно отнести также Общественную палату (2004), Общероссийский народный фронт (2011), появившиеся в годы федеральных выборов. Все они продолжают активно эксплуатироваться и сейчас, дополняемые мощной пропагандистской машиной (2013–2014) и активным разыгрыванием антизападной и антиэлитной карт. Из самых новых популистских институтов текущего избирательного цикла стоит отметить введение президентским указом системы мониторинга рассмотрения обращений граждан во все государственные и муниципальные органы, а также учреждения и организации, осуществляющие публично значимые функции (апрель 2017). Система заработала с 1 июля, а вести ежемесячный мониторинг и анализ обращений граждан будет администрация президента со специально уполномоченным на это Фондом информационной демократии. А уже с 6 июля президент, встречаясь с губернаторами, начинает разговор с подборки обращений граждан из соответствующего региона во время «прямой линии».

V. Популизм и общественное мнение

Популизм, подобно кривому зеркалу, отражает общественное мнение, работая с ним в соответствии с триадой: мониторить–ублажать–манипулировать.

Популистская власть в условиях отсутствия конкурентных выборов и независимых СМИ стремится узнавать общественное мнение сама и обладать монополией на это знание. Отсюда повышенный интерес к опросам общественного мнения. Делавшаяся поначалу ставка на собственные закрытые опросы силами спецслужб не сработала в полной мере в силу недостаточного профессионального уровня и чрезмерной ангажированности этих структур. С середины 1990-х гг. власть стала все более активно работать с Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), обслуживавшим поначалу ее на выборах и постепенно превратившимся в ее главного поставщика эксклюзивной социологической информации. В 2003 г. был запущен масштабный проект «Георейтинг ФОМ», представляющий собой ежеквартальный мегаопрос, проводимый в 69 субъектах (93 % населения страны)

с размером выборки 34 500 чел. Вся эта гигантская и дорогостоящая машинерия используется фактически для измерения политической температуры, которую видят, по сути, лишь несколько политтехнологов в Кремле.

«Прямые линии» В. Путина – ежегодные сеансы постановочного общения с гражданами – обычно привлекают внимание как шоу, как одномоментный сеанс популизма, между тем это прежде всего массовый сбор информации о проблемах, волнующих людей в каждом из регионов. При подготовке «прямых линий» собирается порядка 3 миллионов обращений граждан, которые тщательно систематизируются по тематике и регионам. При этом власть не просто эксплуатирует патернализм граждан, а культивирует его, не просто отвечает на запрос, а формирует его.

Хлеб и зрелища. Спорту, спортивным победам придается особое значение, это, как видно из недавнего допингового скандала на Олимпиаде-2014 с участием ФСБ, – дело государственное. Не случайно кураторство над видами спорта закреплено за представителем большого бизнеса и большой элиты.

Власти важно не только постоянно знать общественное мнение в оперативном режиме, но и уметь быстро влиять на него, донося до граждан нужные сигналы. Медиагенералов действительно можно отнести к четвертой власти. Не случайна и их несменяемость, так же как двух других «вспомогательных» ветвей власти – глав высших судов и партийных лидеров, занимающих свои посты с конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Взаимодействие в системе «популизм – общественное мнение» можно описать с помощью модели накачки кристаллического лазера – власть считывает общественное мнение, и благодаря контролю над медиасферой происходит многократное его отражение с усилением. В результате власть не просто получает максимальный П-эффект от своего действия, но и представляет его как реализацию общественного чаяния. Яркий пример – Крым.

VI. Кейсы: присоединение Крыма

Действия Кремля в водовороте событий 2014 г., приведшие к серьезной трансформации режима, выглядят, с одной стороны, ситуативными и реактивными, а с другой, и подготовленными, и в полной мере соответствующими чаяниям большинства. Массовое их одобрение не сводится к эффективной работе пропагандистской машины. Заметим, что социологические опросы задолго до 2014 г. показывали, что большинство россиян считают Крым исконно российским. Можно вспомнить, как задолго до 2014 г. в течение длительного вре-

мени крымскую карту до В. Путина эксплуатировал другой яркий популист в российской политике – Ю. Лужков. Крым-2014 – это, в известном смысле, популистский выход из голландской болезни, выход из кризиса легитимности, связанного с исчерпанием модели экономического роста.

С «бескровным» взятием Крыма рейтинги В. Путина подскочили на 20 п.п., равно как и рейтинги Думы, правительства и всех других акторов, отражающих, как луны, путинский свет. Одновременно на те же 20 п.п. снизилась острота восприятия гражданами таких проблем, как коррупция, терроризм на Северном Кавказе и др. Сродни эффекту опьянения – «пьяному море по колено».

Заметим, что к «маленькой победоносной войне» как средству подъема рейтинга современная российская власть прибегала не единожды: в 1994 и 1999 гг. с первой и второй чеченскими войнами, в 2008 г. с войной в Грузии. И кроме неудачи в первом случае это всегда срабатывало.

Взятие Крыма было использовано уже дважды – в 2014 г., потом через год, когда к годовщине выпустили специальный фильм «Крым. Путь на Родину», педалирующий личную роль В. Путина. Сам Путин часто посещает Крым – это выигрышная для него картинка. В 2015 г. прямо в канун оглашения президентского послания Путин блиц-броском посетил Крым, чтобы лично запустить энергомост из Краснодарского края, завершая энергетическую блокаду, вызванную подрывом линий электропередач с Украины...

Наконец, идея переноса президентских выборов 2018 г. на 18 марта – день включения Крыма в состав России – предполагает использовать Крым уже в третий раз...

VII. Цена популизма

Популизм далеко не безобиден. И потому, что он способен съедать впусую огромное количество ресурсов государства – финансовых, материальных, людских. И потому, что он ведет к деградации и политических элит, и общества, закрепляет и поощряет массовые и далеко не лучшие предрассудки, комплексы, фобии, включая патернализм, идею национальной исключительности и пр. Популизм означает потерю времени и ориентиров.

Маленькие победоносные войны – из арсенала популизма: Чечня-94 (неудача), Чечня-99, Грузия-2008, Крым-2014. Цена, которую платит общество: человеческие и материальные жертвы, санкции, проблемы во взаимоотношениях с соседями на десятилетия. Взамен – рост рейтинга лидера. Происходят приватизация выгод и

национализация издержек, причем выгоды немедленны, а издержки растянуты на долгие годы.

VIII. Воронка популизма и выход из нее

Популистская сила с приходом к власти попадает в своего рода ловушку, имеющую вид воронки, обусловленную необратимо затягивающим вглубь грузом обещаний, усугубляемых провоцированием завышенных ожиданий в обществе. Если внешние факторы неблагоприятны, скажем, денег на выполнение популистских обещаний нет, политик-популист быстро теряет кредит доверия, а затем и власть. Можно попытаться перебить одни невыполненные обещания другими, вплоть до маленькой победоносной войны, которая в случае успеха способна списать все долги политика и повысить его рейтинг. Впрочем, как правило, ненадолго.

Благоприятные внешние факторы, скажем, рост финансовых возможностей государства, обусловленный конъюнктурой цен, могут сделать пребывание в такой воронке относительно долгим, а саму воронку относительно глубокой. При этом, однако, спрос на популизм только растет, а с ним возрастает и скорость движения в воронке вниз. Это влечет за собой сокращение горизонта действий власти, деградацию институтов, элит и общества.

Две ловушки популизма: 1) эксплуатация популизма в течение длительного времени и взращивание патернализма и соответствующего общественного запроса делают крайне сложным переход к ответственной политике (только через кризис и смену лидера) – предложение популизма изменить легче, чем спрос; 2) лидер-популист становится заложником спровоцированных им самим завышенных общественных ожиданий и должен вести себя как игрок, все время повышающий ставки. Происходит взаимная возгонка популизма и патернализма. Пресловутое путинское большинство из идиллического стада овец, послушных пастуху, все больше превращается в несущееся за спиной лидера стадо быков.

Рано или поздно популизм, как финансовый пузырь, лопнет. Однако, если в нормальной демократической стране выйти из популизма можно через выборы (если до этого популисты пришли к власти), то в российских условиях все намного сложнее и длительнее: отравленные популизмом граждане сами из него выбраться не могут иначе как через масштабный политический кризис всей системы. Если в европейских странах приход популистов к власти или даже реальная возможность/опасность такого прихода может стать прививкой от популизма, то в России нет.

Лидер-популист может только наращивать градус, поэтому смена лидера – необходимое условие выхода из популистской воронки. К сожалению, однако, не достаточное. И чем дольше такой лидер был у власти, тем сложнее представить, что следующий не будет популистом.

Что может противопоставить популизму общество, гражданское общество, экспертное сообщество? Как можно обеспечить переход от него к ответственной политике?

Во-первых, нужны т. н. малые дела – ответственная политика на низовом уровне, включая местные референдумы, выборы, общественные слушания... Это способствует и наращиванию социального капитала, и формированию социальной ткани – институциональной среды, враждебной популизму.

Во-вторых, это гражданский контроль за действиями власти, обеспечение их прозрачности и публичного обсуждения, критический анализ работы институтов и действий власти, разъяснение рисков и негативных последствий популистских решений.

В-третьих, это работа с общественным мнением, контрпропаганда, разрушение монополии власти в информационном пространстве, включая определение повестки и формирование общественного мнения.

Рано или поздно популизм, по крайней мере в его гипертрофированном виде, из российской политики уйдет, но его последствия обществу придется изживать еще очень долго.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПОПУЛИЗМ НА РОССИЙСКИХ ВЫБОРАХ

Применительно к выборам имеет смысл вести речь о популизме не в плане политической философии, а как об элементе избирательных технологий, не столько о дискурсе, сколько о популистских практиках. Впрочем, во всех случаях популизм эксплуатирует массовые («народные») мифы, страхи, заблуждения, фобии, используя их для противопоставления себя демонизируемому «другому» (элите, части общества), упрощает и примитивизирует проблемы и способы их решения, часто создавая ложные надежды и иллюзии, и даже страхи. Политический популист всегда является и популистом с точки зрения электоральных технологий, тогда как электоральный популизм применяется намного более широко (часто для мимикрии под популистские настроения и перехвата популистской риторики).

Будем исходить из того, что электоральным популизмом является самоочевидная невыполнимость политических обещаний либо попытки создать у избирателей ложные ощущения их выполнимости. Эта невыполнимость может быть связана как с противоречием выдвигаемых идей законам экономического развития, имеющимся ресурсам и возможностям, так и с полномочиями избираемого органа.

Электоральный популизм на российских выборах по особенностям применяемых технологий, используемым идеям и лозунгам можно разделить на популизм власти и популизм оппозиции.

1. Популизм власти

Популизм власти делится на *популизм угроз*, *популизм обещаний* и *популизм демонстративных разыгранных действий*.

Популизм угроз ставит целью негативную мобилизацию для противостояния сильно преувеличенной либо вообще несуществующей угрозе. При этом предлагается решение надуманной проблемы, а людей, которых объявляют виновниками, нередко подвергают репрессиям. Мобилизация для борьбы с этой угрозой нередко заменяет позитивную программу политика, подменяет ответы власти на критику. Это используется и на федеральном, и на региональном уровнях.

В 1990–2000-е гг. чаще других угроз эксплуатировались «наступление криминала», «возвращение голода» (легендарное «Купи еды в последний раз» из президентской избирательной кампании 1996 г.), связи с олигархами, террористами¹ и пр. На парламентских выборах 1999 г. главной темой негативной мобилизации выступали наступление коррумпированной региональной бюрократии (для борьбы с блоком «Отечество – Вся Россия»), угроза терроризма на фоне взрывов в Москве и связанные с ней призывы к наведению порядка.

На парламентских выборах 2003 г. на фоне «дела ЮКОСа» центральное место занимала антиолигархическая тема, на выборах 2007 г. – борьба с «лихими девяностыми», символами которых были назначены либералы.

Одним из примеров негативной мобилизации в 2000–2010-е гг. служат рассуждения о «вражеских происках» (после событий на Украине 2004–2005 гг. появляется термин «оранжевая угроза»), а противники и/или критики объявляются или прямыми ставленниками, или пособниками внешнеполитических врагов. Так, еще на региональных выборах весной 2010 г. (задолго до массовой борьбы с «пятой колонной», начавшейся с осени 2011 г.) в ряде регионов выходили сюжеты про «неправильное» независимое общественное наблюдение, за которым, как следовало из соответствующих комментариев, стоят западные спецслужбы и экстремистские силы.

Наиболее массовой тема борьбы с «зарубежным» (преимущественно западным) влиянием становится после выборов депутатов Госдумы в декабре 2011 г. Центральные СМИ выпускают специализированные программы и фильмы (самые известные – «Голос ниоткуда», «Анатомия протеста», «Анатомия протеста-2» на телеканале НТВ), основанием для демонизации оппозиции и протестно настроенных граждан служат получение иностранных грантов, поездки на зарубежные мероприятия и даже просто встречи с иностранными дипломатами, экспертами и журналистами. Массово появляются сюжеты о связях с «вражескими» структурами. Один из ярких примеров – обвинение Сергея Удальцова и «Левого фронта» в получении денег на свержение существующего строя от грузинского бизнесмена с неоднозначной репутацией Гиви Торгамадзе. Сама попытка изобразить оппозицию ставленниками незначительного грузинского предпринимателя выглядит анекдотично, но последствия для конкретных фигур оказались вполне серьезными.

---

¹ Обе темы активно использовались против кандидата в губернаторы Красноярского края Александра Лебеда на выборах 1997 г.

С конца 2011 г. резко увеличивается и поток публикаций, рассматривающих поддержку идей европейского пути развития и защиты прав человека как признак аморальности, предательства традиционных ценностей, как свидетельство половой и нравственной распущенности. Активизируется законотворчество по «защите семейных ценностей»: так, в июне 2013 г. Госдума принимает закон, запрещающий «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Раскручиваются публичные скандалы, связанные с «защитой чувств верующих», самый яркий – дело «Pussy Riot»².

Массовые кампании по «защите нравственных ценностей» решают две задачи. Во-первых, они провоцируют оппозицию переключиться с неудобных для власти тем критики – коррупции, фальсификаций на выборах – на гораздо более неоднозначные для массового сознания темы, которые удобны власти для контрпропаганды и демонизации оппонентов. Во-вторых, ввиду спорности и неоднозначности позиций по сложным темам эти кампании провоцируют расколы внутри оппозиции. В частности, усиливают разногласия между либерально-проевропейской и более консервативной частью оппозиции, особенно между т. н. «внесистемной» и «системной».

Другой пример наиболее массового популизма угроз – обвинение оппонентов в связях с криминалом, без чего не проходит ни одна избирательная кампания.

Подобные технологии резко активизировались в 2010–2011 гг. Похоже, после скандальных выборов 11 октября 2009 г., когда в ряде регионов нарушения при подсчете голосов привели к судебным процессам, технологами партии власти была сделана ставка на максимально широкое применение в ходе агиткампании агрессивных манипулятивных избирательных технологий. Как их часть, кампания мощной контрагитации и черного пиара против оппозиции имела цели заранее дискредитировать оппозицию на случай, если по итогам выборов будут высказаны существенные претензии.

Так, представители «Единой России» (ЕР) на выборах в Рязанскую облдуму 2010 г. заявляли, что Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) пытается вернуть область в «бандитские девяностые». Как выяснилось, связь с криминалом заключалась в том, что пара кандидатов в прошлом привлекались к ответственности за «распитие спиртных напитков в общественном месте, продажу товаров без документов», еще один – за уклонение от уплаты налогов и т. д.

---

² Участники панк-группы «Pussy Riot» за акцию в Храме Христа Спасителя, названную «панк-молебен “Богородица, Путина прогони!”», были осуждены на два года колонии общего режима за хулиганство.

На выборах Кировской городской думы в марте 2012 г. организация ветеранов Афганистана «Боевое братство» заявила о своей тревоге в связи с тем, что на посты депутатов рвутся люди, чья жизнь связана с криминалом. По всему городу были распространены листовки «Криминал готовит захват Кирова», направленные против кандидатов от «Справедливой России» и Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), обвинявшихся в судимостях либо преступных связях.

Популизм демонстративных разыгранных действий обычно реализуется двумя способами. Первый – немедленное постановочное выполнение некой обращенной при многочисленных свидетелях к чиновнику просьбы того или иного гражданина. Часто это происходит в ходе массовой встречи с избирателями или «горячей линии» с помощью телевизионной трансляции. Это могут быть как мелкие частные (например, просьба от ребенка подарить собаку), так и более существенные просьбы (расселить аварийный дом, заасфальтировать улицу, восстановить маршрут автобуса и т. д.). Второй способ – публичный разнос некоего чиновника, вплоть до его увольнения.

Это может быть импровизацией, но чаще это игра на публику. Критикуемый чиновник, как правило, назначен руководителем, который его «распекает», а значит, ответственность обоюдная. Более того, нижестоящий чиновник часто просто выполнял приказы сверху. Тем не менее у избирателей создается иллюзия решения проблемы и наказания виновного, хотя на деле не происходит ни того, ни другого.

Подобные демонстративные действия активно использовались еще президентом Б. Ельциным, практиковавшим публичные «разносы» подчиненных и увольнения. Среди региональных руководителей стиль «публичных разносов» подчиненных на камеру на селекторных совещаниях широко практиковался ульяновским губернатором Юрием Горячевым. Забавно, что, находясь в Ульяновске осенью 1991 г., Ельцин с трапа самолета спросил собравшихся в аэропорту избирателей, кого они хотят видеть губернатором. Услышав в ответ: «Горячева», утвердительно сказал: «Пусть будет!»

К популистским технологиям власти можно отнести и обещания выделения завышенных денежных средств, и попытки приписать итоги всей деятельности власти (часто многолетней) конкретной партии.

На выборах Курганской облдумы 2010 г. ЕР разместила в областной газете «Новый мир» несколько своих программ. В материале «Крепкое село – сильное Зауралье» было указано: «Программа развития агропромышленного комплекса в Курганской области до 2012 года предполагает инвестирование *более 22 млрд рублей*. Только в 2009 году из областного и федерального бюджета выделено *более 952 млн рублей*». При этом консолидированный годовой бюджет об-

ласти – около 21 млрд, на сельское хозяйство в 2010 г. планируется направить в совокупности около 700 млн. И данная программа – не единственная.

В том же 2010 г. лидер списка ЕР на выборах в Челябинское законодательное собрание (ЗС), губернатор Михаил Юревич, в июле «пошел навстречу» инициативе регионального отделения ЕР и выделил многодетным семьям с тремя и более детьми по 3 тыс. рублей «на подготовку к новому учебному году», а пенсионерам – по 500 рублей ко Дню пожилого человека 1 октября (за 10 дней до голосования)³. Сам перенос выборов в ЗС с марта 2011-го на октябрь 2010 г., по мнению многих наблюдателей, был связан с тем, что «Единая Россия» в регионе стремилась успеть провести предвыборную кампанию на «волне поддержки» сразу после окончания дорожно-строительных работ (на 2010 г. области выделили миллиард рублей на дороги) и повышения зарплат бюджетникам⁴.

Активно используется технология проведения вместе с выборами опросов по приоритетам расходования средств для учета при формировании бюджетов. В частности, подобные не имеющие юридической силы опросы проводились в Красноярском крае, Республике Коми, Томской области и других регионах. В Томской области на выборах в октябре 2010 г. ЕР выдвинула программу «Народный бюджет» с перечнем главных городских проблем, составленным по обращениям граждан в мэрию и приемную В. Путина. В Оренбургской области на выборах в марте 2011 г. был проект «Народная стратегия»: граждан призывали выбрать из перечня предлагаемых властью и партией объектов и задач те, которые они считают первоочередными. Дополнительные урны размещались рядом с каждым избирательным участком⁵.

К примерам официального популизма обещаний можно отнести и инициирование различных предвыборных проектов, которые потом нередко исчезают без следа.

В Омске в 2010 г. перед выборами мэра по инициативе мэрии открылось «Агентство добрых дел». Новая организация позиционировала себя как объединение добровольческих дружин. Агентство

---

³ Корецкий А. Очередной популизм от южноуральских «единороссов»: пенсионеры и многодетные семьи получают жалкие подачки. 27.07.2010. URL: <http://www.uraldaily.ru/politika/2599.html>

⁴ Леонов С. Южноуральские депутаты прибавили к бюджету миллиард. Мякуш: «Нужно срочно тратить деньги». 26.07.2010. URL: <http://ura.ru/content/chel/26-07-2010/news/1052117275.html>

⁵ <http://www.orenburg.rfn.ru/rnews.html?id=34455> (04.02.2011); http://orenburg.edinros.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1796:2011-02-24-15-09-24&catid=1:latest-news&Itemid=1

преследовало цель помогать одиноким пенсионерам и тем самым «окучивать» электорат в преддверии мэрских выборов. После выборов агентство прекратило существование.

II. Популизм оппозиции

Популизм оппозиции в России из-за ее зависимости от власти, юридической и финансово-организационной, – это почти исключительно обещания. Он практически никогда не носит антиэлитарного характера из-за риска утратить возможность участия в выборах.

Наиболее массовыми являются обещания социального характера без какого-либо экономического обоснования: повышение зарплат, пенсий, введение различных дополнительных выплат. Одной из самых ярких массовых кампаний социального популизма была кампания по выборам в Госдуму 2007 г. Причем фактическим инициатором новой социально-популистской волны стал формально правый Союз правых сил (СПС).

В 2006 г. в региональных выборах СПС практически не участвовал, находясь в тяжелом внутреннем кризисе. Возрождение началось с выборов ЗС Пермского края, где до избрания лидером партии в 2005 г. заместителем губернатора был Никита Белых. Под руководством команды политтехнолога Антона Бакова партия попыталась, сохраняя название, произвести ребрендинг, сменив традиционный либеральный облик на социал-либеральный. Дополнялось все это активным выстраиванием агитационных сетей, в первую очередь в сельской местности, не избалованной массовыми кампаниями «от двери к двери», с грамотным подбором агитаторов, близких к целевой социальной группе (пенсионерам и бюджетникам), и использованием всех традиционных технологий «сетевого маркетинга».

В центре кампании оказался образ Никиты Белых с лозунгом «Голосуем ЗА Достройку!» (за «достраивание капитализма» до «цивилизованного уровня»). Главным содержанием «достройки» были обещания увеличения пенсий в два с половиной раза и зарплат бюджетников в четыре раза, выделения 12 % ВВП на пенсии и т. д., что, очевидно, к полномочиям региональных парламентов не имело никакого отношения. В партийных газетах на выборах 2007 г. кроме статей на социальную тематику не печаталось никаких материалов.

В результате партия преодолела барьер в пяти регионах (Коми, Самарская, Томская области, Ставропольский и Красноярский края) и оказалась близка к нему еще в трех областях (Московская, Ленинградская, Орловская), где объявила победу украденной в результате фальсификаций. Однако новый социал-популизм СПС в 2007 г. имел оборотную сторону – на фоне роста результатов партии на периферии провалился либерально ориентированный Санкт-

Петербург, где резкое изменение позиций партии не только не привлекло новых, но и оттолкнуло часть прежних избирателей.

После региональных выборов в марте 2007 г. и попыток СПС играть на традиционной для власти теме социального патернализма против партии была начата мощная агиткампания, которая напоминала избирателю о поддержке СПС либеральных реформ 1990-х гг., прежних его непопулярных лидерах. Партии в ее агитационной деятельности чинились препятствия и силовыми методами. В результате «электоральный взлет» СПС в 2007 г. прервался столь же внезапно, как и начался.

Другие партии быстро скопировали агрессивный социал-популизм СПС. Различия были лишь в цифрах. Если СПС обещал повысить пенсии в два с половиной раза, то «Справедливая Россия» требовала «повышения пенсий до 65 % от прежнего заработка», «Патриоты России» сначала требовали повысить пенсии до уровня не менее 15 тыс. рублей, а потом заявили, что нужно «увеличить пенсии в четыре раза» и «поднять доходы граждан в два-три раза», КПРФ предлагала вывести пенсии на уровень реального прожиточного минимума и т. д.

Наиболее традиционным является популизм социальных обещаний для КПРФ, «Справедливой России» и других левых и левоцентристских партий. При этом их требования не имеют под собой социально-экономических обоснований, равно как и анализа последствий в случае реализации.

В ноябре 2010 г. Президиум ЦК КПРФ принял постановление «О подготовке и проведении Народного референдума в РФ». Среди предложений, выносимых на «народный референдум» были⁶:

- Согласны ли Вы с тем, что плату за жилье и коммунальные услуги следует ограничить 10 % от суммарного дохода семьи?
- Считаете ли Вы, что государство должно взять на себя ответственность за недопущение произвольного роста цен на продукты питания, лекарства и товары первой необходимости?
- Согласны ли Вы, что любые изменения в законодательстве, ухудшающие доступ граждан к образованию, охране здоровья и культуре, не должны допускаться и подлежат немедленной отмене?

Одна из постоянных тем – требование заморозки цен и тарифов. В избирательных кампаниях 2015–2016 гг. КПРФ и «Справедливая Россия» регулярно говорили о необходимости ограничения цен,

---

⁶ Перечень общефедеральных вопросов Народного референдума, проводимого КПРФ в 2011 году / Пресс-служба ЦК КПРФ. 23.23.2010. URL: http://kprf.ru/rus_soc/86021.html

борьбе со спекулянтами, к деятельности которых пытались свести рост цен, и т. д.

В Коми на выборах Госсовета в марте 2011 г.⁷ «Справедливая Россия» размещала баннеры, плакаты на остановках, телерекламу с общим лозунгом «Доходы – Республике! Больше Москве не давать!». Очевидно, что на региональных выборах эта идея была нерешаема и избираемый орган не имел таких полномочий.

Электоральный популизм в России характерен не только для левых. Кроме упомянутого социал-популизма СПС 2006–2007 гг. можно вспомнить и «Яблоко». Пример крайнего популизма – программа «Москва – город XXI века» списка «Яблоко» – Объединенные демократы» на выборах Мосгордумы 2005 г. В ней, в частности, были следующие пункты:

- Москва без пробок на дорогах (увеличить расходы на дорожное строительство в два раза; к 2015 г. провести метро в каждый район с населением свыше 50 тысяч человек; развивать велосипедное сообще-ние и т. д.);

- Доступное жилье для москвичей (заставить отказаться от планов по 100%-ной оплате коммунальных услуг; предельный уровень оплаты ЖКХ в семейном доходе на уровне 10 %; ликвидация монополизма в обслуживании жилого фонда; заменить выселение за долги административным наказанием; мораторий на «точечную застройку» и т. д.);

- Социальная справедливость и снижение дороговизны (надбавка 500 рублей к ежемесячному пособию по уходу за ребенком; надбавки неработающим пенсионерам повысить в три раза, работающим – в два раза в 2006 г. и т. д.);

- Здоровый город (в 2009 г. в три раза повысить зарплату медработникам, ужесточив наказание за некачественное лечение; упростить систему лечения льготных категорий граждан и т. д.).

Программа кроме скепсиса ничего не вызывала и была заведомо невыполнима, впрочем, ее мало кто видел, в отличие от буклетов и календариков, где главное место занимали тема прямых выборов мэра Москвы и тот факт, что «Яблоко» – «единственный демократический список».

Одна из популярных оппозиционных технологий в России – сбор подписей в период избирательной кампании за отставку того или иного чиновника или требование проведения референдума, который либо заведомо не может быть проведен, либо идеи которого не реализуемы.

---

⁷ Предвыборная программа «Справедливой России». URL: http://komi.spravedlivo.ru/press/region_news/915.smx

Так, в Ингушетии после выборов Госдумы в декабре 2007 г., с официальным участием 98,3 % (161 559 чел. из 164 275), местная оппозиция провела акцию «Я не голосовал», организованную сайтом «Ингушетия.Ru». Собранные свыше 45 тыс. подписей заявивших, что они не принимали участия в выборах⁸, были отправлены Москву, где исчезли.

Аналогичным образом «в никуда» пропали подписи, которые собирала «Справедливая Россия» в Чувашии за отставку главы региона Михаила Игнатьева; исчезли после избирательной кампании требования «Справедливой России» об отставке губернатора Курской области Александра Михайлова, КПРФ – об отставке губернатора Тверской области Дмитрия Зеленина. Сейчас КПРФ собирает подписи за отставку главы Хакасии Виктора Зимины и т. д.

Одно из ключевых направлений оппозиционного популизма в России – внесение или заведомо неисполнимых, или неприемлемых законопроектов, гарантирующих лишь информационное упоминание и попадание в скандальную хронику.

Так, в Госдуме РФ созыва 2011–2016 гг. многократно выдвигали такие законопроекты депутаты Олег Михеев («Справедливая Россия»), Вадим Деньгин, Роман Худяков и Михаил Дегтярев (ЛДПР), сам Владимир Жириновский и целый ряд других лиц.

В июне 2014 г. депутат Михеев направил обращение в Евразийскую экономическую комиссию с просьбой изменить требования к обуви в техническом регламенте Таможенного союза. Депутат предложил запретить обувь на плоской подошве и на высоких каблуках, как приводящих к деформации стопы⁹. В июле 2016 г. Михеев внес законопроект, который запрещает эксплуатировать интерес к сексу в рекламе.

Депутат ЛДПР Роман Худяков в 2014 г. обнаружил, что на купюре в 100 рублей изображена статуя голого Аполлона, половые органы которого депутат счел непристойными и попросил председателя Центрального банка сменить дизайн купюры. Однако ЦБ отказал депутату, сохранив купюру без изменений. Депутат Михаил Дегтярев несколько раз предлагал запретить в России оборот и хранение долларов США. Помимо американской валюты Дегтярев в 2013 г. предлагал запретить автосигнализацию, а также ограничить донорство для гомосексуалов. В июле 2014 г. Дегтярев предложил переименовать области и районы в губернии и уезды. Также Дегтярев предло-

---

⁸ <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/v-ingushetii-idet-akciya-ya-ne-golosoval.d?id=17780446>

⁹ Депутат Михеев предложил запретить кеды, балетки и шпильки. 19.06.2014. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/06/19/102079-deputat-miheev-predlozhit-zapretit-keidy-baletki-i-shpilki>

жил перекрасить Кремль в белый цвет, чтобы образ белокаменного Кремля стал символом приоритета норм нравственности в повседневной жизни наших граждан и правителей в противовес моральному упадку в странах западной цивилизации. Владимир Жириновский 12 марта 2014 г. предложил убрать букву «ы» из русского алфавита.

* * *

Приведенные примеры электорального популизма различаются по тому, применяются они властью или оппозицией, а также технологически. Обещания, угрозы, демонстративные действия применялись с разной интенсивностью и в 1990-е, и в 2000-е, и в 2010-е гг. Наиболее стабильными были обещания со стороны власти построить, открыть, профинансировать и т. д. Менялся лишь стиль их подачи – если в 1990-е гг. это, скорее, «народный популизм», когда обещания давались в общении с самими избирателями и нередко в неформально-афористичной форме (знаменитое ельцинское «берите суверенитета столько, сколько можете переварить»), то в 2000–2010-е гг. популизм обещаний стал довольно технократичным и сухим, адресованным чаще активу в зале, чем народу на митинге. Подается он нередко в виде таблиц с цифрами, планов и графиков, что призвано убедить избирателей в бюрократической реалистичности обещанного.

Популизм угроз имел явные пики в 1996 г. (негативная мобилизация на угрозе реставрации советских порядков), затем после акций протеста осенью 2009 г. На 2010–2011 гг. приходится пик проявлений популизма «угроз прихода криминала во власть», что было «асимметричным» ответом оппозиции на разоблачения фальсификаций. После акций протеста зимой 2011–2012 гг. популизм «угроз прихода криминала во власть» почти целиком замещается популизмом «угрозы со стороны пятой колонны» и «противников нравственных ценностей». После фактического разгрома системной оппозиции и ее де-факто союза с властью на фоне «посткрымского консенсуса» с середины 2014 г. потребность ширококомасштабных информационных войн против парламентской оппозиции фактически отпадает, и в 2015–2016 гг. редкие всплески популизма угроз касаются лишь ослабшей «внесистемной» оппозиции.

Популизм демонстративных разыгранных действий в 1990-е гг. – это обычно публичный разнос подчиненных, увольнение нерадивых чиновников, подчеркивающие харизматический стиль руководителей 1990-х гг. как сильных лидеров. В 2000-е гг. подобное уже редкость, и мы видим, скорее, демонстративное немедленное выполнение некой обращенной к чиновнику просьбы. Все чаще это уже не массовые встречи с избирателями, а общение с помощью средств коммуникации.

Пик социального популизма оппозиции это, с одной стороны, кризисное начало 1990-х гг. и период массового обнищания населения, с другой, 2005–2007 гг. – период после монетизации льгот в условиях растущих доходов бюджета на фоне высоких цен на энергоносители. В дальнейшем оппозиционный социальный популизм стабилизируется, и заметных всплесков в нем не происходит. Новым словом можно считать лишь «антикоррупционный популизм», самым ярким представителем которого является Алексей Навальный (его предтечей отчасти был Борис Немцов с известными докладами). Роль «антикоррупционного популизма» постоянно растет после 2011 г.

При этом чем ниже явка, тем выше роль электорального популизма, так как низкая явка в России – это практически всегда явка наименее обеспеченных, наиболее социально зависимых, одновременно наиболее возрастных и наименее образованных групп избирателей.

Эти избиратели наименее способны к критическому анализу обещаний кандидатов и партий, наиболее восприимчивы к прямым обещаниям тех или иных социальных благ, простым ответам на сложные вопросы. Тенденция к снижению явки особенно обозначилась начиная с 2013 г., когда вместо двух дней голосования (в марте и октябре) был введен единый избирательный день во второе воскресенье сентября. В результате подавляющее большинство выборов 2013–2016 гг. устанавливают местные рекорды по низкой явке. Так, на выборах губернатора Архангельской области 13 сентября 2015 г. явка избирателей составила лишь 21 % (самый низкий результат для губернаторских выборов за всю новейшую историю выборов в России)¹⁰.

В то же время электоральный популизм (особенно оппозиционный) на российских выборах во многом носит институционально-вынужденный характер и является прямым и неизбежным следствием той конституционной модели, которая сформировалась в 1993 г.

Федеральный парламент фактически не влияет на формирование правительства, региональные парламенты – на формирование региональных администраций, а местные советы – на формирование местных администраций. Отсутствие обладающих реальной властью представительных органов лишает существование партий смысла в глазах граждан. В условиях заведомой невозможности реализации партиями своих программ через победу на выборах межпартийная конкуренция превращается из борьбы идей и программ в борьбу за мандаты и парламентские должности. Программно-идеологическое противостояние и, следовательно, выражение партиями интересов

---

¹⁰ Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам – 2016: региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015.

тех или иных групп избирателей приобретают имитационный характер. Заведомо невыполнимые обещания, ложные угрозы и предвыборный эпатаж становятся неизбежным, а часто единственным содержанием предвыборной агитации. Следствием такой специфической конкуренции за места в институционально ослабленных органах являются не только массовый электоральный популизм, но и столь же массовое недоверие граждан к политическим партиям, которое фиксируют все опросы общественного мнения.

УКРАИНА В ОБЪЯТИЯХ ПОПУЛИЗМА

I. Предпосылки политического популизма в Украине

С момента возникновения (или восстановления) украинской государственности в конце XX в. роль популизма во внутренней политике оказалась весьма ощутимой. Отчасти это можно объяснить неготовностью значительной части общества к уходу из советской реальности, наряду с наличием у другой заметной общественной группы иллюзорного представления, что независимость сама по себе способна обеспечить достойное и безбедное существование стране и ее жителям.

В 1990-е гг. в украинском обществе сформировался достаточно сильный патерналистский запрос. Идеализация недавнего социалистического бытия с наделянием его гипертрофированными позитивными чертами наблюдалась во многих постсоветских странах. Особенностью Украины стало то, что крупные кластеры ностальгирующих по прошлому, которого не было, выделялись не только по возрастному признаку (старший возраст), но и по территориальному (Автономная Республика Крым и восточные области), а также по градопоселенческому (сельская местность).

На таком, казалось бы, благоприятном фоне левый фланг политического спектра Украины на протяжении всех 25 лет независимости демонстрировал нестабильность, слабость и неготовность партий принципиально придерживаться определенных позиций. Самой успешной среди левых партий предсказуемо была Коммунистическая партия Украины, ставшая правопреемницей республиканского отделения КПСС. На пике своей популярности в 1998 г. КПУ даже заняла первое место на парламентских выборах, набрав 24,65 % голосов, однако не получила практически никаких рычагов реальной власти. В 1999 г. лидер партии Петр Симоненко вышел во второй тур президентских выборов, но больше подобных успехов партия не повторила. Да и избирателям становилось все очевиднее: несмотря на оппозиционную риторику, КПУ в парламенте всегда дает недостающие

голоса в интересах олигархов, в первую очередь из так называемого донецкого клана.

С 2004 г. партия и Симоненко откровенно подыгрывали Виктору Януковичу, и скрывать это становилось все сложнее. В результате в 2006 г. партия едва прошла в Верховную Раду при тогдашнем 3%-м барьере (3,66 % голосов), а после последнего успеха в 2012 г. (13,18 %) на досрочных выборах 2014 г. вовсе оказалась за бортом парламента. Наиболее последовательным электоратом КПУ оставались уже не столько левые, сколько пророссийски настроенные избиратели, а в 2014 г. ни Крым, ни часть Донецкой и Луганской областей участия в выборах не принимали...

Еще более причудливой оказалась судьба Социалистической партии Украины. СПУ имела значительное влияние с середины 1990-х до середины 2000-х гг., но затем запуталась в собственных политических маневрах, поддерживая то Виктора Ющенко, то его оппонента Януковича, а в итоге растеряла большинство своих знаковых фигур и остатки доверия избирателей. Прочие левые проекты порой заставляли говорить о себе, однако быстро уходили в политическое небытие.

Ностальгические и патерналистские взгляды – не единственная причина расцвета политического популизма в Украине. Как это ни парадоксально, свою роль играют и устоявшиеся в стране демократические практики. Хотя по результатам различных международных исследований Украину никогда не относили к полностью демократическим странам¹, смена власти здесь происходит с высокой регулярностью – как правило, каждый электоральный цикл, а то и чаще. Так, из четырех завершивших свои полномочия президентов Украины лишь один – Леонид Кучма – избирался на этот пост дважды. Виктор Ющенко занимал высшую государственную должность в течение одного конституционного срока, а Леонид Кравчук и Виктор Янукович в силу разных причин покинули президентский пост досрочно. Даже во время рекордного по украинским меркам – 10,5 лет – правления Л. Кучмы власть в стране, по сути, не консервировалась: парламентские выборы и бурная политическая жизнь неоднократно меняли ее конфигурацию.

Оборотной стороной состояния перманентной избирательной кампании, в котором находится украинский политикум, оказалась ставка большинства политических сил на громкие лозунги вместо содержательной и ответственной дискуссии о путях развития страны. Как показывает опыт, попытки начать подобную дискуссию не находят поддержки у большинства электората и не приносят инициа-

---

¹ <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>

торам желательных политических дивидендов. В качестве недавнего примера можно привести кампанию Геннадия Корбана за избрание на пост мэра Киева, которая велась с позиций современной урбанистики, привлекала серьезную экспертизу, анализировала стоящие перед городом вызовы и искала ответы на них. Такой интеллектуальный подход не только не привел кандидата к успеху (он занял лишь десятое место), но и не вызвал заметного общественного интереса, несмотря на немалые средства, вложенные в кампанию.

Соответственно предвыборные программы почти всех украинских партий характеризуются крайне слабой, декларативной содержательной частью и вообще оказываются сугубо вторичными на фоне громких лозунгов и фигур партийных лидеров. Несмотря на богатые традиции конкурентных выборов в Украине, партийная система в стране так и не сложилась: наиболее влиятельные политические партии, за редкими исключениями, являются лишь «клубами поддержки» своих лидеров. Это своего рода «вождизм по-украински», когда на того или иного политика уже не уповают как на чудотворца (вера в «чудотворцев» отошла в прошлое в годы президентства В. Ющенко), но пытаются сопоставлять его хлесткие призывы с личными приоритетами, зачастую игнорируя реальную деятельность партии.

Лидер и его партия, таким образом, оказываются освобожденными от политической ответственности за невыполнение своих обещаний: поддерживая радикальные лозунги, избиратель, в принципе, понимает, что они не очень-то реалистичны, – скорее, ориентируется на них как на вектор. «У нас почти на всех выборах побеждает оппозиция, – говорит Ирина Бекешкина, директор фонда «Демократические инициативы». – А ведь выборы у нас – это лишь конкурс обещаний»². Если же политик, получив определенные рычаги власти, пытается развить свой успех за счет какого-либо яркого практического популистского хода, отложенные негативные последствия вовсе не берутся во внимание, поскольку избиратель обычно демонстрирует короткую память и не склонен «предъявлять счета».

Вторично заняв должность премьер-министра Украины, Юлия Тимошенко поспешила начать выплаты компенсаций по вкладам в Сбербанке СССР. Конечно, называть это компенсациями не совсем верно: всем бывшим вкладчикам, попадавшим под определенные критерии, просто выдали по тысяче гривен (около 200 долларов США по тогдашнему курсу). Остальное пообещали когда-нибудь потом. Раздача «Юлиной тысячи», как ее прозвали в народе, не урегулировала проблему девальвации советских вкладов, не повысила

---

² <https://focus.ua/country/354230/>

сколько-нибудь заметно благосостояние украинских семей, зато существенно подтолкнула инфляцию и обескровила бюджет накануне экономического кризиса 2008 г.

Немного позже Партия регионов, располагая самой большой фракцией в Верховной Раде и готовясь к президентским выборам, сумела «продать» не основанное на экономических реалиях повышение социальных стандартов, которое очень скоро нанесло удар по правительству Тимошенко, но в конечном счете и по «благодетельственным» простым украинцам.

Примером «нефинансового» популизма власти явилось принятие закона «Об основах государственной языковой политики», известного еще как Закон Кивалова–Колесниченко. Закон содержал ряд противоречивых норм, в частности, вводил понятие региональных языков национальных меньшинств. Стремясь склонить на свою сторону большинство русскоязычных избирателей накануне парламентских выборов 2012 г., правившая на тот момент Партия регионов проголосовала за весьма лояльные условия признания того или иного языка региональным, однако закон так и не заработал. Полномочия признать язык нацменьшинств региональным сохранялись только за Верховной Радой, но она этими полномочиями ни разу не воспользовалась – президент Янукович опасался практической реализации закона. Зато его принятие вызвало, с одной стороны, массовые протесты сил националистической и национально-демократической ориентации, с другой – волну противоправных объявлений русского и некоторых других языков региональными со стороны местных советов. Все это серьезно накалило и без того непростую обстановку в стране и способствовало расколу общества.

Популистским настроениям способствует также специфическое восприятие элит украинским обществом. Здесь еще нет отчетливого сословного деления, сами сословия и механизмы взаимодействия между ними только складываются. Большинство политиков и бизнесменов – что называется, «из народа». Почти у всех есть «родовые» села, где живут родственники (а понятие родства в Украине включает весьма широкий круг людей), кумовья, друзья семьи, подчас находящиеся на очень разных ступенях социальной лестницы.

Таким образом, жизнь элит проходит практически на виду общества, однако колоссальное имущественное расслоение порождает отчуждение простых людей, приводящее к тотальному недоверию. Имея представление о жизни элиты, рядовой украинец заведомо не доверяет никому из ее представителей, а потому не воспринимает исходящих от них сложных мессиджей. Смысловую пустоту заполняют мессиджи простейшие, которые не требуют доверия, если совпадают с эмоциональным восприятием самого человека. Возникает простей-

шая маркировка «свой–чужой», которая не имеет под собой содержательного основания (поскольку «чужие» – все!) и оттого базируется на формальных признаках.

Абсолютно популистский инструментарий использует в Украине и политический национализм. Представители этого течения утверждают, что недостаточные успехи в развитии страны объясняются доминированием неукраинских интересов и неукраинских персон в отечественной экономике и политике. Таковым обычно противопоставляются некие патриотические, проукраинские идеи, люди и практики. При этом вопрос этнической принадлежности при определении критериев «украинскости» и «неукраинскости» обычно микшируется, поскольку кажется зыбким даже самим националистам.

Собственно националистические организации выделились из национально-демократического движения в первые годы после обретения Украиной государственной независимости. Их спектр оказался достаточно пестрым, однако наибольший вес в украинской политике приобрели организация Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона (УНА-УНСО) и партия «Свобода» (до 2004 г. – Социал-национальная партия Украины, СНПУ). Если УНА-УНСО за годы своего существования совершала политические кульбиты, раскалывалась, вновь объединялась, меняла лидеров, но так и не добилась успеха в качестве политической партии, «Свобода» действовала более целеустремленно. Партия сменила лидера лишь раз (вместе с названием), после чего ее возглавил Олег Тягнибок – единственный на тот момент член парламента от СНПУ. В 2012 г. партия в первый и пока единственный раз прошла в парламента, набрав 10,44 % голосов избирателей, а после победы Революции Достоинства ненадолго вошла в правящую коалицию (на досрочных выборах 2014 г. в Верховную Раду попали лишь 7 членов «Свободы», избранных в мажоритарных округах).

И политическая, и социально-экономическая программа партии однозначно оценивается как популистская. Предлагаются «простые» и чаще всего невыполнимые шаги: от восстановления ядерного статуса Украины до национализации собственности зарубежных компаний, основанных украинскими олигархами. Как у многих националистических партий Европы, много внимания уделяется борьбе с иммиграцией, хотя для Украины эта проблема практически неактуальна. Кстати, после прохождения партии в парламента из речей ее лидеров почти исчезла антисемитская и ксенофобская риторика, прежде весьма для них характерная.

Ряд маргинальных и малочисленных националистических организаций после начала массовых протестов осенью 2013 г. объединились в «Правый сектор» (ПС), получивший известность и опре-

деленную популярность, в первую очередь благодаря настойчивым упоминаниям в российских СМИ. Следует отметить, что на пике своей популярности в 2014–2015 гг. «Правый сектор» не был классической националистической организацией, в частности, многие его активисты общались между собой на русском языке. При этом в программных документах и лозунгах ПС декларировал простые и радикальные способы решения сложных проблем, что характерно для правых популистов.

Победа Революции Достоинства в 2014 г., как ни странно, усугубила популистский тренд в украинской политике. В новых условиях повысилась политическая субъектность как общества в целом, так и организованных активных представителей его отдельных групп. Фактически власть вынуждена считаться с позицией протестующих активистов, когда эта позиция пользуется значительными общественными симпатиями, даже если притом она противоречит и некоторым формальным требованиям закона, и экономической целесообразности. В качестве примеров можно привести прекращение поставок электроэнергии на Крымский полуостров, запрет на перемещение грузов через линию соприкосновения на Донбассе, санкции против дочерних структур российских банков.

II. Современная ситуация

Институт Горшенина на базе своих исследований, проведенных в 2016 г., назвал следующие причины роста популистских настроений в Украине:

- политическая фрагментированность общества;
- недоверие к институтам власти;
- отсутствие основы для национального консенсуса;
- бедность (точнее, обнищание – резкое снижение уровня жизни большинства украинцев в последние годы)³.

По данным института, популистские партийные проекты в Украине могут рассчитывать на кластер избирателей в 30–33 %. Даже поверхностный анализ партийного спектра заставляет считать эту оценку существенно заниженной.

Партия «Батькивщина» во главе с Юлией Тимошенко считается эталоном популизма уже второй десяток лет (хотя это не помешало ей в определенный исторический момент одновременно быть ведущей оппозиционной демократической силой). Наиболее ярко публично высказался 14 февраля 2017 г. премьер-министр Украины Владимир

---

³ https://lb.ua/news/2016/08/10/342294_populizm_fenomen.html

Гройсман: «Я считаю, что мамой украинской коррупции, популизма и неэффективности является Юлия Тимошенко»⁴. Партия оказалась в Верховной Раде нынешнего созыва, едва преодолев в 2014 г. 5%-й барьер, но сегодня, по данным различных опросов, она вновь выбралась в лидеры электорального рейтинга, в первую очередь благодаря грамотной популистской политике. «Батькивщина» последовательно критикует все непопулярные решения властей, утверждая, что без очередного повышения тарифов, сужения льготных категорий и пр. вполне можно обойтись. В последнее время лейтмотивом выступлений представителей партии стала борьба за снижение тарифов на услуги ЖКХ.

Если же говорить о неформальном рейтинге популизма, за лавры лидера с «Батькивщиной» готова бороться Радикальная партия Олега Ляшко. В ее риторике и практике, по сути, кроме популизма ничего и нет. Зато используется оригинальный инструментарий – национальные стереотипы и архетипы. Вряд ли следует считать Ляшко истинным националистом: он не углубляется в идеологические дебри и полностью выхолащивает суть апелляций к славным традициям прошлого. Это позволяет партии оперативно менять свою повестку, обслуживая интересы различных финансово-промышленных групп. Основная база поддержки Радикальной партии – жители сел и небольших городов центральной Украины, для запада страны Ляшко куда менее убедителен.

Упомянутая выше «Свобода», хотя и не является сейчас парламентской партией, имеет довольно крепкие позиции как раз в западной Украине и неплохие шансы вернуться в Верховную Раду. Будучи типичной правопопулистской партией, она не чурается «левой» тематики: обещает снизить тарифы, повысить зарплаты, ликвидировать безработицу. В середине марта этого года Олег Тягнибок подписал Национальный манифест с лидерами партий «Правый сектор» (Дмитрий Ярош не имеет к ней отношения с конца 2015 г.) и «Национальный корпус» (создан на базе добровольческого полка «Азов»). Среди целей, указанных в манифесте, – разрыв дипотношений с РФ, разрешение владеть огнестрельным оружием, борьба с нелегальной миграцией, возвращение в госсобственность недр, стратегических объектов и приватизированных предприятий⁵. Подписание манифеста стало важной новостью украинской политики – прежде

---

⁴ http://news.liga.net/news/politics/14691048-groisman_timoshenko_mama_ukrainskoy_korruptsii.htm

⁵ <http://nv.ua/ukraine/politics/svoboda-pravyj-sektor-i-natsionalnyj-korpus-podpisali-dokument-ob-obedinenii-812693.html>

«свободовцы» и правые радикалы отзывались друг о друге прохладно, а то и вовсе с презрением.

Ряд политологов считают популистской и партию «Самопомощь», которую возглавляет мэр Львова Андрей Садовый. Впрочем, с ней все не так просто. Выйдя на общенациональный уровень (до того она воспринималась как сугубо региональная сила), партия обрела два практически не пересекающихся электоральных ядра. С одной стороны, это проевропейские, но консервативные избиратели западных областей, с другой, молодые образованные жители крупных городов по всей стране. Пытаясь не потерять поддержку ни одной из групп, ориентированных на совершенно разные ценности, партия вынуждена опасно балансировать и прибегать к популистской риторике (расчитанной в первую очередь на ядро консерваторов).

Возникает закономерный вопрос: где же на «политической карте» Украины находятся сейчас «классические» левопопулистские силы? Их положение за последние годы кардинальным образом изменилось. Потеря Киевом контроля над «самыми левыми» территориями, восприятие обществом «красных» как союзников враждебной России, дискредитация и запрет Коммунистической партии, полное фиаско социалистов и др. существенно сузили левое электоральное поле. Сейчас урожай на нем собирает, по большей части, «Оппозиционный блок». Вчерашние соратники Януковича прекрасно овладели популистской фразеологией: они требуют окончания войны, снижения тарифов, повышения пенсий, зарплат и далее по всем пунктам, уверяя, будто все это можно осуществить немедленно при наличии политической воли. Электорат «Оппоблока» сегодня оценивается в 13–15 %, что может вывести его на второе-третье место в случае досрочных парламентских выборов. Меньшая, но тоже заметная часть патерналистски настроенных избирателей дрейфует в сторону «Батькивщины».

Украинские либералы тем временем все меньше склонны поддерживать действующую власть. При этом ни одной либеральной или праволиберальной партии в постреволюционной Украине так и не возникло. Налицо отсутствие общественного запроса на внятную формулировку путей выхода из кризиса, которые не могут не оказаться весьма болезненными. Стараясь отхватить свою часть популистского электорального «пирога», политики предпочитают говорить о мерах по снижению тарифов. Соответственно возникло новое для страны явление, которое можно назвать «демократическим популизмом».

Наиболее ярким представителем такого течения является Михаил Саакашвили, бывший президент Грузии и бывший губернатор Одесской области. За последние неполные два года он успел

анонсировать несколько политических проектов: и антикоррупционное «Движение за очищение», и партию «Волна», и другую партию «Движение новых сил». Последняя в конце февраля официально зарегистрирована Министерством юстиции Украины. На интернет-сайте партии (по состоянию на начало апреля) нет никаких программных документов. Рейтинг еще не созданной партии Саакашвили был довольно высок в начале 2016 г. – около 10 %, однако уже летом упал до 3 %. Впрочем, в случае активной кампании с использованием харизмы лидера у «Движения новых сил» есть шанс преодолеть 5%-й барьер.

Является ли популистской самая большая партия страны – Блок Петра Порошенко «Солидарность»? БПП представляет собой довольно типичную постсоветскую «партию власти», имеет весьма аморфную структуру и включает представителей разных групп интересов. Разумеется, партия порой прибегает к популистским практикам, однако время от времени она же фактически берет на себя ответственность за непопулярные решения. Рассматривать БПП как идеологическую партию невозможно – это, скорее, объединение твердых и ситуативных сторонников действующего президента. Тем не менее по мере приближения к выборам, когда бы они ни состоялись, следует ожидать нарастания популистской риторики и здесь.

Нетрудно выделить основные темы, которые используют популисты, находящиеся в оппозиции, для атаки на действующую власть.

Это упомянутый выше рост тарифов на услуги ЖКХ, который действительно является одной из самых болезненных социально-экономических проблем сегодняшней Украины. Именно из популистских соображений в условиях перманентной предвыборной мобилизации вопрос о приведении тарифов в соответствие с рыночными реалиями тормозился менявшимися украинскими властями фактически с конца 1990-х гг. Крайняя необходимость решить этот вопрос совпала по времени со стремительным падением уровня жизни населения в 2014–2015 гг. Следует отметить, что популисты не предлагают серьезной дискуссии, поиска механизмов сдерживания роста тарифов, а сводят проблему лишь к отсутствию политической воли и наличию личных интересов у власть имущих.

Другая тема – критика Минских соглашений, обеспечивших в свое время резкое снижение интенсивности боевых действий на востоке страны. Написаны сотни статей, доказывающих невыгодность этих соглашений для Украины, высказаны десятки предположений о нехорошей тайной подоплеке решений руководства страны после военных поражений в сентябре 2014 г. и феврале 2015 г. Альтернативы, впрочем, предлагаются абсолютно голословные: от решительного наступления и освобождения Донецка и Луганска (национали-

сты) до немедленного прекращения войны в результате полюбовных договоренностей с непризнанными республиками и Москвой («Оппозиционный блок»).

Тема борьбы с коррупцией, еще год назад вызывавшая живой отклик у общества, сейчас многих уже просто раздражает. В стране созданы специальные антикоррупционные органы и институты, которые погрязли в склоках и пока не демонстрируют ожидавшейся от них эффективности. А все политики-популисты называют коррупцию одной из главных бед Украины и обещают ее победить и искоренить.

Существует и ряд более локальных, «нишевых» тем, которые позволяют отдельным популистским силам находить и мобилизовать сторонников. Это и блокада торговли с неподконтрольными Киеву районами, и акции против банков с российским капиталом, и языковой вопрос, по-прежнему сохраняющий актуальность для некоторых целевых аудиторий.

Можно уверенно прогнозировать, что популизм в ближайшие годы сохранит если не гегемонию, то, по крайней мере, отчетливое доминирование в украинском политическом дискурсе. Снижение его роли возможно по мере окончательной дискредитации большинства привычных лидеров в глазах избирателей и формирования общественного запроса на ответственные политические силы, готовые предлагать выверенные и инструментальные решения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Яковлевич Берелович, доктор, бывший профессор русистики в Университете Париж IV Сорбонна (с 1983 г.). В 2002–2006 гг. был директором Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве. Бывший сотрудник Центра российских, кавказских и восточно-европейских исследований (CERCEC, Париж). В 1994–1997 гг. – атташе по культуре посольства Франции в России. Сферы научных интересов: история Советской России, советская идеология и современное российское общество. Публикации: *Les Russes d'en bas, enquête sur la Russie post-communiste*. Paris: Seuil, 1996 (avec M. Wiewiorka); *100 portes de la Russie. De l'URSS à la CEI, les convulsions d'un géant*. Paris: Editions de l'Atelier, 1999 (avec J. Radvanyi); Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939 гг. М.: РОССПЭН, 1998–2005 (совместно с В. Даниловым); *L'Etat soviétique contre les paysans, rapports secrets de la police politique*. Paris: Tallandier, 2011 (avec N. Werth).

E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Карстен Грабов, хабилитированный доктор, исследователь и политический аналитик в Фонде Конрада Аденауэра. Сферы научных интересов: сравнительная политология, политические институты, исследования демократии. Публикации: *PEGIDA and the Alternative für Deutschland: Two Sides of the Same Coin? // European View*. 2016. Vol. 15. No. 2; «I want to destroy the EU»: EU Opponents in the 8th European Parliament. *Taking Stock of the Past Year* (with T. Oppelland).

E-mail: karsten.grabow@kas.de

Лев Дмитриевич Гудков, д. филос. н., директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-центр); главный редактор журнала «Вестник общественного мнения»; профессор социологии в НИУ ВШЭ. В 1970–1984 гг. работал в Институте социологии Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, а также в Отделе социологии Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В 1988–2006 гг. – ведущий научный сотрудник Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Сферы научных интересов: Россия, исследования общественного мнения, политические элиты, выборы. Публикации: *Putin's Relapse into Totalitarianism // The State of Russia: What Comes Next? / ed. M. Lipman, N. Petrov*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 86–109; *Russian Public Opinion in the Aftermath of the Ukraine Crisis // Russian Politics & Law*. 2015. Vol. 53. No. 4 (Special Issue: Russia in 2014). P. 32–44; The

Great Power Ideologeme as a Condition of Putin's Regime Legitimacy // The Power State Is Back? The Evolution of Russian Political Thought after 1991 / ed. R. M. Cucciolla. Roma: Reser DOC, 2016. P. 49–61.

E-mail: gudkov@levada.ru

Александр Владимирович Кынев, к. п. н., координатор проекта мониторинга Комитета гражданских инициатив (КГИ), доцент факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, член экспертно-совещательной группы Центральной избирательной комиссии (ЦИК) Российской Федерации. В 1996–2001 гг. работал в аппарате Государственной Думы и в Объединении «Яблоко». В 2006–2012 гг. возглавлял аналитический департамент Ассоциации в защиту прав избирателей «Голос». Сферы научных интересов: Россия, политические институты, выборы, региональные исследования и политические партии. Публикации: две монографии на тему истории выборов в региональные парламенты в России (2009, 2014); «Партии и выборы в современной России» (2010).

E-mail: avk3101@gmail.com

Борис Игоревич Макаренко, д. п. н., профессор кафедры сравнительной политологии НИУ ВШЭ, председатель правления независимого фонда «Центр политических технологий». В 2008–2012 гг. – директор управления внутренней политики Института современного развития (ИНСОР). Сферы научных интересов: сравнительная политология, модернизация, политические партии и политические институты. Публикации: Консерватизм и развитие: основы общественного согласия. М.: Альпина Паблишер, 2015; Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: РОССПЭН, 2015.

E-mail: bmakarenko@yandex.ru

Андрей Николаевич Медушевский, д. филос. н., профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, академик РАЕН, ведущий эксперт Института права и публичной политики. Председатель научно-консультационного совета издания «Сравнительное конституционное право» и ведущий эксперт Международного института права и общественного мнения, автор 15 книг и более 500 статей в отечественных и зарубежных научных изданиях. Сферы научных интересов: юридическая философия, идеологии, сравнительный конституционализм, политические институты, российский политический процесс. Публикации: Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., 2017; Russian Constitutionalism: Historical and Contemporary Development. London; New York, 2007; Conservative Political Romanticism in Post-Soviet Russia // Power and Legitimacy – Challenges from Russia. London; New York, 2013. P. 169–187; Problems of Modernizing the Constitutional Order: Is It Necessary to Revise Russia's Basic Law? // Russian Politics & Law. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 44–59.

E-mail: amedushevsky@mail.ru

Вернер Йозеф Патцельт, хабилитированный доктор, профессор политологии Технического университета Дрездена, член Немецкой ассоциации по-

литологов, Комиссии по истории парламентаризма и политических партий, член редакционных советов журналов «Парламентские вопросы» (Zeitschrift für Parlamentsfragen) и «Государство и европейские исследования» (Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften). Сферы научных интересов: сравнительный анализ политических систем, исследование парламентаризма, немецкие популистские движения, политические коммуникации, сравнительный исторический анализ политических институтов, эволюционные теории в политологии. Публикации: *Abgeordnete und Repräsentation. Amtsverständnis und Wahlkreisarbeit*. Passau: Rothe, 1993; *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. Würzburg: Ergon-Verlag, 2007 (Politikwissenschaftliche Theorie. Bd. 3); *Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien*. Baden-Baden: Nomos, 2012 (Studien zum Parlamentarismus. Bd. 11); *Einführung in die Politikwissenschaft*. 7. Aufl. Passau: Rothe, 2013.

E-mail: werner.patzelt@tu-dresden.de

Николай Владимирович Петров, к. г. н., профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ. Ранее руководил программой «Общество и регионы» Московского центра Карнеги. В 1982–2006 гг. был ведущим научным сотрудником Института географии РАН. Сферы научных интересов: Россия, политические институты, политические элиты, выборы, регионалистика и география. Публикации: *Putin's Downfall: The Coming Crisis of the Russian Regime*. ECFR, 2016; *The State of Russia: What Comes Next?* Palgrave Macmillan, 2015 (ed. with M. Lipman).

E-mail: nikkpetrov@gmail.com

Андрей Виленович Рябов, главный редактор академического журнала «Мировая экономика и международные отношения» (World Economy and International Relations) и ведущий исследователь Института Примакова РАН. Входил в научный совет Московского центра Карнеги в качестве сопредседателя программы «Российская внутренняя политика и политические институты». С 1993 г. является экспертом Фонда Горбачева. Сферы научных интересов: политические трансформационные процессы на постсоветском пространстве. Публикации: *Основные политические конфликты и тенденции политического развития на постсоветском пространстве // Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 90–100 (совместно с Дж. Нисневич); *Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 162–181.

E-mail: andreyr@imemo.ru

Георгий Львович Чижов, российский политолог, последние десять лет работающий на Украине. Руководитель исследовательских программ Центра содействия реформам в Киеве, бывший вице-президент московского Центра политических технологий. Автор множества статей и политический аналитик для издания «РБК», портала polit.ru, «Независимой газеты» и украинских СМИ (канал «112», компания интернет-вещания «Громадське

радіо», интернет-порталы obozrevatel.com, tv.ua), член экспертной группы «Европейский диалог» и ее координатор на Украине. Сферы научных интересов: российская и украинская политика, выборы, региональные элиты, децентрализация и местное самоуправление.

E-mail: egorch012@gmail.com

Научное издание

Популизм как общий вызов

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.02.2018.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.

Тираж 300 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)